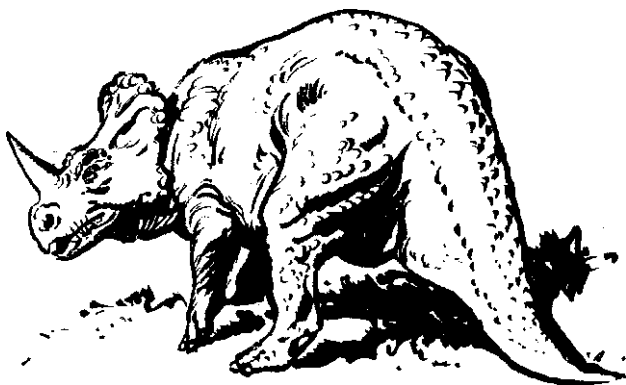

ЙОЗЕФ АУГУСТА

ИЗ ГЛУБИН ДРЕВНОСТИ

ЙОЗЕФ АУГУСТА

ИЗ ГЛУБИН ДРЕВНОСТИ

1959

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПРАГА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ИЗ ГЛУБИН ДРЕВНОСТИ.....	5
ДРАКОНЬЯ ДОЛИНА.....	22
ГИБЕЛЬНОЕ ОЗЕРО.....	47
БИТВА ЧУДОВИЩ	59
ПЕРНАТЫЙ ВЕЛИКАН.....	71
ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТРОПИНКА	83
КАМЕННАЯ МОГИЛА	103
СМЕРТЬ ОМА	110
ЗА МАМОНТОМ.....	130
ПОСЛЕСЛОВИЕ	152

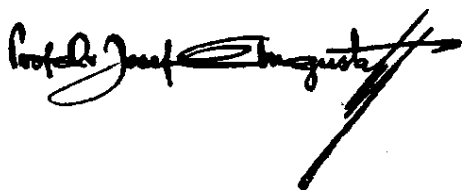
ПРЕДИСЛОВИЕ

Пошли со мной, дорогой читатель – в неведомые места давних времен, в бездонные глубины минувшего прошлого, чтобы узнать часть великих тайн планеты, на которой ты родился!

Пойдем вместе по исчезнувшим мирам, по землям сказочной красоты и безнадежной пустоты, полным радостной жизни и мертвой тишины, в свете солнечных дней и под грохот разбушевавшихся стихий. Пойдем вместе широкими равнинами и дикими скалистыми горами, шумящими древними лесами и неприветливыми пустынями, нас не остановят ни текущие реки, ни гладь озер, ни даже бесконечные морские просторы.

И на этом пути ты узнаешь то, что еще никто не видел своими глазами. Ты узришь нетронутую и никем не оскверненную красоту природы прошедших времен, поразишься великолепию древней растительности, вздрогнешь от страха при виде чудовищных тварей и встретишься со своими далекими предками. Ты узнаешь, что все в те давние времена было другим, что иными были моря и континенты, животные и растения и что для всех них был свой срок, пусть порой и невероятно долгий, но всегда конечный, и когда он наступал, они безвозвратно исчезали в темной пропасти забвения.

Пойдем же туда со мной, дорогой читатель – в неведомые места давних времен, в бездонные глубины минувшего прошлого, чтобы узнать часть великих тайн планеты, на которой ты родился!

A handwritten signature in black ink, which appears to read 'Rudolf Jung'. The signature is stylized and includes a long, sweeping horizontal stroke at the end.

ИЗ ГЛУБИН ДРЕВНОСТИ

Прозрачная гладь мелкой лагуны блестела в лучах утреннего солнца, будто серебряное зеркало.

Прямо на берегу простирались рощицы и заросли цикадовых. Некоторые из этих подобных пальмам растений распростерли свои широкие кроны с роскошными перистыми листьями довольно низко над землей, иные же вознесли их на стройных стволах высоко в воздух, где они сверкали зеленью в океане солнца и величественно колыхались под мирным ветерком – пышные и словно бы гордящиеся своей неотразимой красотой.

Рощицы изящных саговников сменялись рощами хвойных деревьев, чей смолистый запах наполнял атмосферу и растекался как фимиам далеко вокруг. Сучковатые ветви, поросшие на концах пучками длинных зеленых иголок, переплелись друг с другом, бесцеремонно продираясь все выше и выше к воздушному морю с единственной целью – поймать как можно больше жарких лучей тропического солнца.

В топях и болотах среди зеленых ковриков мха и ползучих печеночников росли бахромчатые веера папоротников, над ними высились жесткие заросли хвощей, мрачных и печальных, словно хранящих горькие воспоминания о лучших временах и своей давно утраченной славе.

Господствующие здесь растения были разных оттенков.

Дождь из солнечных лучей падал на темную зелень хвойных лесов, окроплял светлые кроны саговников, поливал многочисленные низкие хвои и кусты папоротников, подобных вороху зеленых кружев. В этом царстве древней красоты юрского периода мезозойской эры еще не существовало растений, которые могли бы похвастаться хотя бы скромным цветением и ароматом. Цветы с их яркой окраской и чарующими запахами стали украшением мира лишь в будущие эпохи.

На небольшом плоском валуне под зеленым кружевом низких папоротников грелась маленькая ящерицеподобная рептилия хомеозавр – он отдыхал после утренней охоты и был так сыт, что суеящаяся поблизости древняя жужелица прокалосома не потревожила его, хотя в другое время стала бы желанной добычей. Вместо того чтобы схватить жука, он еще плотнее прижался к разогретой поверхности валуна, закрыл глаза и начал дремать.

Этот мирный сон долго никто не нарушал.

Внезапно вся дремота хомеозавра исчезла без следа из-за какого-то шума. Он стремительно открыл глаза и увидел, как над ним пронеслась большая древняя стрекоза урогомфус, преследуемая

Хомеозавр молнией соскочил с валуна и исчез среди зеленых пучков папоротника, чьи ажурные веера закачались туда и сюда из-за его поспешного бегства. Из этих зеленых волн испуганно вылетела древняя ночная бабочка лимакодитес, которая выбрала один из папоротников в качестве своей дневки; она в ужасе несколько раз раскрыла крепкие жвала, которыми пережевывала растительные ткани, ведь у тогдашних мотыльков еще не было хоботка, он, впрочем, был им не нужен – тогда не существовало цветов со сладким нектаром.

Прототаракан мезоблатта тоже перепугался – рысью шмыгнул под ближайший камень, а следом поспешили и несколько его собратьев. Тягостная тишина повисла над этим прекрасным уголком тропической страны. Летящий ящер, гонящийся с раскрытой зубастой пастью за большой стрекозой

по раскаленному воздушному морю, уже исчез вдаль, а вместе с ним пропали хомеозавр и те, кого он всполошил во время бегства.

Вся жизнь здесь затихла. Но ненадолго.

Вот на плоском валуне внезапно появился огромный кузнечик пикнофлебия, подполз к его краю и большим прыжком перенесся над голым песком к зеленой ветке низкого саговника. Из папоротниковых зарослей осторожно вылез хомеозавр, огляделся в ожидании, а когда не заметил нигде движения, то ловко вскарабкался на валун, чтобы продолжить наслаждаться прерванной солнечной ванной и мирным отдыхом.

Прототараканы тоже выбрались из своего укрытия и в суетливой суматохе засновали в поисках пищи в кучах гниющих листьев и трухлявых корнях поваленных непогодой деревьев.

Край снова ожил... Откуда-то издалека, с широкой и голой равнины сюда примчался мелкий компсогнат, смешной карликовый представитель племени гигантов-динозавров величиной не больше кошки. Он бегал на задних ногах, прижимая в это время, маленькие и слабые передние лапки к

телу, чтобы те беспомощно не болтались из стороны в сторону. Длинный хвост был задран высоко над землей. Маленькая ящеричья голова покоилась на стройной шее, а в раскрытой узкой пасти сверкали ряды острых конусообразных зубов, обещавших гибель и смерть тем, на кого отваживался напасть маленький динозавр.

Чувство голода пригнало мелкого компсогната к берегу лагуны. Но его бег не был непрерывным. На какое-то время он останавливался, ящеричья головка крутилась во все стороны и своими оливково-зелеными глазами высматривала добычу. Когда же таковой не оказывалось поблизости, компсогнат снова переходил на бег.

Он бежал по легкому склону отлогого холма, там и сям поросшем зарослями низких саговников, чьи рассеченные листья в потоках белого солнечного света походили на длинные языки зеленого пламени. Но ни разу не остановился, пока не достиг вершины.

И там перед ним открылась вся красота давным-давно исчезнувшего мира юрского периода.

Всюду, насколько хватало взгляда, тянулась широкая, чуть всхолмленная равнина, которую где-то далеко на горизонте сменял лазурный простор моря. Его берега были иссечены бесчисленными лагунами, в чьей блестящей глади четко отражались зеленые пояса растительности и золотые песчаные пляжи. В раскинувшихся делях угадывались причудливые очертания древних хвойных чащ и рощ прекрасных цикадовых, тянулись топи и болота с понурыми зарослями шуршащих хвощей и с мозаикой всех оттенков зелени из папоротников и мхов. Тропическое солнце сияло огненными стрелами своих лучей, распалило воздух и жаркими волнами тепла и света побуждало любую растительность к обильному и поразительному процветанию.

Но компсогнату не было дела до окружавшей его красоты. Он застыл на верхушке холма будто окаменевший фантом, с повернутой вверх головой и упертым в землю хвостом. Его глаза зорко осматривали край, тщательно пытаясь уловить любое движение поблизости, но нигде не было ничего живого и

ничто не шевелилось. Перед ним повсюду виднелась лишь равнина и ничего другого – ни деревьев, ни зарослей саговников, ни пучков папоротников, ни даже скалы с россыпью валунов, где что-нибудь могло укрыться от его взора. И чем дольше голод грыз его утробу, тем сильнее становилось беспокойство ящера.

Внезапно он снова побежал.

Он живо спустился по пологому холму и ускорил свой прыткий бег, чтобы побыстрее добраться до плоского валуна, на котором грелся и отдыхал маленький хомеозавр. Компсогнат устремился прямо к нему.

Лежащий на солнышке и дремлющий хомеозавр сразу не обратил внимания на приближающуюся опасность, а когда распознал ее, то было уже поздно. Зубастые челюсти компсогната с хищной жадностью впились в чешуйчатое тело, стиснули и держали его. Напрасно металась пойманная ящерка, напрасно дергалась и хлестала хвостом – крепко сжатые зубы не отпускали, быстро усиливая хватку и дробя кости. Искалеченный хомеозавр проигрывал в этой тщетной безнадежной борьбе, вот он начал корчиться, задрожал и затрясся, а потом оцепенел, когда в теле жертвы угасла последняя искорка жизни.

Компсогнат выпустил из пасти мертвую ящерку, оглядел ее алчными глазами, а потом, снедаемый голодом, набросился на пищу.

Добыча была мелкой, потому пир закончился быстро. Когда последний кусок исчез в его глотке, ящер отправился дальше – хоть и полакомившийся, но не сытый.

Он промчался мимо окраины рощи цикадовых и направился к древнему лесу хвойных араукарий. Под сенью деревьев его встретили приятная прохлада и смолистый запах.

Компсогнат ничуть не обратил внимания на это приветствие, ничто не могло его порадовать или тронуть – он высматривал новую добычу, которую сумел бы поймать и которой смог бы наполнить свою голодную утробу.

Ящер побежал лесной прогалиной, огибая мощные корни деревьев и густые заросли подлеска, преграждавшие ему путь.

Он остановился, неожиданно оказавшись на берегу небольшой речушки, которая, извиваясь, быстро текла по древнему лесу, неся свои кристально-чистые воды в объятия лежащей неподалеку лагуны.

Но и там он надолго не задержался. Ящер огляделся кругом и, когда убедился в том, что здесь и в помине нет ничего такого, во что он мог бы вонзить свои острые зубы, помчался дальше. Он бежал вдоль берега речки, где с безудержной силой в разлившейся теплой и чистой воде буйствовали растения, наполняя все части своих зеленых тел живительной влагою, которая заставляла их тянуться ввысь и вширь и благодаря которой развивались их удивительные виды неопишуемой пышности.

Вскоре компсогнат достиг места, где речка вливалась в лазурную лагуну. Это был уголок дивной красоты, созданный сочетанием сверкающего небосклона, сини вод, зелени растений и золотистого песка.

Компсогнат остановился возле небольшого утеса, затененного несколькими старыми хвойными деревьями, и осмотрелся. Трудно описать всю ту красу, что окружала его. Желтый песок чередовался с островками буйной растительности, которые резкими линиями были отделены от моря, сливавшегося где-то далеко на горизонте с небосводом. Над водой в однообразном свадебном танце неустанно роились древние поденки – в единственной пляске их короткой жизни. В жарком воздухе носились древние стрекозы. По глади тихих заток скользили удивительные хресмоды, это были прямокрылые насекомые, очень похожие на нынешних водомеров, отличавшиеся от них наличием жвал и еще тем, что использовали передние лапки для хватания добычи. В чистой воде, на дне или водных растениях, тяжело и медленно волочили свои защитные домики личинки древних ручейников, лениво лежали древние клопы-скорпионы и быстро сновали хищные, подобные нынешним плавтам протоклопы рода мезобелостомум. В темных уголках подстерегали свою добычу бесчисленные раки самого разного вида и величины, кряжистые и тонкие, с большими и маленькими клешнями, а также мелкие

плутоватые крабы – боязливые, но весьма отважные с теми, кто оказывался слабее их. Там, где в лагунах было скальное дно, вырастали коралловые рифы великолепной расцветки, над ними склонялись нежные чашечки морских лилий на длинных хрупких стебельках. Рядом с кораллами искали себе добычу многочисленные морские ежи, мимо один раз проплыла причудливая каракатица, шаря своими огромными глазами по сторонам в поисках пищи, которую она могла бы ухватить полными присосок щупальцами.

Но глаза компсогнаты не воспринимали всего этого. Его интересовало нечто совсем иное, чем вся эта органичная жизнь, которая кипела, бурлила и ликовала здесь, которая в новых видах устремлялась на лоне природы навстречу ясному солнечному дню и которая несла в себе зачатки для будущего развития на пути эволюции.

Голодный компсогнат жадно наблюдал за несколькими небольшими птеродактилями, летающими ящерами с когтистыми лапами и с темными нетопырьими крыльями. Летательные перепонки одной стороной были приросшими к боку тела, а другой – к пятому пальцу передних конечностей, который был намного длиннее всех остальных, но зато на нем отсутствовал коготь. Походили птеродактили на маленьких драконов с удлинённой клювоподобной пастью, усаженной рядами пусть и мелких, но острых зубов. Эти дракончики не имели хвостов и их морщинистую кожу серого цвета не покрывала чешуя.

Старые деревья на утесе, возле подножия которого стоял компсогнат, служили уже очень долго домом для крылатых ящеров. Они прилетали сюда в сумерках, цеплялись за ветви, повисая вниз головой и проводили так ночное время, закутавшись в свои широкие летательные перепонки.

Большинство из них давно уже улетели, компсогнат застал лишь нескольких последних спящих. Он никак не мог оторвать от них взгляд и внимательно наблюдал, как они понемногу воспряли к жизни, как потягивались, расправляя крылья и слегка ими взмахивая, словно желая стряхнуть с себя сонное оцепенение, и как карабкались по веткам, если выбранное для ночлега место не годилось для взлета.

Глаза компсогната запылали огнем алчной жадности. Он весь затрясся в нетерпеливом желании броситься на одного из птицейящеров и впиться зубастой пастью в его кожистое тело. Но птеродактили были слишком высоко, в кроне могучей араукарии, так что допрыгнуть до них у него бы не вышло. Потому-то ящер бешено хлестал длинным хвостом и стегал им куст низких папоротников.

Птицеящеры прекрасно знали о присутствии голодного компсогната. Они внимательно глядели на него своими зелеными глазами, защищенными кругами темных костяных чешуек, но делали это без всякого страха, потому что понимали, что здесь он им не сможет навредить. Один за другим птеродактили улетали, игнорируя беспомощно топчущегося ящера. Когда последний из них, трепеща крыльями, устремился к блестящей глади близкой лагуны, голодный компсогнат несколько раз щелкнул челюстями, а потом тоже побежал к морю. Он знал, где можно проще всего отыскать что-нибудь для утоления голода.

Но компсогнат не был единственным, кто знал об этом.

Еще задолго до прихода ящера здесь охотилась первоптица археоптерикс. Первоптица археоптерикс! Чудо света конца юрского периода, невероятный и великолепный венец творения среди всех тогдашних живых существ!

Первое создание с телом, хвостом и конечностями, покрытыми оперением, первый предвестник будущих покорителей воздушного океана, первый проблеск грядущего буйства красок, первый аккорд зазвучавших в будущем радостных песен!

На теле той первоптицы еще можно было различить много свойственных ящерам признаков. Клюв ее напояняли острые конусовидные зубы. Глазные яблоки прикрывали словно защитный панцирь круги из костяных пластин. Жесткий хвост был длинным и до самого кончика состоял из позвонков, все меньших и меньших по размеру. На каждом из ее крыльев еще имелось по три гибких когтистых пальца. Все эти четкие признаки неопровержимо доказывают происхождение птиц от рептилий. Из-за чего случилась такая перемена – пока еще покрыто завесой тайны. Известно лишь одно – путь к возникновению первой птицы был долгим, столь долгим, что не счесть в годах, как мы, люди, привыкли делать. Но путь этот – замечательный и великолепный.

Многие сотни тысяч лет безвозвратно канули в глубокую пропасть прошлого с той поры, когда некие маленькие нежные проторептилии, обитавшие в конце палеозоя или в самом начале

мезозоя в горных или полупустынных областях, где не росли древние леса, но зато имелось в достатке кустарников, научились передвигаться исключительно на задних ногах. Они хорошо умели не только бегать по земле, но и лазать по камням, перескакивать с ветки на ветку и с ветки – на землю. Сперва это были совсем низкие прыжки, проторептилии помогали себе при этом тем, что во время падения раздвигали в стороны короткие и слабые передние конечности. Лишь их потомки из поколений далекого будущего смогли отважиться на более дальнее перескакивание, но и им нужно было остерегаться навредить себе во время падения; их преимущество состояло в том, что чешуйки на передних конечностях, по бокам тела, на бедрах и на длинном хвосте увеличились в размерах, также они освоили первое примитивное планирование, позволявшее осуществить несложный перелет с верхней ветки на нижнюю или с ветки на землю. От тех порхающих проторептилий-протоптиц оставался всего один маленький шаг к настоящим первоптицам; требовалось лишь, чтобы их тела еще больше приспособились к полету, а перья заменили чешую. Подробности того, как и когда произошла эта удивительная перемена, окутаны тайной, нам только известно, что она произошла. Археоптерикс, чудо света конца юрского периода, невероятный и великолепный венец творения среди всех тогдашних живых существ – прямое тому доказательство.

То место на берегу лагуны, куда прибежал компсогнат, давно было охотничьими угодьями археоптериксов. Их дом находился на высокой араукарии, в развилке суковатых ветвей они свили там гнездо – неумело, из грубых прутьев, выстлав его побегами саговников.

Едва пару археоптериксов разбудили рассветные лучи, как они тотчас же начали выслеживать добычу. Их убранство из перьев блестело под ранним солнцем металлическими оттенками, перемежавшихся рядами белых пятен, которые тянулись через крылья и хвост и сменялись белесой полосой под горлом. На их головах не росли перья, они оставались последним местом, где еще сохранилась чешуя.

Они долго высматривали добычу с ветвей араукарии. Но самцу повезло поймать только большого проторогохвоста псевдосирекса, который неосмотрительно сел отдохнуть прямо перед первоптицей.

А потом долго не было никаких успехов в охоте.

Когда ничего съедобного в кронах деревьев больше не появилось, самец решил попытаться отыскать что-нибудь годное внизу — на желтом песке с редко растущими саговниками.

Но о любом своем умысле он должен был известить самку. Потому выпятил грудь, распушил перья на нежном тельце и испустил сквозь ряды острых зубок резкий и грубый крик —

единственный звук, который могло издать его горлышко. Далеко еще было до тех времен, когда в ходе эволюции этот резкий вопль превратился в величественное пение, славящее рождающийся день, или в каскады трелей, раздающихся тихими весенними вечерами.

Едва только стих скрежещущий крик, как самец понесся к земле. Самка послушно следовала за ним.

Но и здесь удача не сопровождала археоптериксам. Напрасно искали они каких-нибудь кузнечиков, тараканов или жуков; не нашли нигде ничего, даже жалкого червяка.

И тогда они решили сменить место охоты.

Первоптицы подскочили к стволу большого саговника, который одиноко высился над своими низкорослыми собратьями, вскарабкались на него до самой кроны, помогая себе когтистыми лапами и пальцами на крыльях, а оттуда, спланировав, достигли окраины араукариевого леса. Снова и снова они карабкались по коре к вершине и вот так, планируя от одного дерева к другому, постепенно добрались до берега лагуны.

Но прежде чем спуститься на землю, древние птицы внимательно огляделись

Они видели, как где-то далеко от берега летают несколько птеродактилей, занятых ловлей рыбы и как пара морских крокодилов геозавров, отлично приспособленных к жизни в воде, бешено бороздит в брачном танце водную гладь. Видели, как шарахнулась от геозавров древняя черепаха эуристернум и как она шустро припустила по мелководью к побережью, распугав своим появлением стайку мелких рыбок лептолеписов, вечно преследуемых протоакулами гетеродонтами, кистеперыми ундинами и костноганоидными аспидоринхами с остроконечными удлинёнными мордами. Видели, как в прозрачной воде к близлежащему коралловому рифу плывут несколько больших лепидотов, костноганоидных рыб со странными пуговицеподобными зубами в пастьях, они раздавливали ими твердые панцири различных улиток, ракушек и брахиопод, чтобы полакомиться их скользкими телами.

Пока компсогнат не доел рака, он даже не обращал внимания на археоптериксов
(к повести „Из глубин древности“)

Все увиденное не сулило первоптицам никакой угрозы.

Потому они расправили крылья и потихоньку опустились к кроне низкого саговника. Каждый уселся на один из длинных перистых листьев и озирался в поисках того, что было бы можно съесть. Нождаанно на глаза им попался выброшенный волнами недалеко от саговника древний рак мекохирус, чьи клешни были в два раза длиннее его тела.

Археоптериксы живо слетели к нему, чтобы попытаться разодрать рачий панцирь своими слабыми зубками.

Но вонзить зубы в найденную пищу не удалось – им пришлось поспешно взлететь туда, откуда они только что спустились. Вновь усевшись на листьях саговника, первоптицы испуганно глядели на компсогната. Тот как раз остановился у тела рака и без долгих размышлений начал дробить своими челюстями твердый рачий панцирь, от которого ящер с треском отрывал куски, так что начало виднеться беловатое мягкое мясо.

Нахохлившиеся первоптицы издавали грубые пронзительные крики, словно бы сетуя о потерянной еде.

Пока компсогнат не доел рака, он даже не обращал внимания на археоптериксов. Покончив со скудной пищей, ящер спустя некоторое время возжелал поймать их. Ведь это была добыча! Ими бы он не просто утолил голод, а наелся бы до отвала. Ящер запросто бы справился с первоптицами, ведь те по величине не превосходили голубя. Но они сидели высоко и достать их не было никакой возможности.

Компсогнат бегаа кругами то вблизи саговника, то в отдалении, смешно скакаа с места на место и даже несколько раз попытала в прыжке достать археоптериксов.

Но первоптицы не боялись, потому что видели – мелкому компсогнату до них не дотянуться, пока они не окажутся на земле. Потому из маленьких горлышек хоть и вырывались скрипучие вопли и шипение, но не от страха, а из-за недовольства.

Однако ни компсогнат в своей плотоядной алчности, ни взволнованные археоптериксы не замечали происходящее вокруг. Потому от их внимания ускользнуло то, что на западе безбрежного небесного купола появилась черная туча,

заслонившая часть лазурного простора.

Она постоянно росла, длинные края преломляли солнечные лучи, создавали ужасающую мозаику из света и тени, неустанно изменяющуюся в своей грозной красе. Когда же туча, подобная гигантскому спруту, закрыла яркий солнечный диск, мир вокруг потемнел, все приобрело резкие очертания в преддверии близящегося бедствия.

А ящер и первоптицы совсем не обращали внимания на признаки надвигающейся бури. Все живое поспешило скрыться, лишь они не чуяли опасности. Компсогнат все так же бегал вокруг саговника и все так же пробовал в прыжке достать приглянувшуюся добычу, а нахохлившиеся археоптериксы клекотали на него с вышины.

Так и получилось, что их неожиданно застигла буря.

Сразу же, будто по волшебству, задул резкий ветер. В порыве хищного уничтожения он налетал на все, что оказывалось на пути. То, что не поддавалось его напору и силе, ветер подхватывал и с протяжным свистом уносил с собой, чтобы чуть спустя отбросить, словно ребенок – надоевшую игрушку. В дикой атаке вихрь метнулся к древнему лесу, с рокотом пронесся по нему и, сопровождаемый треском обломанных ветвей, помчался к лагуне.

И спустя миг уже был там.

Обоих археоптериксов сдернуло с саговника, в крутящемся вихре подняло ввысь, обрывая с их тел перья. Новый порыв выхватил первоптиц из воронки и понес их вперед, беспомощных и полумертвых. Раз за разом вихрь то побрасывал их вверх, то кидал вниз и тащил дальше, хлеща маленькие тела все новыми потоками воздуха. И вдруг, будто пресытившись своей жестокой игрой, со страшной силой швырнул одну из первоптиц на землю. Она резко, камнем упала вниз, ударившись своей маленькой головкой о скалу, чей острый край пробил кости черепа и размозжил его. Из раны вытекала кровь, а с ней уходила и жизнь бедной первоптицы.

Другого археоптерикса вихрь поволок дальше. Но и его он швырнул оземь, когда достиг морского берега, словно хотел сполна применить свою силу для того, чтобы обрушиться на

гладь моря, превратив ее в скопище вспененных волн.

Первоптица упала в мягкий ил, но прежде чем она пришла в чувство, исполинская волна накрыла ее и обволокла принесенной с собой грязью. Каждая из последующих волн покрывала осадком эту сырую могилу – чем дольше, тем сильнее.

И компсогнат тоже не избежал своей гибели.

В последний момент он пустился наутек от вихря, в ужасе высматривая, где бы спрятаться. Но найти укрытие не удалось – смерч настиг ящера и швырнул точно перышко, сорванное с тела первоптицы. Компсогнат сопротивлялся ударам ветра, пока силы не оставили его. Он добрался до нескольких больших валунов, под чьей защитой рассчитывал переждать ярость разбушевавшейся стихии. Возможно, ящеру бы это удалось, если бы не удар большой ветвью, которую буря выломала где-то в древнем лесу, а теперь швырнула прямо на него. Компсогнат неподвижно лежал на земле и тяжело дышал. Смертельные внутренние повреждения и несколько переломанных костей вызвали обморок, от которого он так и не очнулся.

В тот самый миг, когда последняя искорка жизни угасла в израненном теле компсогната, черноту туч пересекла длинная и

ветвистая молния. Едва только она исчезла, как тут же раздалась раскаты грома, чьи отзвуки разнеслись по всему краю.

А потом хлынул дождь.

Потоки воды лились на землю из черных туч, падали непрерывно, укутав все кругом мутным, седым покрывалом. Край дивной красоты с его яркими красками преобразился в невыразительную местность серых тонов, в которой все растворялось, все исчезало в забвении...

Буря прекратилась так же внезапно, как и началась.

Свинцовые облака разошлись далеко в стороны, явив полосу лазурного небосвода. Она начала расширяться, сливаясь с другими такими же, которые тоже разрывали серый мрак в бесформенные клочья, оттесняя их куда-то далеко за горизонт.

Золотой солнечный диск, больше ничем не заслоненный, вновь озарил лучами целый край, отчего покрывавшие растения дождевые капли заиграли великолепными алмазными оттенками. Вновь купол неба приобрел свой голубой цвет, вновь золотисто засветился песок, вновь ликующе зазеленели рощи и леса.

Красивая, похожая на бабочку сетчатокрылая калиграмма летела через край возродившегося великолепия. На мгновение села на лист саговника, но тут же снова отправилась дальше своим блуждающим путем, словно бы собираясь огласить повсюду весть о том, что буйство стихии утихло и что опять можно радоваться солнцу и жизни. Изящное насекомое пролетело и над мертвыми телами тех, кому уже больше никогда не суждено было услышать ее послание.

ДРАКОНЬЯ ДОЛИНА

Сияющий дождь жарких солнечных лучей без усталы лился на сказочный край.

Далеко и широко протянулись глади мелководья, распадающегося на бессчелные зеркала маленких озер, прудов и топей с высокими ярко-зелеными зарослями трубчатого тростника и ситника, которые волновались и колыхались под порывами ветра, шуршали и шумели во время сильных ливней.

В глубоких водоемах покоились округлые зеленые листья красавиц-кувшинок. Их цветы-короны сияли белоснежными лепестками, закрываясь на ночь, а по утрам, окропленные чистой росой, они вновь распускались под нежными поцелуями восходящего солнца.

На берегах озер папоротники боролись за место под солнцем с густыми кустами камыша, на чьих щетинистых стеблях раскачивались полные семян нежные колоски. Подальше, в сухих местах, росли разнообразные травы и похожая на них осока. Всюду простирались обширные зеленые

ковры, все дальше и дальше вторгающиеся на золотистые пески, которые безуспешно сопротивлялись бурным волнам этого живого прибоя.

На плоских низинах и холмах кое-где торчали высокие кустарники. Над ними раскидывали кроны из великолепных ажурных и бахромчатых листьев древовидные папоротники; своей красотой щеголяли и замечательные цикладовые-саговники, о чьи кроны разбивались на тысячи сверкающих осколков лучи солнца, отражаясь на зелени кустов или ковриков травы в хаотической смеси света и тени.

В местах, расположенных выше и на взгорьях задумчиво стояли древние хвойные чащи, чередуясь с радующими глаз лиственными деревьями — тополями, дубами, березами, ольхами, буками, коричневыми лаврами, смоковницами и другими. Они не так уж давно украсили поверхность Земли и понемногу разрастались в те поразительно огромные и величественные лиственные леса, которые, однако, лишь в третичном периоде кайнозоя превратились в прекраснейшие декорации природы.

Таким выглядел этот край в тех местах, где каждый день восходило солнце. А на стороне заката поднимающиеся из песчаной почвы низкие, дико изломанные скалы усеивали низкорослые деревца и растения-суккуленты, но лишь там, где в трещинах или чашеобразных скальных углублениях удерживалось немного песчаного грунта, который не могли смыть ливни.

Какая же значительная разница была между восходной и закатной сторонами! Там — зеленые холмы и низины с озерцами, прудами и болотцами, их палило солнце, порождая над влажной поверхностью теплое туманное марево, а в нем, поражая изобилием видов, с изумительной силой буйствовала растительность, в борьбе за кусок места под солнцем все там прорастало и рвалось, душило и давило, проигрывало и побеждало, здесь же — пересохший песок и голая пустыня с раскаленными скалами. Там раскинулись древние леса, шепчущие вечернему ветерку свои задумчивые песни, а здесь — беспорядочное нагромождение камней, тысячи жалобных

причитаний, чуждающихся в шуме ветряных смерчей над однообразием безрадостной пустыни. Там – яркая зелень жизни, здесь – желтая безжизненность!

Но все же в одном месте та песчаная пустыня выглядела чуть-чуть повеселее. Это было там, где из каменной расселины вытекал слабый ручеек. Он падал в серебристом облаке брызг к подножию скалы, где исчезал в голубой воде небольшого пруда, чьи берега скрывали непролазные гущи мхов, трав и папоротников. Ручей без устали наполнял пруд, но сделать это до конца не мог, потому что вода постоянно стекала по глубокому ущелью, направляясь к болотам и топям, которые принимали ее с благодарностью.

Вот так, должно быть, выглядел тот край, столь щедро поливаемый солнечными лучами. Так, вероятно, выглядел неприметный уголок загадочного, давно ушедшего мира в конце мезозоя, мира диких, чудовищных пресмыкающихся невероятного облика и невиданной величины.

- - - -

Там, где из расселины в скалах вытекал поток воды и в серебристом облаке брызг падал в маленький пруд, из лабиринта огромных, дико разбросанных валунов, которые лишь чуть-чуть скрывала тень древесных крон, появилась гигантская чудовищная рептилия.

Это был хищный горгозавр.

Тяжелыми, неторопливыми шагами пробирался он меж валунов и мягкая почва проминалась под страшным весом исполинского чудовища. Гигант выглядел словно какая-то ужасная химера, а не реальное создание.

Вдруг горгозавр остановился и осмотрелся вокруг.

От тупого взгляда ожившего кошмара веяло жутью. Монстр был больше четырех метров в высоту и больше восьми метров в длину. Он передвигался на могучих задних лапах, опираясь на длинный и сильный, сужающийся к концу хвост. Голова была высоко поднята, а в полуоткрытой пасти блестел ряд острых, способных одним укусом вырывать огромные куски мяса из всего живого или мертвого. Его передние лапы выглядели маленькими и слабыми, они

казались забавно недоразвитыми по сравнению с остальными частями могучего тела. Но и на их пальцах имелись когти, хотя и намного меньшие, чем те, которыми были вооружены сильные задние ноги.

Ящер стоял словно окаменевшая гора из костей и мяса и в тупом взгляде его зеленых глаз, расположенных в задней части сплюснутого черепа, не проявлялась даже малая искорка мозговой деятельности, а одни лишь слабые проблески инстинктов, которые бушевали не только в его крови, но и в крови всех сородичей, живших в то же самое время или давно вымерших. Полусонное состояние, вызванное чрезвычайным скудоумием и нарушаемое только чувством голода или во время поисков самок, являлось вообще отличительной чертой всего племени динозавров, к которым принадлежал и горгозавр. Столь характерный признак был присущ всем представителям этой огромной группы рептилий, он сопровождал их с самого начала и вплоть до исчезновения в течение неизмеримо долгих геологических эпох, препятствуя развитию высших умственных способностей. Похоже, эволюция этих ящеров шла исключительно в направлении создания гигантских тел, всегда чудовищного и фантастического вида, причем их мозг оставался маленьким и неразвитым, застывшим на своем зачаточном низком уровне.

Горгозавр не двигался. Лишь огромная голова его легонько поворачивалась в разные стороны, а глаза высматривали какую-нибудь добычу. Но поблизости ничего не оказалось, потому пришлось отправиться дальше своим кружным путем.

Постепенно ящер обошел маленький прудик с падающим сверху и тихо журчащим свою песню скальным потоком. Каждый его шаг нес с собой гибель живым растениям; растоптанные и переломанные, они оставались лежать в глубоких следах-ямах, выдавленных в почве весом исполинского тела, вдававок уничтоженную зелень пересекала длинная борозда, оставленная мощным хвостом ящера, который тот волочил за собой.

Гигант направился к небольшой бочажине, скрытой зеленью кустов и нескольких невысоких саговников. Их

широкие веероподобные листья колыхались не только над чистой водой, но и меж больших камней, которые лежали здесь, поодиночке и целыми горами. В них чернели отверстия, большие и маленькие, с ровными краями и искривленные – в зависимости от того, как валуны застряли при падении. Этот крохотный водоем был последним зеленым оазисом, располагавшимся у подножия диких голых скал. За ними простирались только безотрадные пески с торчавшими кое-где низкими кустиками или группками засухоустойчивых растений – печальный край со своей тусклой желтизной и с изнурительным однообразием, край песчаных барханов и раскаленного воздуха, край, сулящий гибель всему, что не принадлежало к этой пустыне.

Но горгозавр хорошо знал, зачем он направился туда.

Эта песчаная пустыня с прудом, скальным потоком и небольшой бочажинкой издавна служила домом для удивительных панцирных и шипастых динозавров палеосцинков.

Это были странные рептилии, настоящие живые крепости. Они обладали коротким и широким телом, с плоской, заостренной спереди головой. Их спины покрывали толстые костяные диски, которые составляли равномерные ряды и заключали все тело в крепкий панцирь, противостоявший разным опасностям. Об него хищные враги ломали свои крепкие зубы. Костяные диски панциря по бокам переходили в мощные острые шипы, грозно торчащие вправо и влево. Ими же были вооружены и толстые тяжелые хвосты, оставлявшие опасные, тяжкие и болезненные раны. Палеосцинки обладали короткими, но сильными ногами с плоскими пальцами. Жили они здесь каждый сам по себе, в мире и покое, без драк и ссор. Лишь во время споров из-за самок происходили жестокие схватки, где шипастые хвосты служили единственным оружием, а сильнейшие и опытные побеждали слабых и неумелых.

Как раз недавно состоялся один такой бой, обеспечивший хищного горгозавра неожиданной богатой добычей. Тогда старый опытный самец сошелся в драке с молодым, а у того хотя и имелось в достатке отваги, но не хватало силы и опыта.

Битва была недолгой. Старый самец нанес своему противнику такой быстрый и неожиданный удар, что тот повалился на бок, а пока он пытался снова встать на ноги, его мягкое брюхо оказалось несколько раз проколото резкими взмахами хвоста. После такого молодой самец потерял всякое желание к продолжению боя и отступил. Он совсем недолго неуклюже еще полз куда-то, но потом беспомощно рухнул без сознания.

В таком вот состоянии – скорее мертвый, чем живой – молодой палеосцинк и столкнулся тогда с горгозавром. Тот, не мешкая, бросился на него. Зубы гигантского ящера заскрежетали по костяному панцирю и соскользнули. Еще несколько раз горгозавр хватал пастью спинные щитки добычи, но все напрасно. Панцирь повсюду оставался крепким и неповрежденным, лишь слабые царапины обозначали те места, где пивались и затем соскальзывали зубы.

Горгозавр в нерешительности стоял на палеосцинком. Стоял над беспомощною добычей, над кучей мяса – и не мог его достать. Поэтому он начал обходить палеосцинка по кругу и осматривать со всех сторон. Внезапно хищник прыгнул к бесчувственному телу и начал переворачивать его. Он дергал за панцирь, таскал его с места на место, наконец, с великим трудом ящеру удалось перевернуть добычу на спину. Как только он это сделал, то сразу же вонзил острые зубы в мягкое брюхо, ведь в этом месте палеосцинка не защищала прочная костяная броня. А потом уже рвал мясо и жадно его проглатывал.

Давно уже горгозавр так плотно и хорошо не наедался, как в тот раз. Потому-то и теперь он шагал в то же самое место. Гигант уже издали заметил, что в зелени у бочага пасутся два палеосцинка. Они беззаботно выбирали самые аппетитные растения, которыми и набивали свои бездонные желудки. Ящеры даже не помышляли об опасности, потому что более чем хорошо знали: костяные панцири и острые шипы превращали их в неприступные крепости. Для горгозавра это стало приятной и желанной находкой.

Потому он ускорил свои тяжелые шаги, чтобы побыстрее оказаться там, где собирался напасть, убить и насытиться.

Когда же горгозавр наконец добрался до пасущихся и ни о

чем не подозревающих палеосцинков, то хотел тут же броситься на них.

Но осуществить это нападение оказалось не так-то легко.

Когда палеосцинки осознали, что на них охотится горгозавр, то тут же перестали пастись и приготовились к обороне. Это были две старых опытных особи и нападения хищных сородичей не являлись для них неожиданностью. Ящеры подобрались и ждали атаки неприятеля.

Горгозавр выбрал своей целью ближайшего из них.

Короткими шагами он осторожно направился к палеосцинку, а когда решил, что находится уже достаточно близко для атаки, то кинулся на него, разинув пасть и норовя поранить острыми зубами. Но и на этот раз они только скользнули по костяному панцирю. И прежде чем хищник успел снова пустить в ход свою пасть, в воздухе мелькнул хвост обороняющегося палеосцинка и остроконечные шипы глубоко вонзились в ногу атакующего. Резкая боль сотрясла тело горгозавра, который не был готов к такому сопротивлению.

Однако ящер не отказался от дальнейших попыток. Он снова бросился на палеосцинка и вновь получил болезненный отпор. Каждая следующая атака тут же встречала новое сопротивление, причиняющее новую боль.

Тогда горгозавр немного отступил назад и начал обходить палеосцинка по кругу. Но и тот со всей бдительностью переместился так, чтобы оказаться повернутым лбом к врагу. Так они и кружили, не спуская глаз друг с друга.

Неожиданно горгозавр остановился, подобрался и его разверстая пасть цапнула переднюю ногу палеосцинка. Тот стремительно спрятал ее под телом, изготовился к защите и хищный ящер со всей силы налетел пастью на длинный и острый шип, торчавший в передней части панциря обороняющегося. Гигантское острие ткнулось в челюсть, скользнуло по ней, пропороло кожу, а потом, окровавленное, вышло с другой стороны.

Страшная боль пронзила древнего хищника. Он резко откинул голову назад и шип, напоследок царапнув челюсть, выскочил из пасти, оставив после себя большую дыру, залитую кровью. Хищный ящер словно терял боевой дух с каждой пролитой каплей. Он отвернулся от палеосцинка и, не оглядываясь, покинул место проигранной битвы. Медленно и тяжело горгозавр возвращался туда, откуда пришел. Он хромал, ведь раны на проколотой ноге мучительно пылали.

Палеосцинк наблюдал за отступлением проигравшего неприятеля.

Когда же он убедился, что горгозавр скрылся из вида, то тут же забыл о недавнем бое и потихоньку пополз к собрату, который уже вовсю снова пасся среди сочных растений, растущих на топких берегах водоема. Спустя миг травоядный ящер продолжил прерванную трапезу, не заботясь ни о чем другом кроме своего голодного желудка.

- - - - -

Несколько раз нарождался и снова угасал день, прежде чем горгозавр забыл о своем поражении и его рваные раны немного зажили.

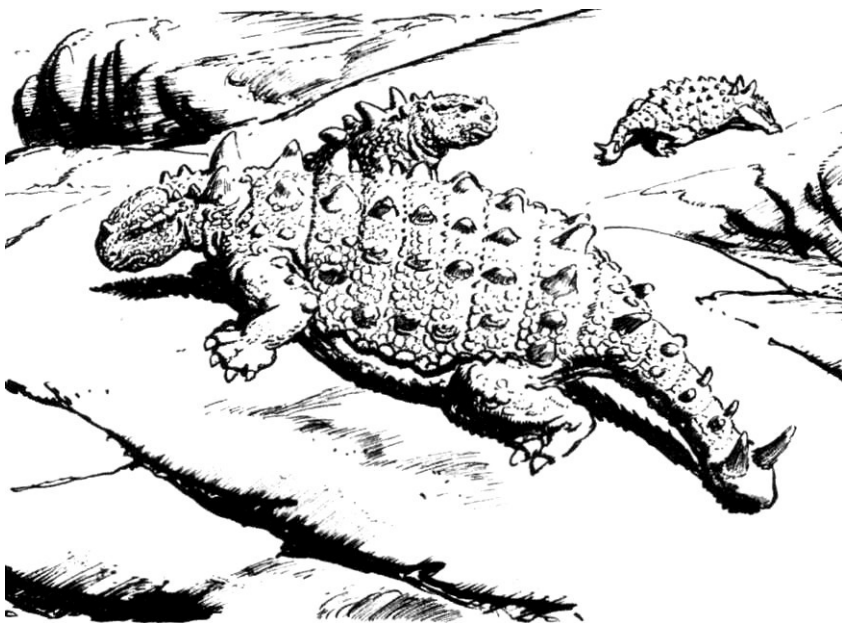
С ним было еще не все в порядке, но лютый голод выгнал ящера из тенистых зарослей, где он отдыхал. Резко вскочив, динозавр короткими шагами покинул край изломанных скал и песчаной пустыни, направившись к виднеющимся вдали зеленым озерцам, прудам и болотам. Он шел тяжело, потому что был сам еще слаб, а лежащий впереди путь – неблизок. По дороге горгозавр рыскал возле скал, тщательно осматривая каждую ямку и каждый из немногочисленных растущих здесь кустиков.

Прошло немало времени, прежде чем ему удалось повстречать хоть каких-то живых созданий. То, что сейчас видел ящер, было хорошей добычей.

На плоских выступах скал, чьи подножия в песчаной почве скрывали низкорослые растения с толстыми листьями, грелись на солнце несколько молодых сколозавров.

Это были травоядные динозавры, в зрелом возрасте

достигавшие свыше пяти метров в длину и по виду довольно схожие с палеосцинками. Их спины покрывали костяные диски и шипы, расположенные несколько иначе, чем у их бронированных сородичей. Голову, шейный и хвостовой отдел тела защищали особо крепкие пластины. Из них не только боковые, но и верхние несли на себе мощные оборонительные шипы. Эти ящеры вообще были неуязвимы, так как маленькие короткие ноги поднимали массивное тело низко над землей, а их мягкое брюхо тоже не сумел бы достать атакующий сзади противник.

Но гревшиеся после обеда на солнце сколозавры были молодыми, мелкими особями – чуть больше полутора метров в длину. Они неподвижно лежали, принимая жаркую солнечную ванну, и спокойно дремали, не ведая о том, что смерть совсем рядом.

Глаза горгозавра засверкали, стоило только ему их заметить.

Осторожно подкравшись к ближайшему из них, хищник сбил его резким ударом своей огромной головы вниз со

скального выступа. Тело сколозавра грохнулось оземь с тем же шумом, с каким могла обрушиться каменная глыба. Не давая оглушенному ударом и падением молодому травоядному прийти в себя, горгозавр наступил на него своей когтистой лапой и впился зубами в брюхо. А пока хищник наслаждался трапезой, остальные сколозавры спешно покинули опасное место, скрывшись в песках пустыни. Когда от добычи не осталось ничего, что могло бы исчезнуть в гигантской пасти горгозавра, он отправился вдоль скал в обратный путь. Сытно наевшись, хищник спокойно зашагал к пруду с источником, где и лег отдыхать среди валунов.

- - - - -

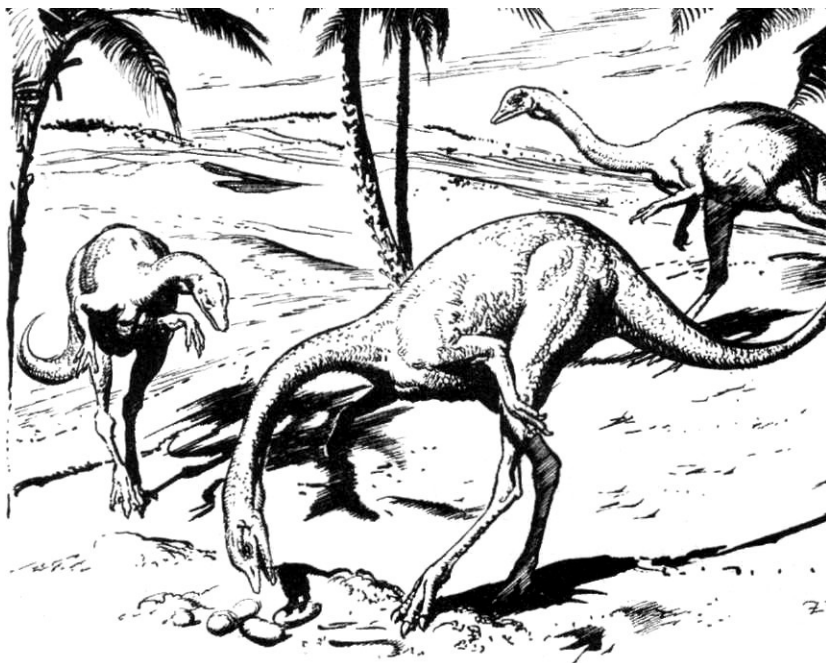
Миновало еще несколько дней.

Далеко от того места, где отдыхал хищный горгозавр, к востоку от края озер, прудов и топей и от раскаленных песков с жалкой зеленью растений, желтыми барханами и солнечным зноем был дом других диковинных динозавров, столь же причудливых и комичных, как и палеосцинки со сколозаврами. Их не покрывали костяные пластины, шипы и отростки, превращавшие своих обладателей в настоящие живые танки, хоть и малоуязвимые и почти непобедимые, но в то же время медленно и тяжело передвигающиеся. Тела с голой кожей наоборот отличались стройностью, а потому еще гибкостью и проворством, служившими им хорошей защитой от всякой опасности. Это были струтиомимы.

Несколько их особей бродили по зеленой низине с голыми песчаными холмами, залитой морем солнечного света и окаймлявшей тот самый край озер и прудов.

Это были странные крупные динозавры, которые необычайно походили на лишенных перьев страусов. На длинной шее сидела маленькая головка, а на их челюстях вместо зубов находились острые роговые пластины. Передние конечности были короткими и слабыми, задние же – длинными и сильными, прекрасно приспособленными к бегу. У струтиомимов имелся довольно длинный хвост, толстый у основания и истончающийся ближе к концу. Голая кожа поблескивала под жарким солнцем желто-зелеными оттенками.

Они не спеша перемещались с места на место, внимательно оглядывая каждый уголок, где надеялись отыскать какую-нибудь сытную еду.

Струтиомимы не ведали забот, связанных с пищей. Везде в достатке было аппетитных растений, ими они и набивали себе брюхо. Водились здесь также и разнообразные насекомые, и мелкие ящерицы, которыми страусоподобные динозавры с удовольствием разнообразили свое меню. А когда имели возможность, то лакомились яйцами, отложенными в нагретый песок их сородичами.

Как раз сегодня им посчастливилось найти одно такое гнездо.

Случилось это сразу после того, как яркий диск солнца выскочил из красноватых облаков и стал подниматься вверх по голубому небу. Завесы легкого тумана, висевшие над проясненной гладью вод, поднялись вверх и без следа исчезли в

безбрежном воздушном океане. Лучи солнца, уже начавшие жечь подобно горящим стрелам, пробудили застывших в ночном оцепенении струтиомимов и те тут же принялись искать, чем бы наполнить свои опустевшие желудки.

Бродя где попало, они вдруг увидели, как из зеленых зарослей вышли на песок несколько могучих моноклонов. Четыре толстые ноги, крепкие и мускулистые, несли их огромные, но в то же время укороченные и округлые пятиметровые тела. Короткую шею закрывал широкий костяной воротник, являющийся чрезмерно разросшимся выступом теменной кости черепа. На концах пастей больших, тяжелых голов находились загнутые вниз заостренные клювы. Глаза сидели в глубоких впадинах, а над ноздрями возвышался длинный остроконечный рог. Они походили на гигантских носорогов, грузных и неповоротливых, с толстой кожей, покрытой складчатым узором из многочисленных неправильных многоугольников. Моноклоны шли медленной, важной поступью, ни на что не обращая внимания. Их сильные, но сравнительно короткие хвосты оставляли широкую борозду на песчаной почве, словно помечая путь, которым направлялись динозавры.

Влекомые любопытством струтиомимы следовали за ними в отдалении. Зеленый ковер трав постепенно редел и внезапно совсем исчез, когда кругом раскинулись унылые пески, широкими рядами простиравшиеся аж до самых далеких скал, вблизи которых отдыхал раненый горгозавр. В этом месте завершился путь удивительных странников.

Один из моноклонов остановился возле нескольких высоких саговников. Их прямые стволы возносили высоко над землей широкие кроны больших, похожих на пальмовые листьев, чья темная зелень резко контрастировала с желтизной песчаной равнины. Моноклон шагнул чуть-чуть вперед, снова вернулся и потом уже без раздумий вырыл небольшую ямку, которую сразу же наполнил продолговатыми яйцами. Остальные присоединили к этой кладке свои собственные и каждое углубление было заполнено. Когда самки моноклонов выполнили свою наиважнейшую задачу по поддержанию их рода, то быстро

покинули пустыню, кое-как забросав песком полные яиц ямки. Они не заботились о них и ни разу не оглянулись назад — спешили обратно к зеленой красоте светлых рощ и тенистых

кустов, к сверкающим водам озер и прудов. Спешили туда, где кипела жизнь, уходя все дальше и дальше от погруженных в гробовую тишину безжизненных песков.

А к месту с отложенными яйцами со всех ног спешили струтиомимы. Они бежали быстро и легко, поднимая за собой облачка из мелких песчинок. Когда же ящеры добрались до кладок, то разгребли их и с алчностью накинудись на яйца. Беззубые челюсти дробили и разрывали скорлупу, а их жидкое содержимое жадно проглатывалось. Спустя короткое время от всей кучи яиц остались лишь ямки, испачканные их остатками; они глядели словно пустые глазницы, оплакивавшие жизнь, которой суждено было сгинуть, не успев родиться. Но струтиомимы надолго здесь не задержались. Закончив разорять гнезда моноклонов, они тотчас же снова вернулись туда, где зелень растительности и синева воды господствовали над желтыми песками. И теперь бродили там – сытые, но все равно внимательно следящие за тем, чтобы от них не ускользнула какая-нибудь новая добыча.

Страусоящеры долго слонялись по округе.

Они проходили травяными лугами, зарослями кустарников, блуждали в роще смоковниц. Горячая масса солнца пылала жаром над всей страной, одаряя ее волнами тепла и света, а при таком обилии водоемой край этот становился средой, благоприятной для жизни, для великого процветания и развития всего живого. Поэтому струтиомимы всюду находили достаточно пищи.

Их животы наполнились и раздулись подобно гигантским мячам. И чем больше наедались ящеры, тем менее осторожными становились. Но ведь в дикой природе так – если утратил бдительность, то жди беды!

И спустя короткое время беспечные струтиомимы повстречались с опасностью, которая и впрямь угрожала кому-нибудь из них преждевременным расставанием с жизнью.

Едва завидев хищного горгозавра, стиракозавры тут же перестали пастись и приготовились к обороне.
(к повести „Драконья долина“)

Это произошло в тот момент, когда они обнаружили на окраине леса гигантский муравейник, чьи обитатели и их куколки издавна были желанным лакомством для ящеров. Струтиомимы обступили высокую кучу и передними лапами начали разгребать верхушку муравьиного города.

Неожиданно один из них поднял голову и тут же будто окаменел. Его перепуганные глаза увидели перед собой огромного горгозавра – хищное чудовище, в чьей разинутой пасти блестели ужасные зубы.

Но струтиомим быстро пришел в себя. Дернувшись, он резво припустил подальше от опасного места, а за ним помчались и остальные.

Спустя миг горгозавр остался в полном одиночестве. Словно в насмешку перед ним высилась раскопанная куча, где копошились тысячи быстро снующих туда-сюда муравьев. Они бегали с места на место, всюду разыскивая неприятеля, на которого могли бы накинуться и укусить.

Но горгозавр не уделил муравейнику ни малейшего внимания. Он глядел вслед улепетывающим струтиомимам, ведь от него убегала пища. А ящер нуждался в ней, он не ел уже несколько дней, проделав долгий путь через пустыню и не найдя там ничего пригодного для того, чтобы хоть чуть-чуть утолить голод. И преследовать шустрых струтиомимов он не мог, поскольку был слишком тяжелым и неуклюжим для бега с ними наперегонки. Ящер умел внезапно нападать, убивать раненых и нерасторопных, пировать возле найденной падали, но не мчаться с такой скоростью, чтобы догнать приглянувшуюся добычу или чтобы затравить, а потом прикончить жертву. Потому и был скитальцем, без устали блуждающим по раздольному краю и вечно гонимым желанием насытиться, ведь при нападении ему не хватало хитрости, а во время охоты – ловкости.

Удрученный неудачей голодный горгозавр отправился бродить дальше, устремившись в сторону озер и прудов.

Он медленно шагал травяными равнинами, брел широкими зарослями, обходил лесочки и бочаги – неспешно, но все время настороже, чтобы не пропустить тот заветный миг, когда покажется добыча и на нее можно будет напасть.

И вот теперь перед горгозавром расстилались обширные озерные топи.

С одной стороны их окаймляла темная и светлая зелень кустарников, с другой – желтый песок с ковриками травы. Перед этими живыми стенами из ила мелких прибрежных вод тянулись поросли высокого тростника, упорно сражающегося за место с густыми джунглями скрипучих хвощей. Широкою водную гладь освещало золотое солнце, а над ней, со свистом рассекая в полете воздух, гонялись за добычей большие стрекозы. Их изящные тела вспыхивали под дождем из солнечных лучей чудесными оттенками, вокруг словно бы летали искрящиеся самоцветы.

Горгозавр застыл неподвижно, оглядываясь, и долго изучал этот новый край.

Его зеленые глаза осматривали каждый уголок, каждый куст, но нигде ничего не шелохнулось, нигде не лежало ничего, чем можно было бы утолить терзающий ящера голод. Лишь в воздухе трепетал ярко окрашенный мотылек, выискивая цветок, на котором он смог бы отдохнуть.

Ничего не обнаружив, горгозавр зашагал дальше, прямо к топям. Достигнув их, он пошел вдоль берега, по лужайкам и песку, через джунгли высоких трав и кустов, через редкие рощи и лески. Но и там не попадался никто, на кого можно было бы броситься. И ящер, ослабленный голодом, так и волочился все дальше и дальше.

Но на краю высоких зарослей он мгновенно замер.

В его глазах торопливо замерцали искры новой надежды. В неподвижной напряженности ящер глядел перед собой, с жадностью и вожделением – представшая картина несла добрую весть о том, что его голоду придет конец.

Ведь на берегу болота стоял причудливый динозавр и еще несколько таких же отдыхало в воде. Это были коритозавры.

Горгозавр смотрел с хищной алчностью на того из них, что стоял на берегу. Это была колоссально громадная рептилия свыше девяти метров в длину. Могучее тело, покрытое многоугольными бугорчатыми или коническими чешуями, покоилось на сильных задних ногах, отчасти опираясь на необычайно толстый у основания длинный хвост. Передние

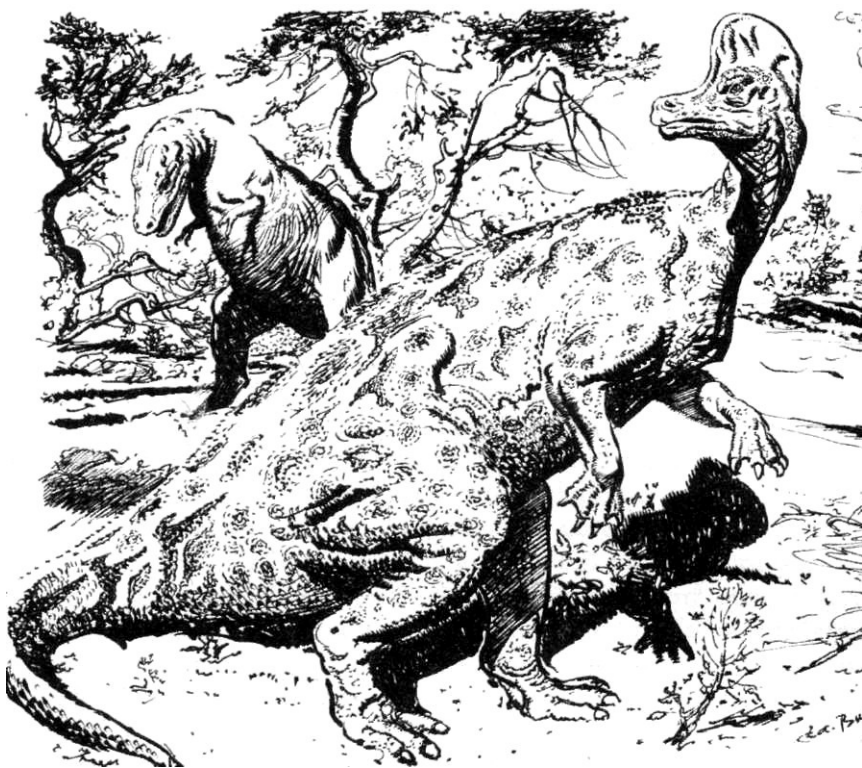
конечности были короче и слабее, между их пальцами тянулась короткая плавательная перепонка. Сплюснутую сверху пасть, немного напоминавшую плоский птичий клюв, наполняло множество зубов. Ими динозавр пережевывал листья со стеблями и дробил тела мелких созданий – червей, улиток, ракообразных, личинок насекомых и прочей живности, неосторожно попавшейся ему во время вегетарианского обеда. Но самым примечательным у этого исполинского ящера являлся высокий, шлемоподобный гребень, создаваемый определенными костями черепа. Такое украшение значительно увеличивало совсем небольшую голову, делая ее приметной и в то же время придавая слегка комичный вид, потому что это походило на голову старухи в чепце с оборками.

Горгозавр по-прежнему стоял без движения, разглядывая коритозавра. Лишь блеск зеленых глаз выдавал его волнение. Добыча была близко, но еще не принадлежала ему. Требовалось найти способ ее заполучения – путем грубого нападения или хитростью, устроив западню или из засады. Но тупой мозг ящера соображал медленно и тяжело. Лишь одно он уяснил четко – до намеченной жертвы слишком далеко, нужно подойти ближе, чтобы охота удалась.

И начал осторожно подбираться к ничего не подозревавшему коритозавру.

Но тот заметил хищника, стоило ему сделать несколько тяжелых и гулких шагов. В первый момент коритозавр превратился от страха в камень, а в желтоватых глазах плескался настоящий ужас. Ящер стоял словно одурманенный, лишенный всякой возможности для спасения.

Горгозавр придвинулся еще ближе и тут коритозавр очнулся от испуга, поспешно кинувшись к болоту и добравшись до него несколькими длинными шагами. А там уже рванулся подальше на глубину, летели брызги и пена, когда вода устремлялась в широкую борозду на поверхности, оставляемую за собой бегущим от опасности динозавром.

Прежде чем горгозавр добрался до берега, коритозавр был уже среди своих собратьев. Он лежал в воде, как и остальные, уже нисколько не заботясь о голодном плотоядном, который в ярости бегал по берегу, стегал длинным хвостом и клацал зубастой пастью. Ящер знал по своему опыту, что попытка хищника сунуться сюда стоила бы тому жизни.

Об этом хорошо знал и сам горгозавр, потому-то ему не оставалось ничего иного, как попытать счастья где-нибудь в другом месте.

И вновь хищный ящер уныло побрел по траве и песку, по зарослям, редколесью и рощам. Вот тогда-то ему и повстречались два причудливо выглядящих стиракозавра.

Это были огромные травоядные динозавры, по сложению напоминавшие бегемотов длиной более чем в восемь метров. Их коренастое тело стояло на четырех колоннообразных ногах, заканчивающихся толстыми пальцами. Хвост был коротким и сильным, покрытый как и все тело множеством чешуек в форме неправильных многоугольников. Удивительнее всего выглядела голова. Спереди ее защищал полуметровый рог, а сзади выдавался длинный и широкий костяной воротник, на котором полукругом располагались шесть мощных шипов. Этот своеобразный венец зрительно необычайно увеличивал голову, которая и сама по себе была огромной, свыше двух метров длиной. Пасть спереди заканчивалась заостренным клювом, покрытым роговым веществом. Зубы на челюстях росли только сзади и действовали как ножи – они не пережевывали и не измельчали пищу, а разрезали ее на все меньшие и меньшие куски, которые потом исчезали в вечно голодной глотке.

Едва увидев хищного горгозавра, стиракозавры тут же перестали пастись и приготовились к обороне, ведь они не были уверены, что тот не атакует. Обычно горгозавры обходили стороной этих травоядных, но порой какая-нибудь сильно голодная либо еще неопытная особь забывала о связанной с этим опасностью и нападала.

Горгозавр направился к ним, длинными шагами непрерывно сокращая расстояние между собой и стиракозаврами. А когда наконец оказался рядом, то не знал, должен ли накинуться на одного из них или нет. Опыт взывал к осторожности, а голод побуждал к атаке.

Стиракозавры же, напротив, не мучились подобным выбором. Они знали, что в случае нападения им не остается ничего иного, кроме как защищаться, потому что тяжелые и неповоротливые тела не были приспособлены к быстрому бегу. Потому травоядные динозавры невозмутимо и без страха ожидали развития событий.

Горгозавр нетерпеливо переступал с ноги на ногу, дико хлестал длинным хвостом, но все время колебался, не зная, оставить ли стиракозавров в покое или все же напасть.

В конце концов ящер вроде бы решил прислушаться к опыту и безучастно отправиться дальше. Он уже было сделал первый шаг в сторону, когда внезапно вспыхнувший в его глазах зеленоватый огонь вмиг полностью заглушил призывающие к осторожности инстинкты.

Резко и торопливо горгозавр бросился на одного из стиракозавров в стремлении убивать, терзать и пожирать.

Но тот был во всеоружии – наклонил голову и стремительным рывком снизу ответил на атаку. Росший над пастью острый рог с силой врезался в бок нападающего, страшный удар сопровождался хрустом нескольких сломанных ребер. Еще один наклон головы – и теперь уже затрещали кости жалких передних конечностей.

Все гигантское тело горгозавра содрогнулось от резкой боли. Стремглав отскочив от стиракозавра, он поспешно отступил как можно дальше. Агрессивность в его глазах, погашенная волной боли, сменилась обычной невыразительной тупостью. Хищник поспешил прочь от места схватки настолько быстро, насколько ему позволяли раны. Выглядело это так, будто он поскорее хотел скрыться от казавшегося насмешливым взгляда того, кого собирался убить и кто в отместку сам победил его. Тяжело искалеченная передняя конечность беспомощно болталась туда-сюда, будто раскачиваемая ветром сломанная древесная ветвь.

Побежденный, израненный и голодный горгозавр исчез где-то вдаль...

Далеко от того места, где горгозавр проиграл свой бой, расстилалась другая великая топь. Один ее берег терялся в буйстве растительной зелени, другой был скалистым, сложенным из прочных пластов желтого песчаника и резко обрывался у водных глубин.

Это болото служило домом удивительным паразавролофам, динозаврам длиной около девяти метров. Строением тела они весьма походили на своих родичей коритозавров, но немного различались внешним видом. У самок на голове с клювообразной пастью имелся широкий и низкий гребень, у

самцов на темени вырастал длинный трубкообразный орган, являвшийся ничем иным как продолжением носовых ходов, с его помощью они издали могли почувствовать присутствие самок. А высматривали их они повсюду, когда наступало время. В этот период самцы были готовы драться за самок не на жизнь, а на смерть.

Эти бои как раз закончилось. Самцы покинули места поединков у скалистого берега топей и перешли к противоположному, зеленому, где и обитали вместе с самками снова в мире и покое. Еда была главным смыслом их жизни, а ее здесь хватало на всех, по крайней мере, на то время, чтобы отдохнуть и оправиться от полученных в схватках ран.

Лишь одного ящера среди них недоставало.

Это был молодой самец, пытавшийся своей храбростью восполнить недостаток силы и боевого опыта. Он безрассудно сцепился со старым ящером, искушенным бойцом, и погиб в этой схватке.

Они тогда сошлись в поединке у прибрежных скал. Ящеры хватали друг друга беззубыми пастями, колотили противника передними лапами и длинными хвостами. Вода вздымалась высокими брызгами, большими волнами накатывала на плоские скалы, а прямо на месте боя собралась куча серебристой пены.

Разгоряченные паразавролофы долго дрались.

Постепенно молодой самец начал уставать. Он перестал атаковать и уклонялся от ударов. Старый ящер понял, что пришла пора склонить ход боя в свою пользу и начал нападать, упорно и безжалостно. Удары сыпались на тело уставшего противника, загоняли его под воду и выбили из него последний боевой задор. Страшным натиском своего могучего тела старый самец прижал молодого соперника к скальной стене. Тот лишь

вяло защищался, а когда почуял спиной камень, то хотел пуститься наутек.

Но сделать это было не так-то легко. Ящер оказался словно в железных тисках между скалой и телом противника. Как бы он не метался и не дергался, освободиться не смог – скала и старый самец не позволяли.

На мгновение молодой паразавролоф прекратил бой. Он потихоньку отдыхал, чтобы чуть-чуть набраться сил и восстановить дыхание, а потом попытаться спастись, что удалось бы только путем поспешного бегства.

Этот прием немного сбил с толку нападающего. Он чуть ослабил натиск и как только молодой изможденный самец почуял это, то дернулся в попытке убежать. Но старый в один миг сдавил его снова. Однако в этот раз он не метил в бок, а схватил противника за шею и со всей силы ударил его головой о скалу. Длинные дыхательные трубки затрещали и раскололись, а с ними – и некоторые кости черепа, чьи осколки подобно острым иглам впились в маленький мозг.

В глубоком беспамятстве, словно тяжелая глыба, молодой самец ушел под воду, которая вскипела над ним высокими брызгами. Озадаченному победителю с его тупым мозгом было невдомек, куда так внезапно пропал сраженный противник. Он покрутил своей головой с трубкой-гребнем в разные стороны и, не обнаружив нигде соперника, отплыл от скалы.

Тело несчастного молодого паразавролофа покоилось на дне болота под скалами. Через несколько дней оно раздулось от трупных газов и снова оказалось на поверхности, а поднявшиеся из-за ветра волны унесли пададь далеко от этих мест. Одна из них выбросила мертвое тело на плоский песчаный берег, где оно и лежало в солнечных лучах как небольшая, никому не нужная гора из мяса и костей.

Так бы и валялся там этот труп, не наткнись на него бродящий вокруг горгозавр. Тот уже находился на пределе своих сил, когда обнаружил мертвого паразавролофа. Ящер кинулся на него, рвал и глотал тухлое мясо, ведь с тех самых пор, как его победил и изранил стиракозавр, он блуждал по краю, так и не найдя ничего, чем бы мог наестся, ему не

встретился ни один молодой динозавр, которого можно было легко победить и сожрать. Открытые раны горгозавра постоянно болели и все же он не мог мирно отдохнуть в каком-нибудь тенистом уголке. Жуткий голод гнал его без устали с места на место, не давая ни секунды покоя. Жизнь горгозавра в эти дни была тяжелой и горькой. Он, гигант и хищный пожиратель, стал теперь, несмотря на свою величину, ничтожным и слабым, угнетенным и беспомощным. И когда ящер стоял над останками паразавролофа – измученный, утомленный и наконец-то сытый, то из исполинской глотки вырвался рев, будто предостережение о том, что не всегда можно одержать победу лишь с помощью грубой силы.

ГИБЕЛЬНОЕ ОЗЕРО

Солнце понемногу клонилось к западу, словно усталый путник.

Уже давно угас жаркий огонь полудня, тем не менее, льющийся с небес на неизмеримо огромную территорию травянистой равнины знойный поток золотых лучей нещадно бичевал все вокруг.

Это был обширный засушливый край эпохи раннего третичного периода.

Много дней и ночей исчезло в бездонном колодце забытых времен с тех пор, когда теплые и обильные дожди напоили весной землю и корни растений. Серые и пожелтевшие пучки трав заблестели новой зеленью, устремились к солнцу и окрепли. Они создавали неопишное переплетение свежей поросли невероятного объема, тысячи нитевидных корешков впивались в плодородную почву и полнили свежие листья животворными соками. Среди зеленой травы поднялись тогда и бесчисленные былинки, восхищенно распускаясь в солнечном тепле пестрые чашечки своих цветов с чарующим ароматом. В ту пору зазеленели и редкие заросли кустарника, и низкорослые кривые деревца, но теперь все увяло, будто угнетенное жаром солнца и иссушающим ветром.

День приходил на смену дню в безудержном истечении нескончаемых часов и каждый следующий становился чем дальше, тем все более удаленным воспоминанием о периоде дождей. Солнце пылало все сильнее и жарче на чистом безоблачном небосводе и воздух дрожал над травянистою равниною словно над углями исполинского очага.

Травы и былинки вяли и сохли, зеленый ковер с разбросанными повсюду пестрыми пятнами осыпающихся цветов понемногу приобрел уныло-желтый или бурый оттенок из-за немилосердной жары. Над иссохшим краем утро рождалось без росы, на голой, обнаженной ветром почве начали появляться большие трещины и расселины, становившиеся все более глубокими и зияющими. Последние из мелких озер и прудов пересохли и вся их пышная флора полностью погибла. Край стонал под игом палящего солнца, которое иссушило все вокруг и превратило последние капли воды в пар, поднимавшийся в горьком воздухе и исчезающий в безоблачной вышине. Ни вечерняя тень, ни прохлада ночи не возвращали свежести чахнувшей растительности. Потому листья со стеблями тихонько ложились на раскаленную землю, выглядевшую как обширная пустыня, плоская и однообразная, лишь кое-где над ней высились жесткие пучки ковыля или перловника.

Но эти иссохшие травы смотрелись до смешного низкими по сравнению со старым вулканом, который внезапно вырастал посреди плоской равнины подобно невысокому холму с пологими склонами.

Когда-то, невероятно давно, в этих местах под толстою землею корою бурлила раскаленная лава, которая под страшным давлением нагревалась до высочайшей температуры и кипела, металась и клочкотала в вихревой пляске сжатых газов. Когда же ее вздувшиеся текущие волны достигли вершины своего буйства, здесь внезапно разверзлось жерло вулкана. Как из перегретого подземного котла к небу вознесся гигантский столб из горячих газов и пара, выбив кусок земной коры словно огромную каменную пробку. Потом под жуткие раскаты подземного рокота в воздухе засвистели лавовые бомбы; масса камней и пепла засыпала всю округу возле извергающегося

вулкана и, наконец, эту симфонию ужаса и гибели завершил мощный поток бурлящей лавы, ринувшийся вниз по склонам. Не зная преград, он уничтожил и сжег, раздавил и пожрал все на своем пути, покуда сам не превратился в камень. За долгие эпохи вулкан снова пробуждался к жизни через разные промежутки времени. Но эти извержения, несущие ужас и смерть, становились все слабее и слабее, пока не прекратились совсем.

Вот по этому печальному краю, над которым высился лишь остов старого, угасшего вулкана, шла не спеша в вечерней тишине грузная и странно выглядящая скариттия, представительница давно вымерших южноамериканских копытных.

Тупо и равнодушно прошагала она мимо пучков увядшей травы и пожелтевшей листвы низких кустарников. Зверь не страдал от голода, но зато сильно мучился от жажды. Скариттия уже долго блуждала по травянистой пустыне, но нигде не нашла даже самой маленькой лужицы воды.

Чем дальше, тем больше ее снедала жажда. Скариттии казалось, что ее глотка иссушена бесконечным пламенем, живым огнем, тлеющим в утробе зверя и проникающим во все части огромного тела.

Она безучастно прошла мимо пары леонтий, своих близких родственников, примечательных растущим на носу коротким, но сильным рогом. Не обращая внимания, миновала и нескольких небольших броненосцев, чьи тела на длинных лапках были покрыты крепким панцирем из сросшихся толстых и неподвижных пластинок шестиугольной формы. Ее неразвитый мозг ничем не интересовался и ничего не воспринимал, он лишь постоянно бил тревогу из-за усиливающегося чувства жажды.

Постепенно скариттия приблизилась к угасшему вулкану, хотела сперва обогнуть его, но неожиданно изменила планы. Она увидела, что недалеко по пологому склону поднимается один из ее сородичей.

И тогда скариттия решила следовать за ним.

Она направилась к полуразрушенному вулкану и вскоре уже стояла у его подножия. Без промедления начала подъем по низкому склону с изредка растущими там приземистыми кустами колючих мимоз.

Животное зашпешило, как бы чувствуя, что на вершине вулкана найдет то, что так долго и безуспешно разыскивало.

Быстрый шаг скариттии помешал пиру небольшого ленивца гапалопса, упершегося в ствол кривого изуродованного деревца и угощавшегося его вялыми листьями. Он в беспокойстве несколько раз стукнул о землю длинным хвостом, а острые когти на передних лапах крепко вонзились в кору. Увидев, что скариттия не посягает на его дерево, наземный ленивец снова мирно принялся срывать узкой пастью листья и молодые веточки.

Когда грузное травоядное достигло вершины вулкана, то увидело перед собою широкое круглое озерцо, заполнявшее бывший кратер.

У скариттии перехватило горло при виде такого количества воды.

Тяжелыми шагами она заспешила к берегу, где стоял и тот

сородич, за которым она шла. Но прежде чем скариттия добралась туда, она увидела, как тело ее собрата, склонившегося над озерцом, внезапно с плеском и брызгами рухнуло в воду.

Животное замерло в испуге, недоумевающе глядя на водную гладь, по которой в месте случившейся трагедии разбегались круги, все расширяясь и расширяясь, пока наконец не исчезали где-то во впадинах темных лавовых берегов. Спустя немного времени поверхность озерца стала снова такой же спокойной и неподвижной, как и прежде.

Когда скариттия оправилась от первого испуга, то снова пошла к воде. Сперва она внимательно поглядела во все стороны и зашагала снова лишь тогда, когда нигде не увидела и не почуяла опасности,

Скариттия шла тихо и осторожно. Оказавшись на берегу озерца, она вновь остановилась и долго глядела на воду, которая у нее на глазах стала могилой сородича.

И хотя жажда неудержимо тянула скариттию туда, тем не менее, стремление обезопасить себя призывало к осторожности. Старое, опытное животное никогда не забывало об этом.

Вода была такой чистой, что даже проглядывало дно. Кроме темного ила с несколькими острогранными лавовыми глыбами скариттия не увидела там больше ничего другого. А грязь и камни никак не могли ей повредить.

Поэтому скариттия ступила на самый край озера и склонила голову над ним, чтобы напиться, охладить пересохшую глотку студеной водой и погасить пламя внутреннего жара. Но едва животное коснулось пастью поверхности, как им овладело странное ощущение. Скариттии показалось, будто она теряет сознание. Она хотела резко отшатнуться, но было уже поздно! Голова ее странно закружилась и беспомощное одурманенное тело свалилось с берега. Взвихрился ил, озеро всколыхнулось и по нему вновь разбегались широкие круги.

Когда поверхность разгладилась и осела темная грязь, можно было увидеть, что могучее тело скариттии лежит без движения под водой у самого берега озерца. Ржавый цвет ее грубой шерсти резко выделялся на фоне темных глыб лавы, единственных свидетелей внезапной гибели страдавшего от

жажды зверя.

Последние лучи заходящего солнца коснулись предательской глади озерца. Они сверкнули золотом, задрожали и сами исчезли в бесчисленных ямах и трещинах лавовых берегов.

Много миллионов лет минуло с того момента, как одурманенная скариттия упала в озерцо в кратере угасшего вулкана. Многое изменилось за столь долгое время. Исчезло и озерцо.

Вечерние сумерки тихо опустились на край.

В кратере бывшего вулкана, там, где прежде блестела гладь озерца, старательно трудились несколько мужчин. Они осторожно доставали из породы чьи-то большие кости, которые бережно относили в сторону.

Один из них вдруг прекратил работу, потянулся и крикнул:

– Заканчиваем на сегодня. Уже плохо видно, запросто можем повредить какие-нибудь кости. Думаю, пришла пора ужинать.

– Твоя правда, – согласились остальные. – Сумерки мешают работе и мы действительно проголодались.

И тут же начали складывать в кучу легкие кирпичи, цапки, долотца, крепкие резцы, молоточки и щеточки, прикрыли все это куском непромокаемой ткани и неторопливо пошли к поставленным неподалеку палаткам.

Когда они умылись и отряхнули с себя пыль, то достали из ящичков консервы, открыли их и с аппетитом принялись за еду.

Один из мужчин, раньше других закончивший с ужином, развел огонь под медным котелком на высокой треноге, собираясь заварить чай. Вскоре он был готов. Все сидели в кругу и спокойно наслаждались вкусным напитком.

После чая они закурили трубки, уютно устроившись с ними возле огня.

Неожиданно один из мужчин, руководитель этой небольшой палеонтологической экспедиции, сказал:

– Можно не беспокоиться о результатах нашей работы.

Животное, чьи кости мы здесь откапываем, еще неизвестно науке. Жду не дождусь, когда смогу изучить его во всех деталях.

– А как решил назвать этого неведомого зверя? – спросил один из палеонтологов.

– Скариттия, – раздалось в ответ.

– Ага, хочешь тем самым подчеркнуть, что эта находка была сделана в Ринкон де Скаритте.

– Именно так, угадал.

Потом руководитель экспедиции молчал некоторое время. Он долго глядел на огонь и, казалось, о чем-то усиленно размышлял. Его спутники тоже молчали и мирно покуривали.

Неожиданно начальник нарушил тишину, произнеся:

– Я долго размышлял о том, что стало причиной смерти зверя. Принимая во внимание обстоятельства находки и тот факт, что скелет полный и погребен в плоском кратере старого вулкана, думаю, что вопрос решен.

– Тогда расскажи, как ты собираешься объяснить смерть этого животного! – отозвался один из мужчин.

– Рад с вами поделиться. Слушайте! Во времена существования этого зверя, а было это в верхнем олигоцене, то есть в самом конце раннего третичного периода, вулкан уже угас, а его кратер заполнило озерцо. Но эта сопка еще не совсем умерла. Выбросы непригодного для дыхания углекислого газа поднимались по пустотам застывшей лавы наружу из вулканических глубин и, будучи тяжелее воздуха, скапливались в самом низу чашеобразного кратера, то есть прямо над поверхностью озерца, а выше был опять чистый воздух.

– Правильно говоришь, выбросы удушающих и ядовитых газов являлись самым последним признаком деятельности умирающего вулкана. Но давай, рассказывай дальше!

– В засушливую пору, когда появлялась нужда в воде, мучающиеся жаждой животные часто приходили на берег того озерца, нисколько не ведая о его коварстве. Покуда зверь стоял на берегу с поднятой головой, все было в порядке, потому что он дышал чистым воздухом. Но стоило ему склониться над водой, чтобы напиться, как его тут же окутывали слои углекислого газа; достаточно вдохнуть несколько раз, чтобы

животное потеряло сознание, упало в озерцо и на его дне нашло свою погибель.

– То есть, согласно твоему обоснованию, мы могли бы найти в этом месте другие целые скелеты.

– Да, здесь нас ожидает еще множество находок.

– Знаешь, – подал голос другой мужчина, – твои выводы интересны, но не кажется ли тебе, что они немного нелогичны и притянуты? В древнем мире все возможно, но все-таки было бы неплохо подкрепить свои обоснования еще каким-нибудь доказательством.

– Я ждал подобных возражений и могу ответить на них, потому что уже подумал и об этом. А аргументировать свою гипотезу я могу с использованием природных явлений нынешних времен.

– Ну-ну, любопытно!

– Так вот, слушай. Читал ли ты когда-нибудь или, может, слышал про Собачью пещеру на Флегрейских полях в Италии?

– Не читал и не слышал, – ответил сомневающийся. – Но что общего это имеет с твоей гипотезой?

– Много чего! В той пещере, что находится в кратере Аньяно к западу от Неаполя, тоже скапливается углекислый газ, хотя причины этих выбросов там немного иные. Проводники демонстрировали его наличие туристам следующим образом – бросали на дно пещеры собаку, которая тут же теряла сознание; люди могли, нисколько не опасаясь, видеть это лишь потому, что слои воздуха с удушливым газом не достигали их голов, а значит, и легких.

– Ага, так вот почему пещера называется Собачьей. А что случалось потом с бессознательными животными? Они там так и погибали?

– Нет! Само собой, проводники вытаскивали одурманенного пса наружу, чтобы тот ожил на свежем воздухе и позже смог бы снова поучаствовать в демонстрации.

– Ну, такое недостойно похвалы. Доказать загазованность нижнего яруса пещеры можно было бы и иначе.

— Ты дважды прав. К северу от Италии находится небольшая по территории, но красивая местность, называемая Моравией. Там, возле города Границе, есть маленькие, но зато прекрасные целебные источники, а среди них, в громадном утесе из девонского известняка находятся великолепные арагонитовые пещеры. Проводники там показывают, как небезопасны некоторые подземные впадины: к удилищу на веревке подвешивают горящие свечи и как только они приближаются ко дну, пламя гаснет, когда оказывается вместо воздуха в скопившейся там углекислоте. Видишь, и без всякого

использования живых тварей можно представить хорошее и убедительное доказательство наличия смертоносного газа. Но в наши дни есть возможность лично удостовериться в присутствии этого опасного вещества. В одном месте, где большой выступ на потолке пещеры весь покрыт красивыми арагонитовыми друзами, чьи иглы в бесчисленных вспышках отражают свет ламп, удобные каменные ступени ведут вниз к широкому углублению. Чем глубже спускаешься по ним, тем больше ощущаешь дурманящее действие газа и, в конце концов, поворачиваешь назад, если не хочешь потерять сознание.

– Для такого эксперимента требуется немало мужества.

– Нет, ведь спускаешься потихоньку и потому легче определить, когда концентрация газа в воздухе настолько высока, что лучше вернуться.

– Опасность грозила бы тогда, если бы человек вдруг неожиданно свалился в такую наполненную газом яму. Это легко может случиться во время разведывательных работ в неисследованной части пещеры.

– Это правда. Если при осмотре той пещеры разговоришься с проводником, то он, может, и расскажет, как именно таким образом лишился своей любимой овчарки. Пес много лет сопровождал хозяина в его исследовательских походах, но однажды при обнаружении нового просторного грота забежал туда из любопытства и почти в тот же миг упал на землю. Хозяин мгновенно понял, что дело плохо, но хоть он и сразу же вытащил собаку из гибельного места, овчарка была уже мертва.

– Для проводника это стало неприятной неожиданностью.

– Не просто неприятной неожиданностью, а тяжелой утратой. Он рассказывал мне со слезами на глазах, что до сих пор вспоминает своего четвероногого товарища, который верно и преданно сопровождал хозяина во время любого пути в темноте небезопасного лабиринта пещер.

– Да, понимаю. Но позволь заметить еще кое-что. Есть ли и у нас в Северной Америке такого же рода пещеры?

— Знаю, почему ты задаешь этот вопрос. Ты не очень мне веришь, потому что я привел примеры из мест, весьма сильно от нас отдаленных. Но вот вернемся из Патагонии обратно в Нью-Йорк и можешь как-нибудь побывать в Йеллоустонском национальном парке; есть там одна пещера, где углекислый газ так высоко поднимается над дном, что может умертвить и медведя.

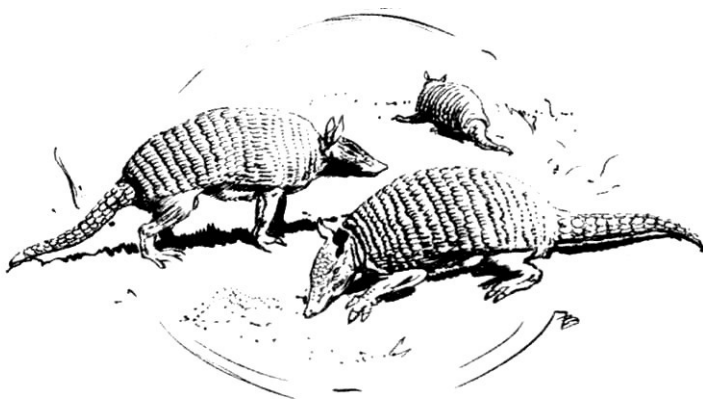
Руководитель экспедиции замолчал после этих слов, молчал и сомневавшийся палеонтолог. Но, немного поразмышляв, он посмотрел в глаза коллеги и произнес:

— Если ты можешь подкрепить свою гипотезу о гибели скариттии столькими наблюдениями из нашего времени, то не знаю, почему бы ей не быть состоятельной.

А чуть погодя добавил:

— Мне кажется, что многие природные явления имеют такую долгую историю, что считать ее в годах было бы просто нелепым человеческим поступком.

Когда потом все легли спать, над их головами уже нависла тишина ночи с сотнями тысяч ярких звезд.

БИТВА ЧУДОВИЩ

Когда-то, давным-давно, в конце раннего третичного периода, по привольно раскинувшемуся древнему лесу лениво текла широкая река с ее тысячами излучин.

Во времена, когда хлесткие и обильные дожди проливались из серых туч, захватывая на час-другой власть над целым обширным краем, река выходила из берегов, сильно затапливала весь лес, а потом новые неисчислимые потоки устремлялись к далекому морю.

По окончании сезона дождей вода быстро спадала и яркое тропическое солнце тут же высушивало образовавшиеся из-за разлива лужи. Могучие лесные деревья местами образовывали над временными водоемами красивые зеленые своды, в которых будто драгоценные камни светились и сияли сказочно-

великолепные орхидеи удивительных цветов и с чарующими ароматами. Да и сам древний лес был необычайно прекрасен. Он разрастался по бесконечной равнине с низкими холмами, глубокими долинами и несчетными болотами, заросшими тростником, бамбуком, ситником и камышами. Стволы старых лесных великанов походили на великолепную колоннаду некоего исполинского храма, воздвигнутого мифическими гигантами в честь какого-то их божества. Их широкие кроны смыкались и образовывали неопишуемой красоты зеленый потолок, с которого к небосводу поднимался нежный шелест вечернего ветерка, а иногда вырывался дикий рев и вой смерчей с бурями.

Длинные лианы подобно гигантским змеям обвивали стволы и ветви деревьев. Они опутывали их, оплетали густой непроницаемой сетью, образуя висячие занавесы, которые колыхались на ветру точно огромные зеленые ленты. Некоторые из лиан своими воздушными корнями впивались в кору, срастаясь в подобие поясов и решеток неправильной формы, душа и, в конце концов, уничтожая дерево. А когда корни сливались в прочный монолитный панцирь и самостоятельно закреплялись в земле, то такие агрессоры со своим полым „стволом“ вырастали до огромной высоты.

В сырой почве леса зеленели изящные веера низких папоротников, коврики мхов и печеночников, там и сям виднелись орхидные вымерших родов проторхис и палеорхис с их чудесными цветами, растущие в чарующе-прекрасном беспорядке. Местами выделялись и чистейше-белые воронковидные чашечки ароидных.

Там, где дождь из солнечных лучей не закрывали древесные кроны и он освещал землю, среди кустов, зарослей и зеленых трав вспыхивали красные и желтые, синие и лиловые, розовые и белые огоньки различных цветов – простых и роскошных, с нежными, приятными запахами. На стеблях трав выводили однообразные скрипучие песни бесчисленные кузнечики и кобылки. С листьев кустарников о своем присутствии веселым стрекотом объявляли цикады. С цветка на цветок с жужжанием перелетали громоздкие шмели, а вместе с ними – осы, пчелы и

многочисленные мухи, на земле сквозь травяные дебри продирались пестрые жуки и вечно спешащие муравьи, подстерегали добычу крупные пауки и ядовитые скорпионы.

Глубоко в лесной чаще располагалась огромная топь, чьи берега покрывала болотная растительность. Над темной водой, омываемые солнечным дождем, меж зелеными дисками листьев кувшинки раскрывали свои замечательные цветы – шедевры природной красоты и изящества. На краю древнего леса были хаотично разбросаны огромные, покрытые мхом валуны, между ними лежало несколько стволов старых, поваленных бурями древесных великанов. Кое-где в мягкой почве среди зеленого подлеска виднелись большие ямы. Из них во все стороны торчали разорванные корни, облепленные все еще влажной землей. Иные из вывороченных ям уже заполнила растительность, а сгнившие стволы деревьев покрылись зеленым мхом и серебристыми лишайниками.

Сюда, к топи, из лесной чащи направлялись несколько диких животных. Это были меритерии. Когда они вышли из леса, то пришлось еще продираться через низкие заросли, ведь только так они могли добраться до берега болота, где всегда охотно пили и купались. Как только меритерии оказались у воды, тут же наклонили головы и большими глотками начали утолять жажду.

Большой величиной животные не отличались, но являлись важным звеном эволюции, ведь это были предки всех хоботных, как давно исчезнувших, так и еще живущих в наши дни. По размеру они не превышали современных тапиров. Со слонами, своими последними потомками, меритерии не имели даже отдаленного сходства. И самих хоботов у них не было. Зато зубов имелось больше, чем у любого другого хоботного, все – одинаковые, с бугорчатыми коронками. Вторые резцы на обеих челюстях превратились в небольшие бивни – первый шаг к чему-то новому, такому, чем доселе не могли похвастаться другие млекопитающие и что лишь в поздних эпохах достигло у мамонтов и слонов своей безупречности, грациозности и величины.

Утолив жажду, меритерии зашли в воду и с наслаждением

принялись плескаться. Лишь одна из самок оставалась у самого берега, чуть намочив ноги, ведь у ее бока семенил маленький детеныш всего нескольких дней от роду. Это был умильного вида толстячок, который только лишь начал узнавать мир, он дрожал от страха и трепетал от радости жизни. Все вокруг очень сильно впечатляло маленького меритерия, он всему удивлялся и всем восхищался. В своем невинном радостном простодушии детеныш воспринимал все так, словно эта прекрасная земля принадлежала лишь ему, солнце, тепло и вода тоже существовали лишь для него, а все вкусное – приготовлено специально для рта маленького обжоры. Он был бесконечно счастлив в своем беззаботном зверином детстве.

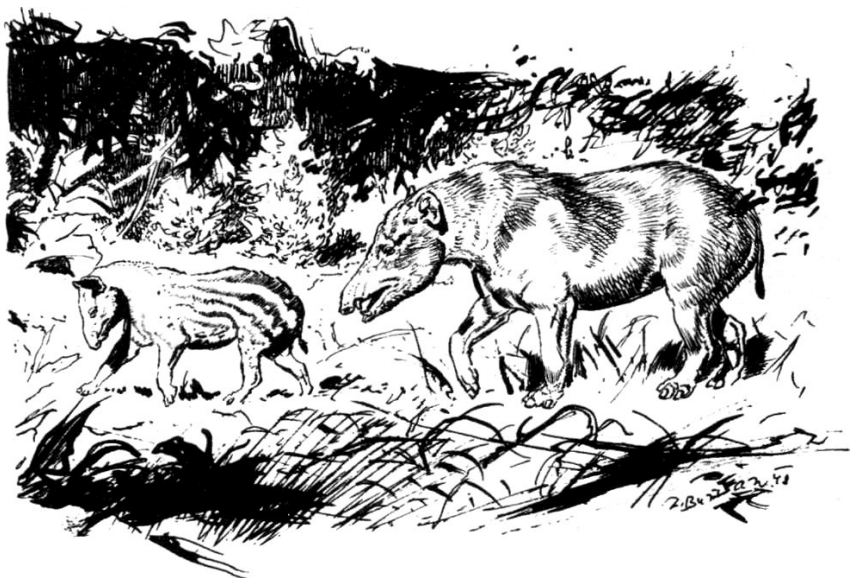
Его мама валялась в неглубокой воде, полной жирного ила – жмуря глаза от удовольствия, перекачиваясь с боку на бок и позволяя поливать себя жарким волнам полуденного солнца. Но она ни на миг не забывала про свое чадо, без конца поглядывая в его сторону, а когда убеждалась, что детенышу ничего не угрожает, опять спокойно принимала илисто-солнечную ванну.

Толстеный малыш стоял в воде недалеко от матери и неуклюже топтал своими ножками вязкое дно, отчего взбаламученная грязь темными клочками расплывалась во все стороны.

Неожиданно меритерии, неспешно шагая, направились к берегу и, выбравшись на него, пошли между валунами и стволами поваленных деревьев в сторону леса. Они двигались по узкой дорожке, которую протоптали за долгие годы.

Лишь самка с детенышем мешкали с уходом. Ей было так хорошо здесь, всего хватало и не мучил голод. Из сырой и болотистой почвы поднималось столько аппетитных и полных сладких соков растений, что оставалось лишь воспользоваться дарами буйно процветающей природы и начать пастись.

Зато детеныш вел себя немного беспокойно. Он привык быть в стаде, а теперь остался почти в одиночестве. Малыш подошел к самке, прижался к ее боку и тихонько застонал.

Стон детеныша тысячью раскаленных игл вонзился в сердце матери. Она словно поняла, что малышу не по себе, тут же решила оставить болото и направиться за своими сородичами. Самка резко встала на ноги и направилась к берегу, а за ней мелкими шажками спешил толстый детеныш. Бедный, он не знал, что это последний путь в его жизни!

Самка с малышом пошли по дорожке вслед за скрывшимися из вида собратьями.

Она вела через лощину, где извивался маленький ручеек. Склон, по которому бежала дорожка, был невысоким, но зато обрывистым, а на противоположном, широком и пологом, росли пальмы, акации, фиговые и миртовые деревья. Всюду было тихо и мирно, разносилось лишь легкое бормотание ручья, заглушаемое топотом детеныша и его матери.

Далеко впереди, обвившись вокруг ветви могучего дерева, своей раскидистой кроной нависавшего низко над тропинкой, застыла громадная змея. Она совсем не двигалась, лишь раздвоенный язык порой вылетал из ее пасти подобно черной молнии. Рептилия была голодна, потому что уже давно доела

последние остатки небольшой протосвиньи, пойманной недалеко от этого места.

Внезапно затаившийся питон заметил приближающихся меритериев, самку с детенышем. Он понял, что в этот раз охота может оказаться удачной.

Когда чуть раньше
внизу прошли быстро
покинувшие болото
меритерии, питон продолжал
спокойно лежать на ветке,
он видел — среди них нет ни

одного подростка, на которого можно напасть, а взрослые животные были ему не по зубам. Теперь же к нему шел маленький детеныш, с которым ничего не стоило справиться, а потом проглотить. Поэтому змея поползла по стволу дерева, спустилась чуть ниже и выжидала.

Между тем малыш беззаботно топал впереди своей мамы. Маленький меритерий весело оглядывался кругом, а глазки его сияли радостью жизни. Он был точно нежный, совсем недавно распутившийся цветок.

Детеныш дошел до дерева, где притаилась смерть.

В ту же секунду питон встрепенулся и бросился на него. Малыш-меритерий изумленно взвизгнул, но прежде чем он смог

рассмотреть уродливую шипящую голову, маленькое тельце уже давила и душила со страшной силой обвившая его змея.

Детеныш снова издал вопль, теперь полный ужаса и боли.

Остановившаяся еще после первого крика самка оцепенела от ужаса, увидев поднятую шипящую голову с горящими глазами и могучие кольца, все сильнее сжимающие в тесных объятиях ее малыша. Она наблюдала в испуге за страшной гибелью детеныша, ничем не в силах ему помочь.

А питон сдавливал несчастного маленького меритерия все с новой и новой силой.

Внезапно голова его метнулась к самке, пристально уставилась ей в глаза, потом змея бешено зашипела.

Та мгновенно опомнилась от оцепенения, бросилась прочь с тропинки к ручейку, но не убежала. Из зарослей неподалеку она беспомощно наблюдала за умирающим детенышем.

Огромный питон, удостоверившись, что его не попробуют атаковать, снова повернул свою голову к уже задушенному маленькому меритерию, который лежал без движения в смертоносных объятиях. Змея долго глядела на него, а затем длинным раздвоенным языком несколько раз лизнула голову добычи.

Когда питон осознал, что детеныш мертв, то ослабил хватку и тельце безвольно повалилось на землю.

В ту же секунду самка, словно обезумев, выскочила из зарослей и помчалась к нему. Но прежде чем ей это удалось, питон поднял над землей свою мерзкую плоскую голову и угрожающе зашипел. Едва лишь смолкло шипение, как самка остановилась, будто бы этот звук напомнил ей о бесполезности всяких действий. Она снова отступила, медленно пятясь назад, к зарослям, будто бы глядящие с угрозой глаза змеи все еще не отпускали ее.

Когда самка отошла к кустам возле ручейка, где опять беспомощно взидала на неподвижное тело детеныша, питон успокоился и собрался съесть пойманную добычу. Разинув пасть, он высунул наружу отверстие гортани, чтобы при заглатывании не задохнуться, и, ухватив голову детеныша, начал постепенно проталкивать его себе в глотку.

Но ему не довелось спокойно сожрать маленького меритерия.

На краю крутого склона лощины, прямо над местом, где гигантская змея начала проглатывать свою добычу, происходила схватка двух чудовищных, огромных как слоны зверей. Их головы были вооружены парой могучих, длинных и острых рогов, растущих на носу. Маленькие глазки сверкали боевым блеском. Поодаль, в тени нескольких акаций, тихо стояло животное того же вида, напряженно наблюдая за дикой битвой.

Это были арсинойтерии, два дерущихся за самку самца.

Они представляли собой огромных копытных, о чьем происхождении и родственных связях почти ничего не известно. Высотой арсинойтерии превосходили современных носорогов, а в длину достигали больше трех метров. Голова их выглядела особо примечательно. Из носовых костей торчали два мощных сросшихся костяных выроста, которые наподобие гигантских рогов поднимались наискось вверх над пастью. Это было мощное оружие, которого боялись крупные хищные твари. За ними, возле их заднего края, росли из цельной кости еще два рога, но только совсем маленькие.

И вот теперь эти рогатые чудища сошлись из-за самки в жестокой схватке. Резко разбегаясь, самцы наклоняли головы и сталкивались, словно две неукротимые бури. Рога ударялись о рога, их острия ранили кожу на головах. Из глоток обоих сражающихся великанов исторгался смешанный рев бешенства и боли.

Они отскочили и вновь кинулись друг на друга. А когда сшиблись, то каждый начал напирать на противника могучими рогами. С неимоверной силой один старался оттеснить другого на самый край обрывистого склона лощины. Но каждый остался на своем месте как вкопанный – их силы были равны. Лишь хитрость могла бы помочь кому-то из сражающихся и таки помогла.

Один из них, стоящий ближе к обрыву, вдруг отскочил в сторону. А другой арсинойтерий, не ожидавший такого трюка и изо всех сил давивший на него, пошатнулся и с наклоненной к земле головой пронесся по инерции вперед до самого края. Прежде чем он опомнился и сумел затормозить ногами, противник подскочил к нему и сильным ударом ткнул в бок обоими острыми рогами.

Атакованный самец взревел от боли и рухнул наземь.

Противнику хватило одного этого удара, чтобы столкнуть его с края обрыва на дно лощины. А когда самец с кровоточащей раной катился вниз по склону, наверху торжествующе заревел победитель.

В мгновение ока арсинойтерий тяжело рухнул в лесное ущелье, оказавшись как раз там, где гигантский питон начал пожирать маленького меритерия.

Быстрое падение огромного зверя напугало змею и было досадной помехой, ведь она не успела заглотить даже голову детеныша. Тело жертвы еще торчало из невероятно разинутой, источающей слюну пасти. Питону сейчас требовался только покой, а не волнение и суматоха.

Свалившийся самец быстро вскочил на ноги. Его горячая кровь уже остыла и весь боевой пыл выбило тяжелым падением на твердую землю. Арсинойтерий уже не жаждал дальнейшего боя с соперником, а искал возможность поскорее покинуть место своего поражения.

Но, поднимаясь на ноги, он по чистой случайности наступил питону на кончик хвоста и своим огромным весом раздавил его.

Длинное тело змеи содрогнулось от дикой боли. Питон резко вытолкнул из пасти заглоченную часть добычи и с диким шипением вцепился в голову ни о чем не подозревающего копытного.

Арсинотерий поначалу перепугался, он ведь не заметил змею и не понимал причины ее нападения. Но оно вынудило зверя защищаться. Мощным взмахом рогатой головы он стряхнул вцепившегося в нее питона. Еще взмах – и змея полетела на землю. А потом арсинотерий наступил на голову своего обидчика и начал давить ее своими колоннообразными ногами. Тело питона дико заметалось, обвилось вокруг ног разъяренного копытного, но тот не обратил на это внимания, а все топтал и топтал. Когда голова питона превратилась в комок из раздробленных костей и лоскутов кожи, взбешенный зверь с той же злобой принялся крушить и его мускулистое тело.

С ужасом в глазах из кустарника неподалеку глядела на это мать несчастного детеныша. Она стояла без движения и лишь смотрела. Видела, как тело погубившего ее малыша врага перестало быть тем, чем было, понемногу превращаясь в бесформенное месиво из костей и чешуйчатой кожи.

Не шелохнувшись, она все так же глядела на то же самое место и после того, как арсинотерий давно уже скрылся в древней чаще.

И лишь тогда, когда солнце исчезло за дальними горами и на весь край начали тихо опускаться вечерние сумерки, самка-меритерий вышла из зарослей и потихоньку, осторожно направилась туда, где лежали мертвое тело ее детеныша и раздавленный питон.

Она подошла к своему малышу, склонила над ним голову и нежно облизала его языком. А потом издала ободряющее похрюкивание, будто пытаясь сказать детенышу, что пора уже идти и дальше оставаться здесь нельзя. Но тот не шелохнулся. Тогда самка легонько ткнула его головой, словно настойчиво напоминая, что больше нельзя терять время – скоро наступит

полная опасностей ночь.

Но детеныш опять остался неподвижен.

Снова наклонившаяся самка лизнула его морду. И лишь теперь жуткая действительность заставила ее тело оцепенеть. Детеныш был холодным как кусок льда, что неумолимо означало конец. Этот мертвенный холод похоронил все надежды матери на то, что обессилевший малыш просто крепко спит.

В тишине вечера раздался жалобный и тонкий трубный рев, прокатившийся печальным эхом по всей лощине.

Это не было просто криком, ведь в нем звучало такое горе, глубже которого уже не может быть...

ПЕРНАТЫЙ ВЕЛИКАН

На широкой излучине реки, окаймлявшей до необозримых далей светлую лиственную чашу, вблизи от берега в иле лежали несколько диких животных.

То были астрапотерии, давно вымершие протокопытные из эпохи позднего третичного периода.

Из их пастей выглядывали мощные, похожие на изогнутые бивни клыки. Они служили опасным оружием, как против неприятелей, так и против молодого и глупого самца, претендующего на некую самку, уже выбранную другим, старым и опытным астрапотерием. Могучие лапы, имевшие по пять пальцев с копытцами, несли коренастое, поросшее редкой грубой шерстью тело. На мордах этих невиданных колоссов выдавался вперед короткий, рылообразный вырост, избыточно развитые мышцы которого делали его похожим на миниатюрный кривой хобот.

Совсем близко к берегу, где смешанная с илом вода была теплее всего, лежали огромная самка с детенышем. Мать мирно подремывала, а малыш возле нее играл с пучком каких-то похожих на тростник растений.

Подальше, в более глубокой воде, находилось несколько взрослых самцов, они время от времени пофыркивали, наслаждаясь илистой ванной и солнцем.

Внезапно из близлежащих зарослей послышался шелест и треск. Спустя пару секунд из зеленого нагромождения высоких кустов выскочил адинотерий – представитель древних копытных размером с овцу. Он бежал медленно и тяжело, ведь

зверь с плотным телом, сильной шеей и тяжелой головой двигался на коротких, непривычных к быстрому перемещению ногах. В маленьких тупых глазках, между которыми у самцов этого вида располагался небольшой острый рог, плескался страх. Когда адинотерий со всей возможной скоростью покинул заросли и увидел валяющихся в иле астрапотериев, то замер в

замешательстве. Но негромкий шорох в кустах снова заставил его без оглядки пуститься наутек.

Зверь кинулся к реке и в своем отчаянном бегстве со всей силы врезался в маленького астрапотерия. Он тут же опрокинулся в воду и жалобно завизжал. Отдыхавшая поодаль самка мгновенно стряхнула с себя дремоту, поднялась и поспешила на помощь детенышу. Грязная вода брызгала во все стороны от бешено мчавшейся мамыши.

Детеныш уже был на ногах, когда самка добралась до него. Обнюхав свое чадо, она тяжелыми неловкими скачками погналась за убегающим и вдвойне перепуганным нарушителем спокойствия, который неуклюже заспешил в другую сторону.

Кто знает, как долго самка преследовала бы бедного

адинотерия, если бы мирную тишину края не нарушил новый крик детеныша. Она тут же остановилась, а потом большими шагами направилась обратно к нему.

Малыш неподвижно застыл, испуганно глядя как раз на то место в зарослях, откуда недавно выскочил адинотерий.

Одного взгляда самки хватило для осознания того, что произошло.

Она решительно направилась к кустам, но прежде чем дошла до них, оттуда выскользнул сумчатый хищник протилацин, преследовавший до этого в тени густых зарослей адинотерия. И хоть он в ярости хлестал длинным хвостом из-за упущенной добычи, но имел достаточно опыта, чтобы не связываться с опасной самкой астрапотерия, которая была ему явно не по силам.

Та не стала преследовать сумчатого хищника, а мелкими шажками вернулась к напуганному детенышу. Подойдя к нему, мать несколько раз ткнула чадо коротким хоботком, словно желая убедить, что с ним не случилось ничего страшного. А когда успокоенный малыш-астропотерий весело запрыгал,

самка вновь забралась в илистую воду, прикрыла глаза и с удовольствием продолжила прерванное купание. Ей было невдомек, что из-за своего страха за детеныша она спасла жизнь безобидному адинотерию и лишила хищника его добычи.

- - - - -

Когда протилацин миновал заросли, то очутился в покрытой травой степи, которая казалась бескрайней.

Он взбежал на плоскую скалу, чтобы оглядеться.

Повсюду расстилалась травянистая равнина. Из нее местами поднимался кустарник и низкие деревья, живописно сочетаясь с невысокими изломанными скалами.

Хищник внимательно оглядывался, медленно крутя своей удлинённой головой во все стороны. Он чутко нюхал воздух и усиленно вытягивал остроконечные уши, чтобы ничего не пропустить. Но ничего не заметил, не учуял и не услышал. Везде был лишь неизмеримый и необозримый ковер из невысоких трав, украшенный пестрым узором из желтых, красных, синих и белых цветов, темною зеленью зарослей, кустарников и деревьев, хмуро-серыми скалами.

Протилацин продолжал неподвижно стоять.

Силуэт зверя, чем-то похожего по телосложению на дикую собаку, четко вырисовывался на фоне ясной голубизны неба. Вытянутая пасть, полная острых зубов, заканчивалась тупым, словно обрубленным и черным как уголь носом. Длинное туловище покрывала короткая, слегка прилегающая к нему шерсть, бывшая на голове светло-коричневой с темными, проходящими через глаза полосками. На остальном теле она была темно-коричневой с равномерными полосами, начинавшимися от середины спины. В этих местах начинала удлиняться и шерсть, достигая максимальной длины на ляжках зверя. Туловище постепенно переходило в длинный хвост, также наполовину покрытый темными полосками.

Вот протилацин вдруг резко и беззвучно соскочил со скалы и помчался вдоль окаймлявших реку зарослей. Он по крутой дуге обогнул нескольких несодонов — могучих копытных животных размером с современного тапира. Потом хищник сменил направление, оставил берег реки и быстро помчался к

травянисто-кустарниковой равнине, где возле одной из скал под кустом было его логово. В нем осталась самка с четырьмя подросшими детенышами, которые уже давно оставили сумку матери, проведя в ней время своего самого раннего детства.

В зарослях зверь наткнулся на броненосца стеготерия, который по неизвестной причине задолго до вечерних сумерек выбрался из норы, где отдыхал днем.

Протилацин бросился на него, но недостаточно быстро.

Броненосец мгновенно скрылся в норе, так что челюсти сумчатого хищника клацнули без всякой пользы. Он заворчал и снова помчался дальше. Бежал меж высоких трав, пробирался редкими кустами, обходя непролазные и колючие заросли и вдруг остановился у низкой скалы, чье подножие со всех сторон окружали упавшие с рассыпающихся скальных стен глыбы.

Протилацин в несколько прыжков оказался на ее вершине, осмотрелся и тут же припал к земле. Взгляд его приковали кустики неподалеку, где между глыбами чернели отверстия нор маленьких протипотериев – давно и бесследно исчезнувших млекопитающих, похожих на зайцев, но с длинными лапами и хвостом. Сумчатый хищник тихонько спрыгнул с вершины скалы и неслышно приблизился к ничего не подозревающим зверькам.

Каждый камень и каждый высокий пучок травы были для него желанным укрытием во время подкрадывания. Протилацин перебегал от одного из них к другому – постепенно, осторожно и тихо, хитрость и опыт постоянно удерживали его от какого-либо скоропалительного поступка, который мог бы все испортить. И эта терпеливость принесла свои плоды. Еще секунду хищник прижимался к земле, а потом резко и без промаха прыгнул на намеченную добычу, повалил ее на спину и вонзил острые зубы в незащищенное горло.

Жертва успела издать лишь один короткий писк, а потом ее тело обмякло. Но этого звука хватило для того, чтобы все остальные зверьки моментально укрылись в норах, где глубоко под землей прижались друг к другу, оцепенев от страха и ужаса.

Тем временем хищный протилацин глотал мясо пойманной добычи.

Насытившись, он ухватил пастью остатки и быстро потрусил прочь от места кровавого пиршества. Зверь бежал долго, без остановок, направляясь к своему логову, чтобы отнести часть добычи детенышам, еще не способным самостоятельно поймать кого-то, чтобы утолить голод. Хотя вина за это лежала не только на их юности, но и на родителях, мало заботившихся о потомстве. Они не уделяли им большого внимания и даже по-настоящему не учили охотиться.

Лишь один раз по пути домой протилацин все же был вынужден остановиться, когда наглая боргиена начала осторожно красться следом. Она проголодалась, а запах свежего мяса слишком дразнил ее нюх. Боргиена устроила это преследование в надежде на то, что протилацин спрячет где-нибудь остатки добычи, чтобы позже ими полакомиться. А ей, голодной, этот кусок пришелся бы очень кстати.

Протилацин быстро заметил преследовательницу. Какое-то время он не обращал внимания на мелкого хищника, а потом, будто внезапно разозленный ее невероятным нахальством, бросил ком из мяса и кожи на землю, кое-как прикрыл его травой и песчаной почвой, и длинными скачками понесся к не

ожидавшей такого боргиене. Та между тем издалека наблюдала за этими действиями, радуясь тому, что вскоре выкопает чужую добычу и наестся ей. Когда же она увидела разъяренного приближающегося протилацина, то решила, что лучше всего будет поскорее смыться. И после недолгого раздумья хищница поспешно ретировалась.

Протилацин недолго гнался за ней. Когда боргиена сиганула в ближние заросли, он снова повернул назад, выкопал зарытое мясо, вновь вцепился в него зубастой пастью и продолжил путь.

Спустя немного времени протилацин достиг своей цели.

Тесные и низкие скальные стены под сводом из густых веток кустарника были логовом для всего его семейства. На плоской вершине отдыхала самка. Она имела ту же окраску, что и самец, но была меньше и слабее его. Под кустом слонялись без цели и четверо детенышей, неуклюже гоняясь за ящерками или крупными насекомыми. Каждый из них заботился лишь о себе и был равнодушен ко всему, не связанному с пищей.

Когда самец остановился перед скалой, он выпустил из пасти остаток пойманной добычи.

Все детеныши мигом устремились к принесенной еде и алчно набросились на нее. Но поесть спокойно им не дали. Вниз со скалы внезапно прыгнула самка, подошла к мясу и, грубо оттеснив детенышей, оторвала себе большой кусок, с которым отбежала в сторону, чтобы спокойно его проглотить. После этого юные протилацины снова накинулись на кровавые ошметки и теперь уже никто не нарушил их пира.

С приятно наполненными животами они исчезали в густом кустарнике, где у каждого был свой уголок для ночного отдыха. До того, как на мир спустилась ночная тьма, самец с самкой тоже скрылись в логове.

Все стихло. На темный небосвод, словно бы прибитый к бесконечному простору Вселенной золотыми, серебряными и красноватыми гвоздиками звезд, выплыл из туч белый диск луны и ее бледный свет разлился по спящему краю.

Ночь шла по степи и древней чаще. Шла тем размеренным шагом, каким шла вчера и каким пойдет завтра, тем шагом, каким ей никогда не суждено догнать день, за которым она

всегда кралась тенью, обреченная вечно преследовать, но никогда не настигнуть. Не зная преград в своей погоне за днем, ночь шла за ним прямым путем, через глубокие ущелья и высокие горы, через широкие равнины пустынь и через моря, идя до бесконечной пропасти на западе, но все напрасно – ей никогда его не догнать.

И в этой бесконечной гонке ночь снова сменилась днем.

Свет разлился по всему краю и коснулся закрытых глаз спящих. Сперва совсем нежно, так что веки едва затрепетали, потом все сильнее и настойчивей, пока они широко не открылись.

Пробудилось ото сна и семейство протилацинов.

Взрослые животные еще лениво потягивались в теплом логове и равнодушно глядели на своих визжавших от голода детенышей. Протилацинам не хотелось вставать и брести покрытыми росой высокими травами, они ждали, пока солнце высушит капельки.

Как только это случилось, старшие тут же воспряли к жизни. Голод выталкивал их из логова и гнал к широкой равнине на охоту.

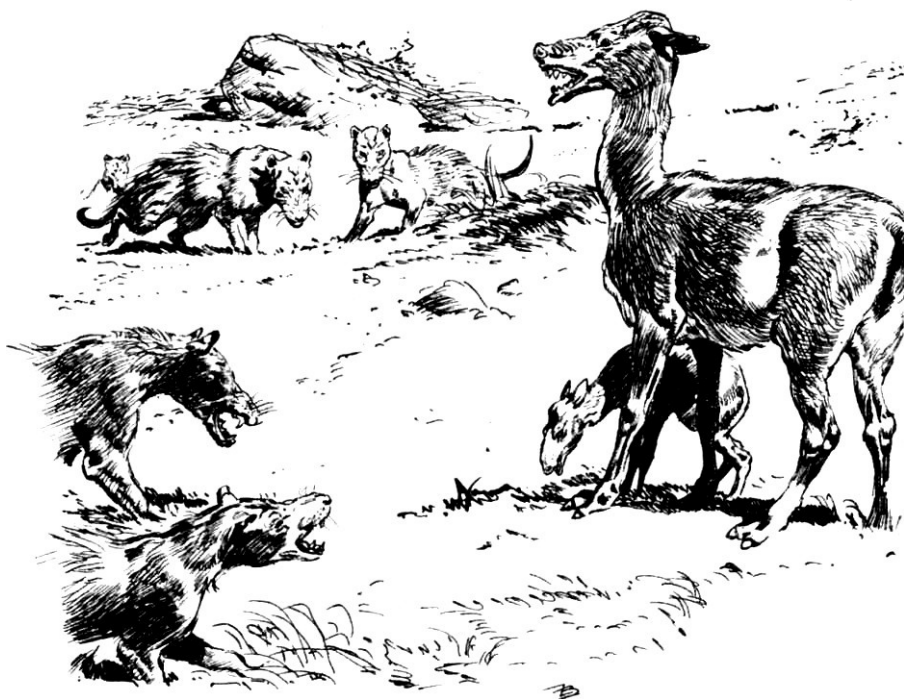
И вот пара хищников побежала мягкой рысью, а за ними по пятам следовали детеныши.

Они промчались сквозь редкий кустарник, потом по широкой равнине, далеко обойдя низкую, сложенную из огромных глыб скалу.

Здесь протилацины внезапно приостановили свой бег.

Перед низкой скалой стоял диковинный трехпалый представитель протокопытных – теозодон с маленьким, недавно родившимся детенышем.

Самец-протилацин тотчас же направился к нему, за ним спешила самка со своими четырьмя отпрысками. В глазах хищников горели огоньки голодной жажды свежего мяса. Самец быстрым прыжком отрезал копытному путь отступления к скале, так что травоядные теперь подвергались атаке спереди, сзади и с боков.

Но самка теозодона твердо вознамерилась защищать себя и свое потомство. Она была величиной примерно с теленка, с длинными сильными ногами, а на вытянутой шее сидела голова, в чей раскрытой пасти виднелись мощные зубы. Немалый опыт протилацина говорил ему, что здесь не получится легкого и быстрого боя. Если бы он был один, то, скорее всего, отступил бы, так как понимал — крепкие зубы травоядного способны одним махом вырвать большой кусок мяса из его тела и пришлось бы выдержать много болезненных ударов, нанесенных сильными ногами. Но вдвоем с самкой они могли напасть каждый со своей стороны, в зависимости от того, насколько хитро и ловко проведут атаку.

Потому самец и медлил с нападением. Он по широкому кругу обошел теозодона с детенышем, неотрывно глядя на него,

но пока что осторожно выжидал. А вместе с ним и самка с четырьмя юными протилацинами.

Теозодон внимательно наблюдал за хищниками, понимая, что убежать не удастся, разве что бросить детеныша на произвол судьбы. Но о том не могло быть и речи – самка всеми силами опекала новорожденного. Она жила лишь ради него, играла с ним и проявляла самую нежную заботу.

А теперь они с детенышем оказались в большой опасности.

Неподалеку оттуда по травянистой равнине не спеша пробиралась могучая птица. Это был фороракос.

Временами он останавливался и поглядывал по сторонам, а когда ничего не обнаруживал, то снова шагал своим кружным путем. Видимо, этого пернатого великана пробудило ото сна восходящее солнце и теперь он отправился на утреннюю охоту.

На его пути оказался огромный валун, на который фороракос заскочил мощным толчком сильных длинных ног. Там он замер, внимательно разглядывая весь широкий край.

Птица была три метра в высоту. На длинной шее находилась довольно большая голова с длинным, слегка сжатым с боков клювом, прямым у основания, а в передней части крючковидно загнутым. Высокие, неоперенные ноги заканчивались длинными ступнями с укороченными пальцами, на которых росли острые и загнутые когти. Тело птицы было мощным, коренастым, а крылья – маленькими и недоразвитыми. На темени торчал невысокий хохолок из серебристо-белых перьев. Примерно так выглядел хищный родственник современных журавлей. Любая рептилия и любое не очень крупное млекопитающее с большой вероятностью расстались бы с жизнью, повстречавшись с голодным фороракосом.

Хищная птица, поворачивая голову, направляла во все стороны свой острый взгляд.

Вот он уперся в скалу неподалеку. Глаза фороракоса загорелись, он возбужденно щелкнул несколько раз своим грозным клювом. Птица заметила там теозодонов, окруженных стаей сумчатых хищников. Она поняла, что сегодня не потребуется долго искать то, чем можно было бы утолить свою

ежедневную утреннюю потребность в еде.

Фороракос быстро спрыгнул с валуна, при этом смешно растопылив маленькие крылышки, как бы желая смягчить падение на землю тяжелого тела. А потом поспешил к недалекому утесу.

Пернатый хищник подоспел туда как раз в тот момент, когда оба старших протилацина, каждый со своей стороны, собирались напасть на самку теозодона и ее детеныша. Та уже выглядела очень испуганной, потому что не знала, откуда ждать атаки и от какого из зверей нужно защищаться.

И тут она к своему величайшему изумлению увидела, как один из хищников, уже приготовившийся к броску, внезапно развернулся и длинными скачками понесся вдаль.

Не менее удивлена была и самка протилацина. Она собиралась оказать помощь самцу при нападении, но вместо смертоносного прыжка увидела, что тот удирает, скрываясь в высокой траве и кустах. Хищница недоумевающе смотрела на теозодонов, ожидая найти причину для столь загадочного бегства. Но не заметила ничего подозрительного, те лишь в ужасе тарачились на нее. Внезапно хищница увидела, что самка теозодона пустилась наутек, встала и обернулась – удостовериться, что детеныш следует за ней. В этот момент самка протилацина поняла, что опасность грозит сзади. Она тут же развернулась и вся оцепенела – на нее несся огромный фороракос, яростно щелкая могучим крючковатым клювом. Еще несколько быстрых шагов – и протилацин окажется в его острых когтях, жалобно вопя под градом смертоносных ударов.

Метнувшись с быстротой молнии, самка кинулась прочь. Ее нисколько не заботили брошенные беспомощные детеныши. Инстинкт самосохранения был у сумчатой хищницы гораздо сильнее материнского. Пернатый великан хотел погнаться за ней, но потом заметил четырех молодых протилацинов, пытавшихся по густой траве удрать вслед за бесчувственной матерью, и бросился к ним. Одному хищная птица сильным клювом размозжила голову, другого ухватила когтистой лапой. Два оставшихся детеныша кинулись назад к скале и быстро спрятались там в отверстиях между камней.

Фороракос не смотрел на них. Пернатому великану было все равно, пойманной добычи ему вполне хватало для насыщения.

ПРЕДАТЕЛЬСКАЯ ТРОПИНКА

С высоких гор, чьи склоны поросли лиственными чащами, цветущими азалиями и рододендронами, в широкую низинную котловину сбегал небольшой поток.

Чистая и холодная вода маленькими волнами плескалась с камня на камень и, тихо журча, неслась по руслу быстрины. Во многих местах, там, где оно резко опускалось по скальному обрыву, образовывались миниатюрные водопады. Они, обрушиваясь вниз, несли с собой хлопья белой пены, а когда вода падала прямо на твердую поверхность – валуны или скалы – то разбивалась там на тысячи мелких капелек, которые в свете палящего солнца превращались в сверкающие самоцветы, разлетающиеся во все стороны. Здесь, в облаках водяной пыли с их радужным сверканием, тихое журчание сменялось гудящим шумом, который разносился по лесу будто гордая песнь силы и решимости.

Когда же сбегавший с гор поток оказывался у их подножия, то весело разливался по широкой равнине и воздух дрожал над ним, раскаленный огненными стрелами солнечного диска. Здесь раскинулись огромные лесные чащи, соседствуя с обширными лугами, из чьей зелени выглядывали цветы, в горячих лучах

вспыхивающие самыми разными красками. Над их пестрыми чашечками и над короткими мечевидными листьями травы темнели словно большие холмы высокие кусты. Многие из них возносили вверх, к небу, свои ветки с пучками блестящих листьев, создающих пышную зеленую бахрому, колышущуюся всякий раз под порывами ветра.

На равнине горная речка меняла свой облик. Исчезало быстрое и дикое течение, бешено несущее воду через все преграды вниз по склонам. Теперь спокойный поток подобно серебряной ленте вился по древнему лесу и лугам, пока, наконец, не вливался в широкое озеро.

И оно было здесь не единственным. Всю огромную котловину под горными склонами усеивали озера, пруды и бочажины, в ее зелень вплетались русла стекающих с вершин потоков.

Картина была поистине чудесной и великолепной, когда закатное солнце прощалось с этим краем эпохи позднего третичного периода. Коснувшись горных вершин, оно изливало потоки последних в этот день лучей, которые золотили не только лишь одни скальные пики, но и неоглядную зелень древних чащ и цветущих лугов. Гладь озер, прудов и темных омутов сверкала неисчислимыми золотистыми и серебристыми отблесками, а маленькие волны жадно ловили их в свои объятья и, покачав, уносили к буйным джунглям ситника и тростника, и те поглощали свет, будто голодные. А когда солнце, словно уставший путник, садилось за каменные макушки гор, то вмиг вспыхивали и облака, и чарующая красота золотых оттенков разливалась в неизмеримой выси. Вот в закатных небесах нежных оттенков внезапно загорался алый сполох, за ним второй, третий, а потом и множество других продолжали без устали полыхать, как языки пламени в некоем невероятно огромном по размерам очаге. Казалось, небосвод охвачен гигантским пожаром – неугасимым и поразительно прекрасным. И все это отражалось красными отблесками на поверхности прудов, озер и болот, до тех пор, пока медленно, но неудержимо подступающая со всех сторон темнота не гасила небесные огни. Тогда воды темнели, а вместе с ними – дремучие леса и луга с

цветами и кустарниками. Ночь укутывала край своей черной пеленою, заполняла тьмой каждый уголок и смыкала сном веки живых созданий.

Она тяжело падала на все вокруг, словно сумрачная завеса веков, которую никак не сдвинуть. Гробовая тишина заполняла край, глубокая и тягостная, не нарушаемая ни единым шелестом листьев и травы, ни единым жужжанием насекомого, ни единым всплеском подскочившей над поверхностью воды рыбы, ни единым шумом птичьих крыльев и ни единым звуком со стороны спящих в лесных чащах млекопитающих. Такими ночами черная тьма и безмолвная тишь владели целым краем.

А иногда над лесом поднимался серебристый лик луны и ее белые лучи падали на зеленый ковер лугов и кустарников, где создавали причудливую смесь света и тени. Дождь из лунного серебра проливался на кроны столетних буков, грабов и дубов, ореховых и фиговых деревьев, на лавровые кусты и узколистые восковницы, кипарисы, ели и гигантские секвойи, а также и на роскошные пальмы, которые по ночам, бывшим все еще теплыми, но по сравнению с прошлым уже слишком прохладными для них, зябко дрожали, с нетерпением ожидая прихода дня и солнца.

В колдовском лунном свете поверхность озер и прудов превращалась в исполинское зеркало, а реки и ручьи – в потоки жидкого серебра. Бледные лучи заливали и буйную растительность болот и топей, неумолимо проникали в заросли тростника, рогоза и высоких хвощей, пробивались через гущу аира и осоки, и там, где они падали, черный сгусток тьмы исчезал в белом блеске.

Но случалось и так, что тишину темной или лунной ночи нарушали гул и грохот, которые далеко разносились над целым краем. Это происходило тогда, когда открывались старые полости под земной корой и оттуда в клубах чада и дыма вытекала лава. Она громоздилась целыми курганами и отвесными конусами, которые после остывания торчали посреди широких равнин высокими темными кучами из базальта и фонолита. В тех местах, где из перетопленного подземного котла через уродливые жерла наружу пробивалась раскаленная

лава, все живое убегало прочь, в диком страхе и сломя голову, подальше от жаркой гибели, покидая свои берлоги и дупла, чтобы уже никогда туда не возвращаться.

Грохот и гул, сопровождавшие вытекание сжигавшей все магмы и отражавшиеся тысячекратным эхом от скалистых гор, будили и спавших далеко от места извержения животных. Те вскакивали на ноги и с ужасом в глазах опрометью бросались наутек или же прятались в самых темных и самых дальних уголках каких-нибудь ущелий, где не было видно ни малейшего отблеска багрового зарева, испускаемого кратером вулкана, пылавшего как исполинский факел и как огромный прожектор

прорезавшего ночную тьму.

Но старые раны Земли залечивались столь же быстро, как и открывались. Пышущая жаром лава остывала, закупоривая глубокие жерла. Сожженные территории вокруг серых магматических холмов снова начинали зеленеть, как только их орошали обильные дожди. Вода смывала в море забвения ужас и страх, сопровождавшие недавнее извержение. И все создания возвращались к прежней жизни, забыв миновавшую опасность и не заботясь о новых, угрожающих им в будущем.

Из густых зарослей олеандра, растущих у самых подножий гор, с треском выбрался амфицион.

Это был крупный хищник величиной с современного волка, по виду нечто среднее между собакой и медведем, покрытый грубой шерстью бурого цвета с более светлой „манишкой“ под горлом. Длинный и толстый хвост волочился следом, а крепко сложенное тело покоилось на сильных, не владеющих искусством быстрого бега лапах, они выглядели тяжелыми и неуклюжими. Зверь был примером древних хищников, в которых сочетались признаки двух семейств, псовых и медвежьих.

Оставив позади кусты олеандров, амфицион направился к маленькому потоку, текущему в глубоком русле, полном скатившихся откуда-то высоко с гор валунов.

В одном месте, где образовался глубокий омут, на плоском камне грелась ныне вымершая черепаха рода трионикс. Но хотя рептилия и наслаждалась солнцем, тем не менее, зорко наблюдала за всем вокруг, чтобы в случае чего тут же скользнуть в воду. Она знала, что поблизости лютует хищный амфицион, лишивший жизни уже многих ее неосторожных сородичей.

Амфицион обосновался здесь совсем недавно. Возле пруда, где на сухой почве вокруг скалы росло несколько сосен, он обнаружил маленькую пещерку. После осмотра место понравилось зверю и стало его берлогой, откуда он выходил на охоту.

Вскоре хищник оценил выгодное расположение своего

жилища. К пруду неподалеку на водопой приходило много животных. Потому он не заботился о поисках добычи, здесь был большой выбор. Утолить жажду являлись мастодонты – огромные вымершие слоны с четырьмя бивнями, великаны-дейнотерии – тоже хоботные слоноподобного вида, но с короткими, клыкообразными бивнями, продолжавшими загнутую нижнюю челюсть. Нарушать покой таких гигантов амфицион не осмеливался, также не трогал и больших древних носорогов. Зато он бесчисленное множество раз нападал на гиотериев и хоэротериев, некрупных протосвиней, которые многочисленными стадами блуждали по лесу, выискивая топкие и болотистые места. Не единожды добычей хищника становился и редкий пугливый прототапир.

Сперва зверь жил там один, но однажды привел с собой подружку. Та была по телосложению подобна ему, но только более хрупкой. С тех пор хищники охотились вместе.

Но со временем дела с добычей становились все хуже и хуже. Звери обходили далеко стороной пруд рядом с берлогой амфиционов и шли утолять жажду где-то еще. Поймать добычу стало нелегко, приходилось отправляться за ней в дальние места. К тому же амфиционы не были искусными охотниками. Им недоставало многих качеств, которые делали другие виды хищников внушающими страх. Неуклюжие, не способные сильным прыжком броситься на намеченную цель, эти звери даже не были в состоянии догнать или вымотать погоней свою жертву. Потому в те времена, когда хищники оставались без свежего мяса, им приходилось довольствоваться найденной мертвечиной или утолять голод всякими лесными плодами.

Вот уже несколько дней на охоту выходил только амфицион-самец. И искать добычу ему приходилось гораздо усерднее.

Когда зверь увидел, что возле пруда нет ничего, на что можно было бы наброситься или напасть из засады, то отправился дальше.

Амфицион медленно и осторожно обследовал подножия гор, тщательно осматривая все кусты и заросли, но нигде ничего не обнаружил.

Раздраженный неудачами и постоянным голодом, он внезапно выбрел на берег быстрого потока, мчавшегося с гор по глубокому ущелью. Хищник постоял в нерешительности, а затем двинулся против течения в сторону скал.

Он осторожно шел по берегу, сосредоточенно следя за тем, чтобы не свалиться в бегущую воду. Речка шумела и гудела между огромными валунами, которые она скатила во время наводнений со склонов гор в долину.

И вот так, осторожно ступая, амфицион вдруг увидел перед собою изувеченное мертвое тело огромной, почти метр длиной саламандры вымершего рода андриас. Оно зацепилось за ствол вывороченного дерева, лежавшего поперек русла речки и было

сплошь покрыто ранами, полученными при падении вместе с быстро бегущим потоком. Ведь эти гигантские саламандры обитали только в холодных водах высоко в горах, в глубоких и тихих озерах или источниках, где, скрывшись под валунами или

подмытыми берегами, выслеживали червей, рыб и лягушек. Всякий раз, когда одна из громадных амфибий умирала, ее подхватывало течение и уносило с собой. Безвольное тело налетало на камни, обплывало их или его волокно по ним. Его швыряло с водопадов, трепало водоворотами и каждый сильный удар покрывал рваными ранами мертвую кожу.

Над одним таким изломанным и израненным телом саламандры стоял хищный амфицион. Ему еще никогда не доводилось видеть ничего подобного. Потому зверь и застыл в изумлении – почти так же, как много миллионов лет спустя пожилой ученый, разглядывавший окаменевший скелет одного из собратьев древней амфибии и узревший в нем останки погибшего во время всемирного потопа ребенка, которые он и обозначил именем „*homo diluvii testis*“, то есть „человек – свидетель потопа“!

Но удивление амфициона не было долгим.

Он спрыгнул с берега на камень и по нему осторожно подполз к мертвой саламандре. А когда, наконец, добрался до нее, то еще раз тщательно оглядел, потом наклонил голову и осторожно схватил падаль.

Но едва хищник вонзил свои зубы, как тут же быстро выплюнул саламандру и несколько раз облизнулся. Тряхнув головой, он начал медленно ползти по камню обратно к берегу. Ледяное мясо огромной амфибии не пришлось зверю по вкусу и показалось отвратительным.

Очутившись на берегу, амфицион не знал, куда ему идти. Может, дальше, против течения потока, или же лучше вернуться назад и попытаться поймать добычу возле прудов и озер в котловине? Ему было все равно, главное лишь бы поймать хоть что-нибудь.

А ловить следовало как можно быстрее – и не только для себя, но и для четырех других голодных ртов, которые в нетерпении ждали его возвращения.

Это произошло несколько недель тому назад, когда самка однажды вечером не пустила самца в их логово, устроенное в маленькой скальной пещерке. В тот раз она лежала близко к входу и с мрачным предостерегающим рычанием скалила зубы

на своего друга. Тот ошарашено смотрел на самку, не в состоянии понять такое странное поведение, только осознал, что предупреждение это – ясное и настойчивое. Самец попятился и бесцельно бродил какое-то время вокруг берлоги. Потом его снова одолела тяга к теплоте и уютному логову. Амфицион осторожно приблизился к входу скальной расщелины, но, когда уже был совсем рядом, внезапная нерешительность придавила его будто тяжелый валун. Зверь сел на задние лапы, направив долгий пристальный взгляд на темное отверстие входа, из которого предостерегающе сверкали глаза наблюдавшей за ним самки. И долго еще так сидел.

Когда холод наступающей ночи начал все сильнее проникать под его кожу, самец предпринял еще одну попытку проникнуть в теплое логово. Но получилось только приподняться и сделать единственный шаг вперед. В тот же миг разъяренная самка оказалась у самого входа и, угрожающе разинув пасть, пресекла все дальнейшие попытки. Тогда амфицион осознал, что сегодня переночевать в берлоге не получится. Он понуро отошел к близлежащим кустам, свернулся там клубком и чуть погодя крепко заснул.

Разбуженный утренней зарей, самец напрасно звал самку на совместную охоту. На всего его призывы та отвечала тихим и неласковым ворчанием, означавшим, чтобы он оставил ее в покое и не пытался проникнуть внутрь. И вот долгое время самец опять охотился один. Когда ему посчастливилось поймать где-то на краю пруда небольшого кабанчика, он съел лишь часть

мяса, а остальное отнес самке. Но внутрь логова зайти так и не отважился – бросил добычу поближе к входу и отбежал. Вернувшись, самец увидел, что мясо бесследно исчезло. Примерно так же, с небольшими вариациями, прошли несколько дней.

А потом произошло неожиданное.

Однажды, принеся долю самки к логову, самец увидел, что та лежит снаружи перед входом. Он сперва остановился, а потом, когда самка не выказала неприязни, а лишь довольно заворчала, набрался храбрости. Постепенно приблизился к ней, в любой момент готовый отступить, если нужно.

Самка на сей раз была настроена миролюбиво и позволила подойти прямо к ней. Как только амфицион выпустил из пасти остаток пойманной добычи, она набросилась на мясо и жадно его проглотила. Самец лег рядом, не спуская глаз с подруги. Насытившись, самка поднялась и потрусил к логову. Перед входом она остановилась и повернула голову назад. Увидев, что самец не следует за ней, самка призывно взвизгнула. Он быстро вскочил и в несколько длинных прыжков оказался у ее бока. Амфицион недоверчиво глядел на подругу, но когда не смог прочесть в ее глазах ни неприязни, ни угрозы, то, не мешкая, проскользнул следом в логово. Сперва мрак ослепил его, но потом привычные к темноте глаза быстро приспособились и тогда в одном из углов скальной расселины самец разглядел три пушистых комочка, лежащих на куче сухой травы, пищащих и неуклюже ворочающихся. Несколько секунд он ошарашено смотрел на них, потом было опустил голову, чтобы обнюхать, но тут же отдернул ее, когда рядом раздалось предостерегающее рычание самки. Прежде чем самец успел что-то сделать, она отпихнула его и легла к детенышам, свернувшись клубком. Те прижались к ней и крохотными пастями ухватили ее млечные железы. Они с таким усердием сосали сладкий материнский нектар, что их маленькие животы спустя немного времени раздулись как шары.

И тогда самец стрелой выскочил из логова, а когда очутился в солнечном свете, то радостно залаял. Басовитый и резкий лай разнесся далеко по округе, затрепетал над цветущими лугами и

над широкими просторами топей и болот, пролетел над сияющей водной гладью, отразился от скальных стен и, в конце концов, смолк где-то в тихих уголках бескрайних чащоб.

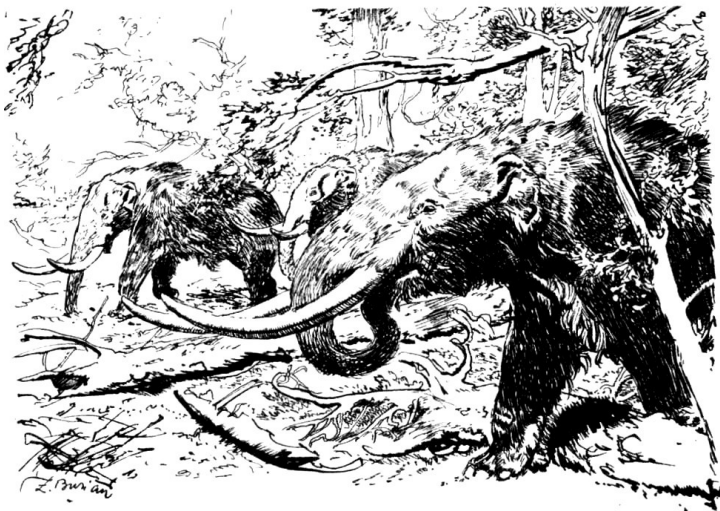
С тех пор амфицион с удвоенным рвением старался на благо своего семейства. Он охотился почти всегда один, потому что самка не хотела далеко уходить от своих маленьких и беспомощных детенышей. Потому-то самец и стремился сегодня побыстрее найти что-нибудь и отнести добычу своим отпрыскам, ведь те так радовались жизни и постоянно хотели есть.

Но охота теперь не ладилась. Когда амфицион замечал цель, то должен был осторожно подползти к ней, то есть, используя все возможные уловки, приблизиться настолько, чтобы после одного или нескольких небольших прыжков повергнуть жертву наземь. Сейчас же у него не имелось возможности караулить в засаде и ждать, пока самка выгонит на него добычу, он также не мог догнать вспугнутое ей животное. До того, как самцу удавалось отыскать и поймать что-то годное, способное насытить его и самку с детенышами, ему приходилось чем дальше, тем больше расширять границы своих охотничьих угодий, продираться сквозь непролазные заросли, густую траву и буреломы. И хоть с каждым разом становилось все тяжелее добыть что-нибудь, он должен был сделать это — хоть здесь, хоть в каком-то другом месте.

Поэтому, стоя над изувеченным трупом гигантской саламандры, амфицион не ведал, куда направиться — то ли вдоль потока в горы, то ли в зеленую низину с ее озерами и болотами. И когда заметил, что стены ущелья впереди сужаются и становятся обрывистыми, то развернулся и направился к долине.

Зверь осторожно шел по берегу потока. Обходил попадавшиеся по пути валуны или неуклюже перелезал через них, когда не мог этого сделать. Спустившись по склону, он через ивовые заросли добрался до сердца зеленой низины. И вдруг остановился, наострив уши и настороженно вслушиваясь. Откуда-то доносились треск веток и хруст ломаемого кустарника.

Амфицион спрятался за густой куст и замер там. Когда же он определил, откуда слышался шум, то медленно и осторожно пополз в этом направлении. И вскоре увидел, как через заросли продирается небольшое стадо огромных мастодонтов, направлявшихся к бывшему неподалеку месту своего водопоя и купания.

Перед голодным амфиционом маршировали целые горы мяса. Взгляд на них будоражил, побуждал в нем желание вырвать хотя бы один кусок, но опыт предостерегал от атаки и победил слепую алчность. Амфицион дождался ухода мастодонтов и лишь тогда продолжил путь.

Миновав заросли, он перешел цветущие луга, старательно обходя подальше парочку гигантов-дейнотериев, прошел по тенистым чащам и остановился, прячась за стволом векового дуба, на краю огромной топи, окаймленной широкой линией поросли хвощей и ситника, аира и тростника. И тут увидел, что в буйном переплетении болотных растений пасется древний тапир палеотапирус. Это была молодая, еще не достигшая зрелости особь, подходящая добыча для охотящегося хищника.

Но напасть на юное животное амфициону не удалось. Он долго глядел на него, ожидая, не покинет ли прототапир болото и не пойдет ли в лес. А тот все мирно пасся, удаляясь от берега.

Амфицион возбужденно дернул хвостом, когда увидел, что добыча уходит от него. Зверь не мог следовать за ней, ведь при своих неуклюжести и весе даже попытка броситься на прототапира с небезопасного и зыбкого берега болота выглядела ненадежной. И тогда из-за осознания невозможности нападения из горла амфициона исторгся тихий вой. Этого вполне хватило, чтобы предупредить прототапира о чьем-то присутствии. Он поднял голову, посмотрел в направлении раздавшегося звука, а когда разглядел затаившегося хищника, бросился вперед и скрылся в зеленых болотных джунглях.

Едва прототапир сорвался с места, в неуклюжий бег пустился и разочарованный амфицион. Он упрямо бежал краем болота, не оглядываясь, все вперед и вперед.

Когда хищник, в конце концов, остановился, бока его ритмично вздымались и опадали, а из разинутой пасти вниз свисал длинный алый язык.

Но долго отдыхать ему не пришлось.

Испуганный, полный боли визг, раздавшийся вдруг из ближних зарослей, разом прогнал усталость и амфицион мгновенно кинулся туда. Продравшись через переплетение побегов и веток и очутившись на маленькой поляне, он резко остановился.

Хищник увидел, что над пойманным поросенком гиотерия стоит с разинутой пастью симоцион – подобный шакалу зверь, но гораздо больший по размеру. Хруст, с которым амфицион продирался сквозь заросли, предупредил другого хищника о возможных неприятностях. Потому тот приготовился к сопротивлению и беспощадному бою за добычу, если это потребуется, и встретил амфициона раскрытой пастью и бешеным рычанием.

Но у того не возникло ни малейшего желания драться. Амфицион знал, что против симоциона ему вряд ли выстоять, ведь тот был намного сильнее и к тому же вертким, как любой ловкий хищник. И хотя он вздыбил шерсть, оскалил зубы и угрожающе рычал, но понемногу отступал назад в заросли и, наконец, скрылся там.

А пока симоцион наполнял свое голодное брюхо, амфицион

пытал счастье в другой охоте. Он тихо полз по окраине луга, окаймлявшего буковый лес, в тени которого старался укрыться. Хищник внимательно озирался, но не обнаружил ничего, кроме старого безрогого носорога ацератерия. Его он обошел издали, потому что это травоядное было весьма небезопасным.

Между тем солнце нещадно палило, воздух над целым краем пылал как в раскаленном горне и амфицион внезапно ощутил мучительную жажду.

По этой причине он свернул к протекавшей по краю маленькой речке и тут же оказался возле нее. Остановившись на берегу, зверь начал жадно лакать воду. Он не заметил, как своим резким появлением всполошил большую стаю мелких рыбок пролебиас, которые быстро метнулись на глубину из взбаламученного прибрежного мелководья.

А утоливший жажду амфицион двинулся вдоль берега речки. И когда он бежал, следовавшая за ним по пятам тень скользила по глади воды и перепугала тауматуров, лососевых рыб размером с форель, всполошила караулящего добычу древнего хариуса прототималлуса, загнала на глубину линей, плотву и укеек. Даже большущая щука в страхе спустилась поближе ко дну.

Внезапно хищник остановился, пристально глядя на противоположный берег речки. Там, между лесными деревьями, неспешным шагом шел удивительный зверь макротерий.

Животное это и в самом деле было очень необычным представителем копытных. Крестец и задние конечности макротерия выглядели недоразвитыми. Ноги не имели копыт, как у всех его родичей, вместо них там торчали странные, толстые и глубоко раздвоенные когти, которые были ничем иным, как видоизмененной последней фалангой пальцев.

Макротерий степенно шагал между деревьями и с завидным аппетитом срывал с них сочную листву. Иногда зверь упорно рыл когтистой ногой землю, пока не доставал оттуда клубни или сладкие корни, которые с удовольствием поедал.

Амфицион жадно рассматривал хоть и крупное, но беззащитное создание. Лишь изредка сталкивался он с ему подобными в своих скитаниях, ведь макротерии были весьма немногочисленны. Но при каждой встрече хищник легко с ними справлялся и на какое-то время забывал про нужду и голод.

Однако с охотой сегодня ему явно не везло.

Казалось бы, вот большая добыча, которой ничего не стоило завладеть, а на пути амфициона вновь возникла преграда; в случае с прототапиром ей оказалась опасно-мягкая почва бездонного болота, а здесь – водный поток. И хотя речка была неширокой, неуклюжий хищник все равно не осмеливался ее перескочить. Он растерянно бегал с места на место, много раз готовился к прыжку, пока, наконец, не отступил, побоявшись упасть в бурно текущую воду.

Амфицион бешено рывкнул в бессильной злобе.

Свирепый вопль хищника привлек внимание макротерия. Он с ужасом несколько мгновений глядел на истекавшего слюной амфициона. И как только опомнился от первого испуга, сразу же смешным галопом ринулся в лесную чащу, где вскоре исчез без следа.

Пока амфицион на берегу со злобным лаем сетовал по поводу улизнувшей добычи, на самом дне рак из рода палемон, чьи сегодняшние потомки сменили пресную воду ручьев, рек и

озер на соленую морскую, пожирал останки лягушки. Он был так увлечен своим пиром, что не заметил приближавшуюся хищную костноганоидную рыбу амию. Ее темно-зеленое тело вдруг мелькнуло в воде и не успел бедный рак опомниться, как уже исчез в зубастой пасти. А амия снова метнулась и скрылась в глубине, когда смолк жалобный амфиционов лай и на речной поверхности после ухода зверя промелькнула его тень.

Еще какое-то время амфицион рысил вдоль речки. Потом резко развернулся и через цветущий луг направился к недалекому озеру. Его гладь в ослепительном свете солнца блестела словно поверхность расплавленного серебра. Берега озера украшала пышная болотная растительность и обширные кустарники, а за ними уже высился большой лес. По стволам столетних деревьев карабкались бесчисленные лианы, они свисали с каждого сука и с каждой ветви в надежде поскорее добраться до крон, до неоглядного моря света и до дождя из солнечных лучей. В местах, где древние чащи подступали почти к самому берегу озера, в кристально-чистой воде, блестя и сияя, отражалось все их сказочное великолепие, пока солнце не садилось на западе.

Жужжание и стрекот бесчисленных насекомых сопровождали каждый шаг амфициона по лугу. Мелкие и пестро окрашенные ящерицы, гревшиеся в лучах солнца, прыскали перед ним в стороны и укрывались под камнями. Кузнечики убегали с пути хищника длинными скачками, разлетались бессчетные кобылки, треща крыльями. Там, где протопали тяжелые лапы зверя, лежали примятые травы и стебли растений, с чьих цветов падали на землю бурые и зеленые клопы, взлетали жужжащие шмели, стройные осы, обсыпанные пылью пчелы и пестрые мухи, а порой и большие бабочки чудесной окраски.

Амфицион добрался до озера.

Он шагал по берегу, пока не очутился у песчаной отмели в устье одного из многочисленных стекавших с гор потоков.

На берегу грелось несколько протокрокодилов диплоцинодонтов. Они лежали, прижавшись к теплему песку и нежили на солнцепеке свои длинные тела. Их зелено-коричневая кожа с грубыми пластинами отражала дневной свет, словно

ствол старого дерева с морщинистой, покрытой мхом и лишайниками корой. В то время как вокруг кипела жизнь, они впали в дремоту.

Неожиданно один из протокрокодилов открыл глаза и взглянул на воду. Пару мгновений он внимательно рассматривал некий темный предмет, принесенный течением потока и теперь свободно качавшийся на поверхности озера. А был это все тот же труп гигантской саламандры андриас, теперь очутившийся уже здесь, где мог впоследствии оказаться погребенным в илистых донных отложениях. Когда диплоцинодонт распознал мертвечину, то шустро кинулся в воду, чтобы попить.

Столь лакомый кусок привлек и остальных протокрокодилов. Все они мигом нырнули в воду и устремились к падали. Завязалась драка, из-за чего гладкая поверхность озера дико забурилась. Вода всколыхнулась брызгами и пенилась, как кипяток. Стая уток вымершего рода взмыла в воздух и быстро улетела в более спокойную часть озера. Несколько красивых лебедей из также давно исчезнувшего рода обеспокоила шумная битва протокрокодилов. Они вытянули шеи и зашипели, но затем мирно поплыли дальше. Птицы направились было к берегу, но сменили направление, увидев пришедшего туда на водопой двурогого носорога дицератерия, а чуть поодаль — таящегося в зарослях хищного амфициона. Теперь лебеди поплыли на середину озера, все дальше и дальше, понемногу исчезая из вида, пока стало невозможно отличить их от белых цветов кувшинок.

Амфицион же все еще пробирался через заросли. Он по-прежнему был голоден и по-прежнему не имел возможности вернуться в логово — сытый и с куском мяса для своих детенышей.

Выбравшись из зарослей, хищник очутился на какой-то тропинке.

Амфицион остановился и, опустив голову, внимательно обнюхал следы, отпечатавшиеся в мягкой почве. Потом, задрав нос, он чутко изучил запахи в воздухе.

Зверь постоял неподвижно и потом начал осторожно красться по тропке в направлении озера. Постепенно он достиг

прибрежных зарослей.

Там амфицион и остановился, прижавшись к земле и с плотоядным блеском в глазах глядя на близкий берег озера.

На берегу озера утоляли жажду два маленьких стада древних мунтжаков – нежных животных, одних из первых оленевых, появившихся на нашей Земле. С одной стороны пили воду несколько палеомериксов размером с современную лань, с другой – дикроцерусы размером с серну. Палеомериксы были безрогими, а вот самцы-дикроцерусы уже имели примитивные рога, которые не сбрасывались и украшали голову животного всю его жизнь. Из нежных ртов выглядывали длинные саблевидные клыки наподобие тех, какими хвалится современная кабарга.

Амфицион прервал свое созерцание пьющих воду маленьких оленей. Его опыт был всяко сильнее сиюминутно пробудившейся страсти к немедленной атаке.

Чутье подсказывало хищнику, что напасть врасплох не получится, потому что по сравнению с быстрыми животными он слишком тяжелый и неуклюжий. Опять же благодаря опыту он понимал: надо уйти с тропинки и укрыться в зарослях до того, как утолившие жажду и ни о чем не подозревающие мунтжаки пойдут по ней назад до самого леса. Лишь в этом случае охота

могла быть успешной.

Поэтому амфицион вернулся назад по тропинке и, как только приметил подходящий густой куст, спрятался за ним и терпеливо ждал.

Когда мунтжаки напились, то все еще оставались на берегу. Некоторые из них легли в тень первых кустов леса и отдыхали. Другие с любопытством разглядывали пышные пучки трав, а когда обнаружили растения, выглядящие особенно соблазнительными, то не удержались от того, чтобы не попробовать их.

Озерная гладь была тиха и недвижна, как и весь край вокруг. Казалось, что здесь властвуют лишь покой и красота. Но реальность была иной. Здесь процветали коварство и гибель, но исподволь, не выставляя себя напоказ, таясь в тенях и темноте и избегая яркого света.

Так происходило и в озере, и на суше.

Тихая поверхность внезапно взвихрилась и из воды высоко выпрыгнул жирный голавль, спасающийся от хищного панцирника – костноганоидной рыбы с вытянутой и полной острых зубов пастью. Пролетев по длинной дуге, он вновь со слабым плеском нырнул куда-то в глубину. Вода успокоилась, ее неподвижная поверхность опять светло и благостно улыбалась в лучах солнца, а между тем где-то в серой глубине панцирник продолжал преследовать голавля.

Плеснувшая на озере рыба нарушила мирный отдых маленьких оленей.

Боязливые дикроцерусы сбились в кучу и один за другим устремились к кустам. За ними потянулись и палеомериксы.

Достигнув края зарослей, самец-вожак ступил на тропинку и быстро скрылся внутри. За ним последовали и все остальные. Они спокойно шли по тропинке, вытоптанной ими и другими животными, по которой ежедневно ходили утолять жажду к любимому водопою. Олени не подозревали, что путь этот сегодня не безопасен, что его случайно обнаружил хищный амфицион, подстерегающий в засаде где-то здесь.

Амфицион был начеку. Он видел приближающихся дикроцерусов, напряжено и неустанно наблюдая за ними. Зверь

еще сильнее прижался брюхом к земле и тем самым еще лучше укрылся под густыми ветками кустарника. Но не двинулся с места, хотя его наполняли азарт и нетерпение.

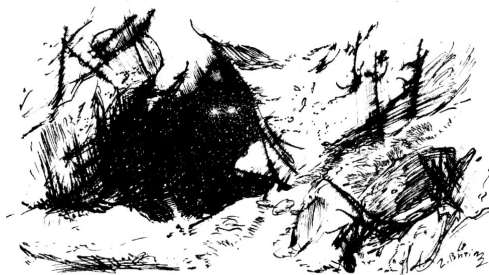
Вот самец-вожак и несколько его собратьев миновали караулящего хищника. А когда рядом проходила самка, ветки кустарника внезапно раздвинулись и появившийся оттуда амфицион ударом лапы свалил ее на землю. И прежде чем маленькая олениха опомнилась, мощные зубы уже вонзились в ее мягкое горло.

Предсмертный хрип атакованной самки и внезапное появление амфициона привели в ужас остальных мунтжаков. Те, что шли впереди, с диким страхом в глазах помчались дальше по тропке. Те, что оказались сзади, без размышления прыгнули в заросли, которые милосердно приняли и укрыли их. На тропинке остался лишь хищник со своей жертвой.

Амфицион стоял с вздыбленной шерстью над пойманной добычей до тех пор, пока в глубине зарослей не стихли треск и шум, вызванные убегающими мунтжаками. Его горло издавало тихое низкое рычание.

Когда вновь воцарилась тишина, хищник затащил добычу в заросли и долго пожирал мясо. Наевшись, амфицион раздвинул кустарник и вышел на тропинку. В его окровавленной пасти болтались остатки тела оленихи, которые он собирался отнести самке с детенышами.

Зверь тяжело побежал по тропинке к лесу. Добравшись до него, он растворился в тенях деревьев и без остановки помчался рысью вперед, к подножиям гор – туда, где в скальном логове нетерпеливо ждала его возвращения самка вместе с их голодным потомством.

КАМЕННАЯ МОГИЛА

Где-то далеко на горизонте родился новый день.

Море облаков озарилось розоватым цветом и это сияние все больше и больше разливалось над глубокими восточными пропастями. Казалось, что будто бы здесь распускается огромный алый бутон.

В стене цветных облаков понемногу образовался узкий просвет, тянущийся низко над горизонтом, его целостность нарушали лишь далекие скалистые пики. Из этого чистого пространства разлетелись подобно стрелам во все стороны солнечные лучи, они коснулись вершин гор, промчались сквозь древесные кроны и добрались до кустов и высоких трав. Все затрепетало от прикосновений солнца. Капли утренней росы заиграли радужными красками, а сумрачные места потихоньку

освободились от объятий тени. Гладь широких рек сверкала алыми и золотыми отблесками, а волны живо подхватывали их и несли с собой куда-то в неведомые дали или к стоявшим неподвижно словно забор тростникам, в чьем хаотичном лабиринте они навеки исчезали.

У реки, на травянистой равнине, которая по мере приближения к горам превращалась в покрытую холмами местность, глаз радовали белые, желтые и красные цветы различных амарантовых, мальв и бесчисленных астровых с крестоцветными. Осыпанные солнечной пылью, они наполняли своим нежным запахом чистый утренний воздух, в котором разносились радостный стрекот и скрипучее пение проснувшихся насекомых.

В этот момент восток озарился светом и солнечный диск взошел над горизонтом, постепенно поднимаясь в серо-голубую высь небесного свода. Весь край уже пробудился от ночного сна и радовался жизни.

Где-то далеко от этого места, между холмами у подножия гор, под высоким зеленым кустом лежал удивительный огромный зверь. Он еще находился в глубоком сне, голова и лапы были спрятаны под телом, потому животное напоминало большой волосатый шар.

Пока куст отбрасывал на него свою тень, все шло хорошо. Крепко спящий зверь так и лежал, тихо и неподвижно, а единственным признаком его жизни было лишь размеренное дыхание.

Но вот поднявшееся выше солнце прогнало тень и направило свои лучи прямо на мохнатого соню. Острыми шипами они прошли сквозь грубую шерсть, раскаленные наконечники вонзились в кожу и начали вворачиваться в нее, проникая все глубже и глубже.

Прошло немного времени и любитель поспать шевельнулся. Но дрема все еще смыкала его веки, не позволяя открыть глаза. Зверь снова заснул, хотя и не так крепко, как до этого.

Однако новый натиск солнечных лучей, на сей раз более многочисленных и более жарких, обрушился на неподвижное тело. Снова они терялись в грубой, желтоватой шерсти, снова

жгли и жалили. Сонный мохнач начал вертеться, досадливо встряхиваясь, и вдруг из волосатого шара показались низколобая узкая голова и четыре сильных лапы. Зверь несколько раз лениво потянулся, а потом с неохотой встал на ноги.

Это был нотротерий, гигантский ленивец из отряда неполнозубых млекопитающих, живший и вымерший в раннем четвертичном периоде. Длинное мощное тело, покрытое грубой и длинной шерстью желтоватого цвета, заканчивалось необычайно толстым хвостом. Задние лапы выглядели весьма сильными, передние – лишь чуть-чуть послабее. Голова была узкой, с покатым лбом, а глаза смотрели тоскливо и невыразительно.

Разбуженный нотротерий стоял на месте, тупо глядя вокруг, а потом медленно и тяжело затопал куда-то. При каждом шаге лапы на землю опускалась не вся ступня, а только лишь ее края, так что следы, которые оставлял зверь, напоминали большие выпуклые миски, на которых не было ни малейшего признака больших, загнутых когтей, вооружавших некоторые пальцы.

Могучий неполнозубый направлялся к низкому кустарнику.

Достигнув цели, он с усилием встал на задние лапы, а передними оперся о ствол. Затем огромный ленивец выгнулся и принялся срывать пастью листья с ближайших веток. Вместе с ними попадались и тонкие веточки, которые зверь пережевывал крупными, четырехгранными коренными зубами – единственными в его рту.

Но огромный ленивец быстро прекратил уничтожение бедного куста – то ли листья пришлись не по вкусу, то ли ветки показались горькими.

Нотротерий тяжело опустил выпрямленную часть тела к земле. Почва содрогнулась от резкого удара, а там, где стукнулись когтистые лапы, взвихрилась пыль.

Потом зверь снова отправился в путь.

Он медленно зашагал к низким холмам, каменным памятникам прежней вулканической активности. Здесь когда-то давно открывались жерла, извергавшие потоки лавы, те громоздились друг на друга, а позже остыли, став кучами и

широкими конусами из серого базальта, резко поднимавшихся над плоской равниной и сливавшихся с отрогами синеватых горных хребтов.

Прежде чем нотротерий добрался до ближайшего холма, он остановился возле буйно разросшихся лебеды и астровых гутиеррезий. Зверь накинулся на них с голодной алчностью, рвал и пожирал растения прямо с корнями, не обращая внимания на то, что оставшиеся на них песчинки скрипят между его зубами.

Уничтожив поросль, ленивец утолил свой самый сильный голод. Но, даже шествуя дальше с полным брюхом, он нет-нет да и срывал чудовищной пастью мальву или еще какое-то растение, казавшееся слишком аппетитным, чтобы просто так пройти мимо него.

Не успел неполнозубый зверь и глазом моргнуть, как уже стоял у подножия одного из базальтовых холмов. Он тупо поглядел на него, но потом все же наклонил голову, высматривая те растения, чьи клубни или же толстые корневища были настолько вкусными, что труд по выкапыванию их из каменистой почвы окупится с лихвой. А когда и впрямь нашел такие, то столь усердно занялся их поеданием, что забыл обо всем на свете.

Внезапно из-за куста неподалеку раздался ужасный рев.

Он разнесся над краем как раскаты грома, как грохот бури. Нотротерий мгновенно поднял голову и долгий взгляд его глупых, перепуганных глаз уперся в кровожадного хищника – смилодона.

Большая кошка замерла, точно окаменев, лишь ее короткий хвост резко метался из стороны в сторону. В широко разинутой, оскаленной пасти белели зубы, из которых самыми устрашающими были длинные, саблевидно загнутые клыки. Зловещее пламя в желтоватых глазах хищника не сулило ничего доброго.

**Страшное и внезапное рычание смилодона раздалось над пасущимся нотротерием подобно раскату грома.
(к повести „Каменная могила“)**

В примитивном мозгу нотротерия внезапно промелькнуло осознание того, что это конец всему. Он все время без движения

беспомощно глядел на угрожающе скалившегося смилодона, словно хотел получше рассмотреть стоявшее перед ним воплощение смерти.

Но потом, будто бы желая продлить свое существование хотя бы на несколько мгновений, нотротерий начал пятиться, не сводя глаз с хищника. Медленное отступление ленивца побудило смилодона к атаке. Он коротко рыкнул и, присев, изготовился к прыжку. Но прежде чем саблезуб смог в огромном скачке напасть на беззащитного нотротерия и вонзить ему в затылок свои страшные клыки, тот вдруг исчез, как сквозь землю провалился. И ведь на самом деле так и случилось!

Испуганный новым ревом хищника, ленивец сделал еще один маленький шаг назад и очутился прямо на краю расселины, отвесно уходящей в серый базальт куда-то глубоко под землю.

Камни не выдержали веса огромного неполнозубого, обрушились и нотротерий свалился вниз.

Озадаченный смилодон приблизился короткими скачками к месту, где так внезапно исчезла его добыча. Как только он осторожно встал у края трещины, тут же услышал какой-то раскатистый грохот, донесшийся из темной глубины. Хищник еще немного постоял там, внимательно прислушиваясь. Когда больше ничто не нарушило вечерней тишины и нигде ничего не шелохнулось, смилодон огромным прыжком перескочил расселину и скрылся где-то вдалеке, разочарованный неудачной охотой.

А между тем внизу, глубоко под землей умирал несчастный нотротерий; гибель настигла его, однако она не была столь страшна как та, которой он сумел избежать. Мутный печальный взгляд зверя устремился вверх, чтобы напоследок полюбоваться узкой полоской голубого неба и сияющим над трещиной солнцем.

Минута сменяла другую и тоскливые глаза нотротерия все больше тускнели, в них медленно угасал огонек жизни. Синевя неба и золото солнца превратились в серую муть, которая все темнела и темнела и с последним вздохом зверя слилась с черной тьмой подземных глубин.

А наверху продолжалась жизнь, словно бы ничего и не случилось!

СМЕРТЬ ОМА

Синеватые известняковые скалы, тянувшиеся вдоль бегущего потока и обрывисто высившиеся у пологих склонов долины, недавно стали домом племени ориньякских охотников на мамонтов, живших в эпоху верхнего палеолита.

Они устроили стойбище под большим нависающим скальным утесом, разместив там свои примитивные жилища. В них древние люди ночевали, там же укрывались от ливней и ледяных вьюг.

Раньше кроманьонцы приходили сюда только летом, теперь же решили и перезимовать, а если зима не покажется суровой, то и вообще остаться в этом месте. Шкур, чтобы покрыть хижины и укутаться при необходимости в них самим, у племени имелось в достатке. Зимы уже не были такими лютыми, когда от мороза трескались стволы деревьев, а водоемы промерзали до самого дна; о той поре помнили лишь одни старики да и то по рассказам их дедов. Древняя тундра ледниковых времен давно исчезла под победоносным натиском степей и лесов. Широко раскинувшаяся над скальными склонами долины равнина была богатыми охотничьими угодьями с непуганым зверьем.

В стойбище царило оживление.

Солнце уже стояло высоко над горизонтом и его теплые лучи манили бурно радующихся жизни ребяташек к близкому потоку. Там они устраивали запруды, в которые заплывали мелкие рыбки и тогда ловкие ручонки хватали их под камнями и в береговых ямках. Дети брызгали водой друг на друга, а если кто-нибудь из них подскальзывался на гладких камнях и плюхался в речку, то в долине раздавался звонкий и беззаботный смех.

Ребята постарше уже не участвовали в этих забавах. Они с жадным любопытством смотрели, как сидевшие у кострища охотники чинят или мастерят новое оружие и инструменты из кремня и кости. Мальчишки, затаив дыхание, слушали охотничьи истории взрослых мужчин – о приключениях, полных опасности, доблестной отваги и хитрой смекалки. Порой это было лишь пустое хвастовство – неприглядная черта характера человека, сопровождавшая его еще со стародавних времен.

С другой стороны кострища женщины занимались обработкой шкур недавно добытых диких лошадей и северных оленей, а девочки помогали им.

Так и пролетел день – в детских играх, в работе мужчин.

Когда долина начала понемногу погружаться в вечерние сумерки, охотники развели огонь, разделали последнего добытого оленя и начали поджаривать куски дичи на раскаленных камнях. Аромат печеного мяса разнесся по стойбищу, приятно дразня обоняние мужчин, женщин и детей.

После окончания общей трапезы добытки принялись обсуждать планы новой охоты, на которую собирались сразу же отправиться ранним утром. Откладывать дальше было уже нельзя, племя только что доело остатки последнего оленя. Несколько охотников принесли весть о том, что неподалеку от стойбища появился табун диких лошадей, чье мясо всем так нравилось.

Мужчины усердно обсуждали способы заполучения этой добычи. Наконец решили, что лучше всего гнать лошадей по степи прямо к скалам, чтобы какое-нибудь из сильно перепуганных животных сорвалось оттуда и осталось лежать в

долине с переломанными костями, где его легко можно добить.

Договорившись обо всех подробностях завтрашней охоты, мужчины легли спать. Только один из охотников, старый и беззубый Ванг остался возле огня на страже, а другой, молодой и статный Ом, взобрался на скалу.

Стойбище затихло.

Старый Ванг спокойно подремывал у костра. Молодой Ом тихо стоял на верхушке скалы, оглядывая весь широкий край. Над его головой светились тысячи звезд, а перед глазами расстилалась огромная травянистая равнина с частым кустарником. Там и сям виднелись и деревья.

Вдали чернел лес.

Чуть спустя над горизонтом словно бы из черной вселенской пропасти выплыла луна, бледным светом озарив все вокруг.

В серебристой полутьме ночи на верхушке скалы вырисовывался высокий силуэт юного Ома, ловкого охотника, загорелого и прекрасно сложенного, пышущего здоровьем и силой.

Немного погодя он сел, но не спускал глаз ни со стойбища, ни с равнины.

Неожиданно в тишине наступающей ночи раздался дикий рев.

Так пещерный лев ознаменовал свой выход на охоту.

Сердце юноши боязливо екнуло, ведь если этот зверь решит напасть, то спасения не было. Никто из мужчин не мог биться с пещерным львом один на один. Это был хищник, которого лучше всегда обходить стороной.

Ом быстро огляделся. Он был спокоен – совсем рядом рос могучий бук, чьи ветви почти доставали до земли. Он уже собрался схватиться за самую нижнюю, как вдруг вспомнил про спящее стойбище. Парень быстро нагнулся, поднял с земли большой камень и мощным броском швырнул его к кострищу, где дремал старый Ванг.

А дальше уже не мешкал, поскорее забравшись по ветвям на верхушку дерева, где напряженно ждал то, что произойдет.

Нападет ли пещерный лев на стойбище или обогнет его? Это будет зависеть от того, услышал ли старый заспанный Ванг рев зверя и подбросил ли как можно скорее в угасающий костер сухих веток, чтобы разжечь новое, высоко вздымающееся пламя. Вполне возможно, что лев пройдет стороной и начнет охоту где-нибудь в степи. Кому известны помыслы старого хищника, обитавшего в какой-то низкой и темной пещере далеко от стойбища и в своих скитаниях лишь изредка забредавшего в эти места?

И Ом в неведении ждал дальнейшего развития событий.

Неожиданно послышался топот. По равнине промчались несколько диких лошадей, скрывшись в редких зарослях кустарника, по которым они через долину поскакали в широкую степь.

И мамонты, небольшим стадом идущие вниз к реке, тоже обеспокоились. Старый самец-вожак поднял хобот и предостерегающе затрубил. Хотя он хорошо знал, что хищник не отважится напасть на них, все равно требовалось соблюдать осторожность, ведь в стаде было двое детенышей, а для них лев представлял угрозу, если бы им невзначай вздумалось отбежать куда-нибудь в сторону.

Но вот и мамонты скрылись с глаз Ома.

Некоторое время все было тихо. А потом в низких кустах неподалеку раздался треск и на равнину выскочил огромный олень с прекрасными рогами.

За ним по пятам неся пещерный лев.

Сделав несколько огромных прыжков, хищник догнал оленя. Бросившись на него, лев повалил жертву на землю и разорвал ей горло, из которого ударила струя горячей крови. И пока тело пойманного оленя содрогалось в последних предсмертных конвульсиях, зверь отрывал от него куски мяса и жадно их проглатывал.

Он подождал еще немного. Потом тихо слез с дерева и поспешил к стойбищу. Но когда он спускался по крутому скальному склону, то увидел, что пламя уже пылает ярко, охотники не спят и разводят новые костры, чтобы организовать наилучшую защиту против возможного нападения пещерного льва. Старый Ванг услышал его рев, подбросил веток в огонь и разбудил остальных мужчин.

**Пещерный лев наблюдал с края скалы за лагерем охотников на мамонтов.
(к повести „Смерть Ома“)**

Между тем лев угощался мясом пойманного оленя. Наевшись, он заинтересованно уставился на багровое зарево, разгоравшееся где-то в долине, из-за чего скала неподалеку приобрела красный оттенок. Лев направился туда и, не обнаружив источника света, спустился еще ниже.

Когда же он встал на маленьком скальном выступе, то увидел, что в стороне, глубоко внизу, горят огни, а возле них суетятся охотники, растрепанные женщины и заспанные дети. Он был первым, кто заметил любопытствующего льва.

– Глядите, глядите! – взволнованно крикнул он. – Там со скалы на нас смотрит Великий Пожиратель!

Женщины с детьми торопливо попрятались в хижинах. А мужчины, столпившись в кучу, без боязни глядели на матерого хищника. Они возбужденно разговаривали, а некоторые сильнее стискивали в руке приготовленное оружие.

Лишь один из мужчин забежал в небольшую хижину, стоявшую в стороне от остальных. Это был шаман, колдун и духовидец племени.

Пробыв там недолго, он вышел наружу неузнаваемым.

Шаман набросил на себя оленью шкуру – с черепом и рогами. Лицо он дико размалевал красной охрой под цвет огня и крови, а к лодыжкам прикрепил куски рысей шкуры.

Колдун поспешил к самому большому кострищу, выхватив по пути из кучи сушняка две толстые ветки. Присев к огню, он сунул их туда и ждал, пока пламя разгорится. А после поднял пылающие ветви высоко над головой и, к удивлению расступившихся охотников, зашагал к цепочке защитных огней. Встав там, шаман вперил взгляд в пещерного льва и начал свою волшбу, которой надеялся отогнать хищника прочь от стойбища.

– Отойди, Великий Пожиратель, скройся в ночной тьме или умрешь! Я – Смерть, Смерть, Смерть!

Едва только этот каркающий вопль стих, как шаман принялся неистово скакать, размахивая при этом горящими факелами. Безумный танец порой сопровождался его выкриками: „Я – Смерть, я – Смерть, я – Смерть!“

Охотники с расширенными от удивления и страха глазами таращились на беснующегося колдуна. Даже лев был словно

зачарован этими танцами и криками. С любопытством он шагнул на самый край скалы, в упор глядя на странного человека.

Когда шаман увидел, что его колдовство не подействовало, то отбросил ветки и снова бросился в свою хижину, исчезнув в ней.

Он вскоре появился и помчался к месту, где бросил горящие ветки. Когда пробежал мимо стоявших кучей охотников, те обратили внимание, что теперь руки и ноги шамана полностью покрыты красной охрой, а высоко над головой он держит талисман-погремушку.

Ом, рядом с которым пронесся шаман, хорошо рассмотрел, что на сделанном из кишки шнуре нанизаны зубы и когти пещерного медведя, окруженные по сторонам зубами лис и волков.

Добежав до горящих веток, колдун тут же остановился.

Приподняв оленью шкуру, он надел талисман себе на шею. А потом, поправив свое одеяние, схватил обеими руками брошенные ветви и круговыми взмахами вновь пробудил в них пламя.

Когда концы этих факелов ярко запылали, шаман сделал несколько шагов вперед и замер, словно оцепенев. Он долго разглядывал неясный силуэт льва, стоявшего далеко на скальном выступе.

Охотники напряженно ждали, что же будет дальше.

Шаман вдруг воздел выкрашенные охрой руки высоко в воздух. Оленья шкура соскользнула и красноватые отблески горящих веток осветили их. И в этот миг ночную тишь нарушил его заунывный вопль:

– Беги, Великий Пожиратель, или погибнешь! Я – Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь! Ничто не сможет уберечь тебя от меня, лишь бегство в черную тьму ночи! Я – Смерть и Огонь!

Выкрикнув эту угрозу, колдун скривил в ужасной гримасе морщинистое лицо и пустился в дикий танец, высоко взмахивая горящими ветками. После двинулся по направлению ко льву и, упав, валялся и перекатывался по земле будто бы в болезненных

корчах. Из рта с выступившей на нем пеной доносились порой угрожающие выкрики:

– Я – Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь!

Пещерного льва перестала забавлять шаманова волшба. Медленно повернувшись, он несколькими легкими прыжками растворился в темноте ночи.

Охотники радостно закричали. Он поспешили к колдуну, который все еще метался на земле, стеная и вскрикивая, словно бы испытывая невыразимые мучения. Глаза его остекленели, а руки были сильно напряжены.

Несколько охотников подняли безвольное тело колдуна и отнесли его в хижину. Среди них был и Ом. Но все то время, пока юноша помогал нести, он не спускал глаз с надетого на шею шамана талисмана, отогнавшего хищника от стойбища. Ом не обмолвился ни словом об этом, потому что не хотел противопоставить себя мнению остальных, считавших причиной всему шаманово искусство.

Пребывающего в трансе колдуна охотники положили в его хижине и торопливо вышли оттуда. Но недостаточно быстро, чтобы не услышать раздавшееся за спиной: „Я – Смерть и Огонь, Смерть и Огонь, Смерть и Огонь!“

Мужчины застыли на месте, а потом ускорили шаг, чтобы быстрее оказаться подальше от шамана с его колдовством.

Они направились к самому большому костру, возле которого сгрудились остальные охотники, восхвалявшие шамана и его чародейство. Звучали песни о том, какая же удача иметь в племени столь могучего колдуна, перед которым бежал сам Великий Пожиратель, так они называли пещерного льва.

Но до рассвета было еще далеко. Потому некоторые из мужчин предлагали отправиться спать, чтобы набраться сил для завтрашней утренней охоты. Другие были против этого и твердили, что Великий Пожиратель может еще вернуться, когда колдовство шамана иссякнет, они предлагали постоянно поддерживать огонь и всем стоять на страже.

Прежде чем разгорелся спор, тишину ночи прорезал ужасный вой-хохот. Жуткий звук разнесся над краем и разом уравнивал мнения охотников, ведь они хорошо знали, что это отвратительные пещерные гиены собрались на пир возле остатков туши оленя, брошенной поймавшим его пещерным львом. Этот вой был ясным знаком того, что Великий Пожиратель в самом деле убрался из этих мест и отправился в свое далекое логово.

Потому мужчины решили, что спящее стойбище вновь будут охранять только старый Ванг и молодой Ом.

Когда охотники разошлись по своим хижинам и легли спать, Ванг и Ом сели у огня и смотрели в яркое пламя.

Оба молчали, ведь у каждого в голове роились собственные

мысли.

На востоке из розовой колыбели вставал новый день. Звезды гасли и утренние сумерки осветились первыми солнечными лучами.

Стойбище пробуждалось к жизни. Охотники выбежали из хижин. Многие направились к потоку, чтобы омыть тела студеной водой, кое-кто поспешил прямо к караульному кострищу, возле которого сидели Ванг и Ом.

Охотники все прибывали. Они стояли и сидели вокруг костра, в котором снова пылал высокий огонь. Громко беседовали и обсуждали дела, осматривали оружие, проверяли, крепко ли сидят кремневые наконечники на деревянных древках, оценивали тетиву луков и остроту стрел. На раскаленных камнях пеклись последние куски мяса, которые вождь, могучий и сильный Гиг, вчерашним вечером отложил в сторону.

Запах жареной оленины, унесенный утренним ветерком от костра к хижинам, выманил наружу лохматых женщин и детей постарше. Они нерешительно приблизились к огню и с завистью глядели на вождя, раздававшего мясо одним лишь мужчинам, чтобы те набрались сил перед предстоящей им долгой и утомительной охотой.

Охотники ели жадно, с аппетитом впиваясь здоровыми зубами в полупропеченное мясо, отрывали его от кости целыми кусками и с громким чавканьем проглатывали.

Когда мужчины наелись, вождь собрал их вокруг себя. Он долго разъяснял им план сегодняшней охоты и разделил их на два отряда, один из которых возглавил сам, а другой должен был вести опытный Гор. А потом освободил от участия в деле ночных стражей, Ванга и Ома, чтобы те могли отдохнуть

– Но перед тем, как ты, Ом, войдешь в свое жилище и уляжешься на кучу шкур, чтобы укрепить себя сном и набраться новых сил, ступай к хижине великого Ама и передай ему мой приказ – мы идем на охоту и хотим, чтобы он наколдовал нам удачу! Пусть придет немедля!

Не мешкая, Ом поспешил к хижине шамана, но внутрь не вошел – боязнь не позволила это сделать. Он остановился возле

входом и крикнул:

– Эгей, Ам! Мужчины готовы к охоте. Они и Гиг ждут, что ты придешь к ним и своим колдовством приманишь удачу!

Ом ждал ответа колдуна, но напрасно.

Спустя немного Ом подступил к самому входу, пригнулся и снова позвал:

– Эй, Ам! Долетел ли до твоих ушей мой голос?

На сей раз из хижины раздалось:

– Ступай, Ом! Скажи Гигу и остальным мужчинам, что я скоро приду!

Ом передал Гигу ответ Ама, а потом ожидал с вождем и охотниками прихода колдуна.

Долго ждать не пришлось. Из темного входа хижины появилась высокая и сухопарая фигура шамана Ама.

Его вновь трудно было узнать. На плечи шаман набросил медвежью шкуру, а на шее красовалось ожерелье из когтей и зубов пещерного медведя вместе с зубами волков и лисиц. Он разрисовал лицо красными линиями, зигзагами и кругами. Длинные, густо смазанные жиром волосы были скручены в косу, проткнутую длинным орлиным пером. На косматой груди он намалевал большое красное пятно, окруженное венцом коротких линий, похожее на маленькое багровое солнце. В руке шаман нес несколько изготовленных из жирной глины фигурок животных.

Важным шагом Ам приблизился к группе охотников.

Но не дошел до них. Он остановился перед главным кострищем и бросил на раскаленные угли несколько сухих веток. Когда те запылали и их объяло высокое пламя, шаман начал скакать вокруг огня, бешено размахивая руками и странно изгибая тело. Свой грозный танец он сопровождал нечленораздельными криками и страшным урчанием.

Охотники напряженно наблюдали за действиями колдуна. Они изумились, когда тот резко остановился, разжал ладонь и начал разламывать глиняные фигурки зверей. Такого еще никто не видел, это было какое-то новое колдовство.

Шаман Ам отламывал звериным фигуркам головы и ноги, разбрасывая их вокруг себя, и, наконец, раздробив в руке изуродованные остатки, швырнул их в костер.
(к повести „Смерть Ома“)

В этот раз слова шамана прозвучали четко:

– Да будет сражен любой зверь на вашей охоте! Пусть утратит он чутье и попадет в западню! Пусть захромают его ноги во время бегства! Пусть его тело само притянет ваши стрелы и копья!

При этом шаман отламывал фигуркам головы и ноги, разбрасывая их далеко вокруг себя и, наконец, раздробив в руке изуродованные остатки, швырнул их в костер. Затем, воздев руки высоко над головой, он низко поклонился пылающему огню, тут же выпрямившись. А после этого развернулся и без единого слова пошел назад к своей хижине.

Удивленные охотники провожали взглядом шамана до тех пор, пока тот не скрылся из вида. Они стояли не шевелясь, завороченные новым колдовством великого Ама.

Гиг первым вышел из этого состояния. Раздался его повелительный голос:

– Пришла пора покинуть стойбище и отправиться на охоту, с сопровождающим нас колдовством великого Ама!

После этого, не задерживаясь, вождь тронулся в путь вместе с отобранными им охотниками.

За ним поспешил со своим отрядом отважный Гор.

Каждая группа шла своим путем, но с единой целью.

Как только охотники покинули стойбище, старый Ванг тут же ушел в одну из хижин. Там он упал на охапку сухой травы, завернул свое зябнущее тело в волчьи шкуры, повернулся на бок и спустя немного времени спокойно захрапел.

Ом тоже пошел в свою хижину, чтобы отдохнуть. Но заснуть не получалось. Он ворочался с боку на бок, беспокойно вертелся, держал веки закрытыми – все напрасно, сон не шел к нему. В памяти юного охотника все время возникал образ шамана, отгонявшего от стойбища ужасного пещерного льва. А еще больше вспоминался колдовской талисман – ожерелье из зубов и когтей пещерного медведя, нанизанных вместе с лисьими и волчьими зубами.

Ом твердо верил, что именно этот предмет наделил шамана колдовской силой и мощью, чтобы суметь прогнать во мрак Великого Пожирателя. Ведь пока Ам не надел его на шею, лев

не обращал внимания на его заклинания. Видно, зубы и когти пещерного медведя должны обладать весьма сильным колдовством, раз перед ними отступил такой зверь.

Тогда Ома в первый раз посетила одна мысль, которая с того момента крепко застряла в голове и завладела всем его существом – стать обладателем такого колдовства и такого ожерелья. Тогда бы ему не пришлось никого и ничего бояться. Там, где не хватило бы силы, помогло бы колдовство.

Вот эта идея теперь постоянно кружила ему голову и прогоняла сон.

Найти зубы лисиц и волков не составляло труда. Для этого достаточно было осмотреть мусорную яму неподалеку от стойбища, куда женщины с детьми относили все, что осталось после еды и что не могло пригодиться охотникам для изготовления оружия и орудий. Но главное колдовство заключалось не в лисьих и волчьих зубах. Там требовались зубы и когти пещерного медведя, могучего и сильного зверя.

А вот их отыскать было трудной задачей. Хотя у некоторых охотников стойбища в хижинах хранились медвежьи шкуры, но все без когтей и черепов. Лишь у шамана Ама имелись такие, но он бы их не отдал, ведь они были нужны ему для колдовства и чар.

И тут в голове молодого охотника промелькнуло воспоминание о том, что рассказывал у огня хромой Ур, помощник шамана. Он поведал, как великий Ам послал его вдоль потока далеко на север, где лес растет так густо, что солнечный свет едва проникает сквозь кроны. Шаман велел помощнику нарвать там каких-то больших черных ягод. Когда он возвращался назад, то столкнулся с громадным пещерным медведем, который тяжело волочил одну лапу и убежал от человека в заросли ежевики. Ур тогда еще поохотал над тем, что хромой встретил хромого и что сильный хромой испугался слабого.

При этом воспоминании на лице Ома расцвела довольная улыбка. Вот она, возможность достать зубы и когти пещерного медведя. Он отправится на север, в густую тенистую чащу. А как только найдет там медвежьи следы, то пойдет по ним до тех

пор, пока не догонит хромого зверя. Медведю ничего не поможет, побежит ли тот вглубь леса или на заросший колючей ежевикой склон – он повсюду будет преследовать его и не остановится, пока не убьет. Ведь он не трусливый хромой Ур, а сильный, здоровый и отважный Ом.

Ничто уже не могло удержать молодого охотника от его замыслов.

Он быстро откинул шкуры и вскочил со своего ложа, взяв в руки длинное копье и проверив, хорошо ли укреплен каменный наконечник и достаточно ли он острый. Не обнаружив изъянов, Ом взял с собой еще лук и стрелы, вышел из хижины и быстрым шагом покинул стойбище.

Он сбежал вниз к потоку и отправился по долине на север.

Вскоре его обступил лес. Ом перескакивал вывороченные камни, перелезал через упавшие с отвесных скальных стен большие валуны и переходил поток. Он не обращал внимание ни на трудности, ни на усталость. Тяга к обладанию великим колдовством безостановочно гнала его вперед.

Его почти нагое, перевязанное лишь на бедрах оленьей шкурой тело мелькало в узкой долине, молодой охотник с каждым шагом приближался к месту, где его ждала гибель.

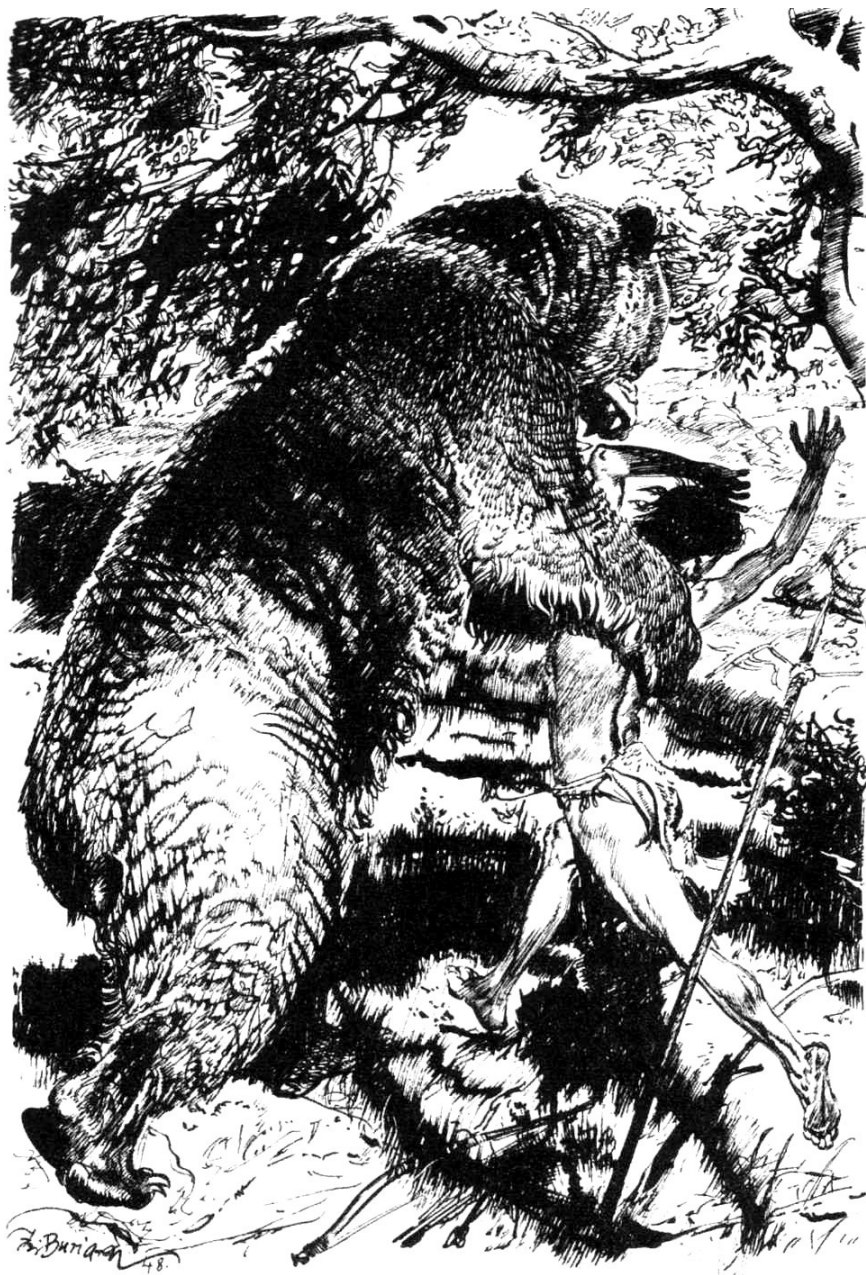
Наконец Ом оказался там, где хромой Ур встретился с медведем.

Он внимательно осмотрел каждый участок влажной почвы в поисках оставшихся там медвежьих следов.

Удача улыбнулась Ому. Он быстро отыскал следы и, больше уже не теряя, шел по ним до тех пор, пока не увидел самого медведя.

„Вот ты и попался, хромой ворчун“, ликующе подумал юноша. „Уж от меня, как от несчастного Ура, тебе не убежать!“

Осторожно и медленно Ом приблизился к громадному зверю. Тот сидел возле большого муравейника и разгребал его одной лапой. Как только она была полна насекомых, медведь тянул ее к пасти и облизывал длинным языком. Сотни и сотни муравьев оказались пережеваны мощными зубами. Приятно-кислый вкус хорошей пищи не испортила ни единая еловая иголка.

Пещерный медведь ни о чем не подозревал.

Он приблизился еще на несколько шагов, прислонил копьё к дереву, взял лук и прицелился в зверя.

Внезапно просвистевшая в воздухе стрела вонзилась в медвежье темя, проткнула шкуру и своим острием глубоко вошла в кость.

Медведь единым взмахом лапы выдрал воткнувшуюся в голову стрелу; он сделал это с такой силой, что каменный наконечник сломался, ведь он весьма крепко засел в черепе. А потом зверь страшно взревел и в несколько прыжков очутился возле своего обидчика.

Он в ужасе увидел, что медведь совсем не хромой, что он никуда не убегает, а наоборот, нападает на него. В голове у него промелькнуло, что это или не тот зверь, с которым повстречался Ур, или же в тот раз он был недавно ранен. Но прежде чем Он смог опомниться и успеть схватить свое копьё, разъяренный болью медведь встал на задние лапы, обхватил тело несчастного охотника передними и стиснул его так, что затрещали кости. Пасть хищного зверя впилась в плечо человека и сильные зубы вмиг раздробили его, превратив в бесформенное, кровавое месиво.

Истерзанное тело охотника затряслось в последней агонии. Колени умирающего подогнулись и он медленно выскользнул из смертельных объятий пещерного медведя.

Когда Он распростерся на земле, зверь встал на четвереньки, склонил голову над неподвижным телом и внимательно осмотрел его, как бы желая убедиться, что в нем действительно не осталось ни малейшей искорки жизни. Потом медведь поднял лапу и резким взмахом хотел содрать с него оленью шкуру. Лапа соскользнула с сухого и гладкого материала, задела раздавленную грудную клетку и каждый коготь прочертил на ней глубокую кровавую полосу.

Когда пещерный медведь опять поднял лапу, чтобы повторить попытку, из его головы частым дождем начали падать горячие красные капли. Глубокая рана отозвалась новой болью, поэтому зверь тут же отвернулся от убитого им охотника и медленными шагами ушел куда-то в тихую глубину древнего

леса...

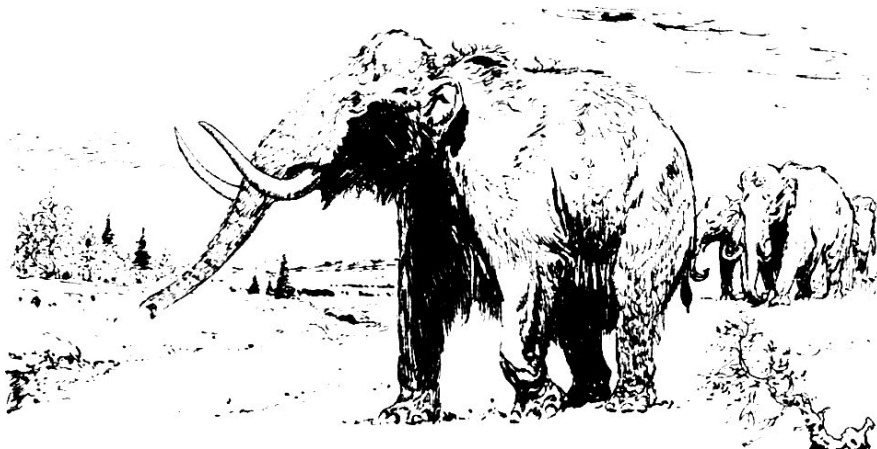
Солнце зашло и все вокруг стихло.

Над кронами вековых деревьев расцвело звездное небо в своей загадочной красе, по лесу пронесся легкий ветер.

Все живые создания, радующиеся яркому солнечному свету, спешили в свои укрытия. Только лежавшего в зеленом кружеве папоротников возле суковатого ствола древнего дуба Ома не страшили теперь ни тьма, ни ужасы ночи.

Он был мертв и нашел свою гибель лишь из-за того, что доверял колдовству больше, чем самому себе и ценному опыту старших охотников!

ЗА МАМОНТОМ

Бурный ручей, пробивший глубокое русло в желтоватой глине, нес свою мутную вспененную воду по нескончаемой травянистой равнине куда-то далеко на юг.

Он петлял по унылой и однообразной местности, являвшейся переходом между бескрайней тундрой, простиравшейся на север аж до самых ледяных арктических пустынь, и краем лесов и кустарников, которые продвигались из южных областей в эти негостеприимные земли.

На одном берегу ручей омывал крутой склон травянистой равнины. Другой, более пологий, тянулся возле редкого леса из ольх, берез и осин, тут и там с вкраплениями хвойных деревьев – лиственниц и кедров, контрастировавших темными пятнами со светлой зеленью листвы. Чем дальше, тем больше становилось деревьев, постепенно сливавшихся в густую огромную чащу. И если на юге, далеко на горизонте темнели обширные древние леса, то на противоположной, северной стороне искрились и сверкали белые стены вечных снегов и льдов.

Это случилось в конце весны в позднем четвертичном периоде.

Теплые лучи солнца пробудили и в этих краях все живое к новой, радостной и более легкой жизни. Лиственные деревья и кустарники надели зеленые наряды и тем самым украсили все вокруг. На увядших пучках травы, осоки и пушицы появились новые листья, растения с нетерпением тянулись вверх, словно стараясь превзойти буйно разросшиеся мхи и лишайники, образовавшие в травяном покрове большие зеленоватые, желто-коричневые и беловатые пятна. Низенькие кустарнички-дриады покрылись тысячами белых цветов, нежных и красивых. Камнеломки пестрели белым, желтым и фиолетовым, желтели и белели маки. Цветы лютиков отливали золотом, а кусты вереска усыпали мелкие, белые или красные колокольчики, беспрестанно колыхавшиеся в легком весеннем ветерке и словно бы неустанно звонящие во славу прихода весны. Белое заклетье зимы миновало, вновь возродилась зеленая жизнь, кипевшая и бурлившая, стремившаяся расцвести, весь особо много времени для этого не было.

Где-то далеко на горизонте появились несколько темных точек. Когда они приблизились, то оказалось, что это небольшое стадо огромных мамонтов.

Впереди осторожно шагал старый самец.

Это был колосс, превосходивший по размеру современного слона, однако родственный ему и очень на него похожий. Главным отличием от нынешних хоботных являлось то, что все его могучее тело покрывала длинная, но притом мягкая шерсть рыжевато-окраса, темного или светлого оттенка. Шерстинки, образовавшие на некоторых местах мохнатую гриву или широкую опушку, росли из более короткого подшерстка. Это вместе с толстым слоем подкожного жира служило мамонту наилучшей и совершенной защитой от сурового климата его родины. За высоко поднятой головой с отвесным лбом вздымался большой жировой горб, отделенный от нее глубокой сужающейся впадиной. Он уже не выглядел так внушительно и не торчал над плечами, как в начале минувшей зимы, а, скорее, казался опавшим. Ведь мамонт все это суровое долгое время дополнял свою скромную пищу запасами жира из горба, когда ничего не удавалось найти и вся растительность после бешеных

жутких метелей скрывалась под толстым снежным покровом. Голова была большой, по сравнению с размерами тела крупнее, чем у современных слонов – из-за его необычайно длинных и тяжелых бивней. Небольшие уши покрывала шерсть, они выглядели незаметно на коренастом мохнатом теле. Хвост был коротким и маленьким, но тоже шерстистым.

Старый самец понемногу двигался вперед. Он обходил лужи, еще полные тающего весеннего снега и затруднявшие проход. За ним следом передвигались неспешным шагом еще несколько взрослых мамонтов и двое похожих на косматые шары малышей.

И вот старый вожак остановился. Для остальных это послужило знаком того, что поход пока закончен.

Был слышен какой-то гул. Когда старый мамонт сделал несколько осторожных шагов вперед, то увидел перед собой русло ручья с шумящей мутной водой. Он оказался досадной помехой на их пути, ведь вожак хотел идти со стадом в ближний лесок с молодыми ольхами и березками, отлично подходящий для пастбища. И вот теперь, когда они уже были почти у цели своего пути, возникла эта опасная преграда – отвесный, обрывистый глинистый берег возле глубокого русла ручья.

Старый мамонт хорошо знал о коварстве подобных мест. Он отлично помнил то время, когда сам еще ходил в стаде и нескольких взрослых самцов, свалившихся в глубокий ручей и не сумевших оттуда выбраться.

Чуть пройдя вперед, мамонт опять остановился.

Он долго смотрел на близлежащий лес, который так непреодолимо манил яркой зеленью свежих листьев. В этот раз обязанность перевести стадо на другой берег с хорошим пастбищем пересилила в вожаке заботу о собственной безопасности. Поэтому он сделал еще несколько шагов, но ясно видел, что нигде поблизости нет пологого спуска к речному руслу, чтобы там могли спокойно пройти и взрослые, и детеныши.

Косматый великан замер возле опасного места.

С наступившей весной, когда под первыми солнечными лучами растаяли снежные сугробы и вода наполнила русло до

самых краев, потоком размыло берег прямо там, где была небольшая излучина. И теперь он нависал над ручьем как широкий, поросший травой карниз. Там-то сейчас и стоял старый вожак стада, оглядываясь по сторонам. Когда он нигде не обнаружил подходящего для перехода места, то повернулся и хотел пройти вдоль берега ручья, чтобы осмотреть его получше. Но свой замысел мамонт осуществить уже не смог.

Когда он разворачивался, то невольно перенес вес задней части своего тела на край крутого берега. Подмытая почва не выдержала такой тяжести и обрушилась в глубокий ручей, вместе с ней туда упал и мамонт. Его тяжелое тело зарылось в мягкий ил и увязало в нем тем глубже, чем сильнее пытался освободиться бедный колосс.

Когда вожак осознал, что все его усилия по освобождению напрасны, то поднял свой поросший шерстью хобот и жалобно затрубил. Едва смолк этот звук, как раздался другой, еще более жалобный и безнадежный.

Ожидавшее стадо было испугано внезапным исчезновением и ревом своего старого, опытного вожака. Самцы угрожающе воздели хоботы и ждали, что произойдет дальше. Малыши-мамонтята прижались к своим косматым мамам, ища у них защиты. Но не чувствовалось никакой опасности – кругом была тишина, нарушаемая лишь жалобными воплями исчезнувшего вожака.

Лишь спустя время самый отважный самец из стада рискнул приблизиться к берегу ручья. Он двигался осмотрительно, шаг за шагом, в любую секунду готовый отступить. А за ним так же робко и аккуратно следовали остальные.

Когда мамонты оказались достаточно близко к потоку, то увидели, что их старый вожак лежит, глубоко увязнув в илистом дне и из последних сил борясь за свою жизнь. Они безмолвно стояли на безопасном расстоянии от предательского берега и ждали.

Но дожждаться им было не суждено – прежде чем на темном небе высыпали звезды, предвестники наступающей ночи, старый вожак погиб. Однако мамонты все еще стояли так до самого рассвета, а потом ушли под предводительством другого, старейшего и сильнейшего самца куда-то далеко от места, где с их маленьким стадом приключилась такая беда...

Остаток весны пролетел быстро, а за ним незаметно миновало и короткое лето.

Где-то далеко на северном горизонте вдруг появились темные тучи. Они собирались со всех сторон над плоскими равнинами тундры со мхами и лишайниками, над травянисто-кустарниковой степью и над угрюмыми лесами.

С появлением туч усилился и свист ветра, под его порывами гнулись деревья. Когда буря достигла тех мест, лес наполнился тысячекратным стоном ломаемых и выворачиваемых с корнем силой стихии стволов.

Грозная битва между обезумевшим воздухом и землей все продолжалась. Но, как обычно, буря утихла и из серо-стальных туч начал падать снег. Он сыпал все гуще и гуще, пока все кругом не покрылось белой пеленой.

Выраставшие до чудовищных размеров сугробы укрыли изувеченный, поломанный лес. Под ними исчезло и русло промерзшего до самого дна ручья, в котором погиб старый мамонт.

Позже, под воздействием стекающей с гор воды, солнечных лучей и собственной тяжести снег понемногу превратился в кристаллический лед. На нем осели ил и галька, принесенные потоком следующей весной.

И так все повторялось – долго, очень долго...

– И еще об одном деле мы хотели бы вам сообщить.

Седоволосый пожилой мужчина на мгновение умолк, а затем продолжил звучным голосом:

– Якутский губернатор Скрыпицын предоставил нашей Академии Наук отчет о том, что возле Березовки, правого притока Колымы, около 300 верст северо-восточнее Среднеколымска, был обнаружен труп мамонта, который, судя по показаниям свидетелей, полностью сохранился. Могу с радостью сообщить вам, что Академия после получения этой новости сразу же предприняла все возможное, чтобы уберечь сию редкостную находку. Мы распорядились выслать к месту обнаружения специальную научную экспедицию. Руководителем был назначен Отто Герц, зоолог и управляющий музеем академии. В помощь ему определили препаратора музея Пфиценмайера и геолога Севастьянова. Поскольку я как раз узнал, что министерство финансов выделило на расходы экспедиции сумму в 16300 рублей, то, полагаю, нет никаких препятствий для приготовлений отъезда членов научной группы к месту обнаружения редкой находки. Я уверен, что вы позволите мне не только от себя, но и от лица всех нас пожелать им счастливого пути и успешного выполнения предстоящей трудной задачи.

Кругом раздались восхищенные аплодисменты и члены Академии сердечно пожимали руку господину Герцу.

Так и получилось, что в начале мая 1901 года, спустя менее месяца после получения сообщения о находке мамонта на Березовке, из тогдашнего Петрограда (нынешнего Ленинграда) выехала специальная научная экспедиция российской Академии Наук, чтобы уберечь находку от уничтожения. Участникам ее предстояли не только путь самоотверженных служителей науки, но и испытания для настоящих мужчин.

Пройдем же и мы этим полным энтузиазма и труда путем!

После двухдневного пребывания в Москве 14 мая 1901 экспедиция прибыла на экспрессе в Иркутск, где участники задержались почти на неделю, решая дела с предметами первостепенной важности – оборудованием, провизией и, конечно же, разными сопроводительными документами.

Путь на возах до Качуга на верхней Лене занял два дня.

Оттуда экспедиция прибыла через село Верхоленск в Жигалово, потом на лодках добралась до Усть-Кута и, в конце концов, достигла на пароходе Якутска.

Так как расстояние от Якутска до Среднеколымска было огромным – более 3000 верст – и добраться туда на лошадях представлялось возможным только с приходом лета, на начальника экспедиции легла задача по добросовестному обеспечению ее всеми необходимыми припасами, ведь путь пролегал в пустынных и малонаселенных местах, где на протяжении 300 верст часто можно не встретить ни единого человека. Потому требовалось купить у якутских кузнецов, знаменитых мастеров, несколько стальных инструментов, способных рыть мерзлую почву. Много времени заняла заготовка достаточного количества сахара и сушеного на воздухе мяса. Не забыли и теплые одеяла, рукавицы, ушанки, защитные сетки от комаров, которые летом истязают весь этот край. Экспедиция также была обеспечена разными предметами, нужными в качестве обменной платы.

По совету одного якутского купца, уже несколько раз проделавшего путь от Якутска до Среднеколымска, Герц заказал изготовление специальной складной лодки из кожи, которая в случае необходимости могла служить и как палатка.

Все закупленные и полученные припасы, и утварь упаковали в обтянутые кожей ящики или уложили в особые кожаные мешки, чтобы их не намочило дождем или водой при переходе через бесчисленные реки и ручьи. Для всех дел, связанных с лошадьми, был нанят специальный работник, чтобы экспедиция не тратила долгие часы для выменивания их на отдельных станциях и не заботилась о них во время пути. В качестве проводника Герц нанял местного интеллигентного якутского учителя, который один раз сопровождал исследователя Черского во время его путешествий.

Экспедиция Герца отбыла из Якутска лишь 20 июня 1901 из-за того, что пароход „Михаил“, который мог ее доставить к станции Тандинская (*прим. „перев.“*: не было возможности выяснить достоверность названия этой и прочих почтовых станций, упомянутых в повести, остается лишь верить сделанному Пфиценмайером описанию) на

реке Алдан, прибыл в город несколько позже. После двух дней плавания достигли станции и оттуда уже пешими отправились к своей цели.

Путь вел через преимущественно болотистые места и до верхоянского хребта экспедиция добиралась довольно медленно; были дни, когда с самого раннего утра и до позднего вечера одолевали всего от 25 до 35 верст. К тому же начались сильные ливни, почва так размокла, что лошади брели по самое брюхо в воде и жидком иле.

Весьма опасным и героическим был переход через реку Тукулан; здесь бешеный поток забрал жизнь посыльного, доставлявшего экспедиции из Якутска приходящую почту с уведомлениями.

Зато когда миновали обрывистый верхоянский хребет, путь стал более проходимым, так что можно стало делать в день до 75 верст.

9 июля 1901 члены экспедиции добрались до Верхоянска, одного из холоднейших мест на свете, где температура зимой падает до -60° С. Тяжелый путь длиной свыше 930 верст они преодолели вполне неплохо – всего за 19 дней.

В Верхоянске членов экспедиции весьма радушно принял тогдашний окружной исправник Б. Ф. Кочаровский, несший там службу уже более двадцати лет и являвшийся исключительным знатоком этих негостеприимных мест. Между прочим, он сообщил им, что продвижение экспедиции могло бы ускориться, если бы она разделилась на два отряда и один из них отправился бы в путь на несколько дней раньше другого. Исправник утверждал, что между Верхоянском и Среднеколымском не удастся достать лошадей для всех участников.

Герц с признательностью последовал этому совету. А поскольку он узнал, что из Среднеколымска уже четыре месяца нет никаких вестей, что означало очень плохое состояние дорог в бассейнах рек Индигирки и Колымы из-за плохой погоды, то решил без промедления отправляться дальше с первым отрядом. Доверив Пфиценмайеру вести остальных, Герц с двумя проводниками, шестью лошадьми и частью груза 11 июля выехал из Верхоянска. Он пообещал Пфиценмайеру на всех

станциях до Среднеколымска все устроить так, чтобы другую группу экспедиции, более многочисленную и везшую с собой весь остальной груз, везде ждали в достаточном количестве отдохнувшие лошади. Он также сообщил ему, что когда достигнет Среднеколымска, сразу же отправится к Березовке, к местонахождению мамонта.

Пять дней спустя после отъезда Герца в восемь часов вечера в путь отправился и Пфиценмайер со своими товарищами и пятнадцатью лошадьми. Через недолгое время они очутились в тайге, бесконечной и однообразной. Лишь спустя два дня похода группа наткнулась на первое людское поселение – жилище какого-то богатого якута. После короткого отдыха опять поехали дальше. Перейдя через высокий горный хребет, они 26 июля добрались до станции Кюрелах, где смотритель отдал Пфиценмайеру послание от Герца. Оно было кратким, Герц призывал коллегу ехать как можно быстрее.

И действительно требовалось так делать, но оказалось тяжело выполнить, потому что путь вел по сырым чащобам с бесчисленными болотами и озерами, полными воды из-за ливней, которые вскоре непрерывным потоком хлынули из серых, низко висящих над землей туч. Но не только это, а еще и вышедшие из берегов реки со своими бурными потоками препятствовали экспедиции. Также перемена погоды с теплой на холодную, когда температура воздуха опускалась по ночам до -13°C , невероятно затрудняла продвижение. Часто случалось так, что лошади глубоко увязали в размокшей почве и спасти их можно было только общими усилиями. Ко всему этому 29 июля еще и пошел снег, да так сильно и обильно, что зеленая тайга спустя недолгое время превратилась в покрытый белым саваном край. Но уже к вечеру того же дня снегопад опять сменился сильным ливнем, из-за которого все вымокли до нитки. Промокшие и замерзшие, люди, тем не менее, мужественно шли вперед, не страшась скрывшей вскоре все кругом темноты. Когда они, наконец, нашли какой-то уголок посуше, устроили там лагерь для короткого отдыха.

Двинувшийся снова в путь отряд ожидали новые мучения и тяготы. Несмотря на то, что мужчины их стойко преодолевали,

путь был настолько затруднен, что за весь долгий день не удавалось пройти и 25 верст. Прежде всего, мешали бесконечно идущие дожди, сделавшие путешествие весьма опасным. Пфиценмайеру не единожды приходилось пускать в ход все свое красноречие, чтобы убедить товарищей продолжать путь. Теперь ему приходилось также чаще прерывать поход привалами продолжительностью в несколько часов, во время которых участники отряда взбадривали себя кружкой горячего чая и сушили над огнем вымокшую одежду. Хороший отдых требовался и лошадям. В эти тяжелые дни экспедиция не проделывала и 20 верст, будучи по четырнадцать часов на ногах.

Тяготы путешествия постоянно усиливались, а дорога становилась все более опасной. Сам Пфиценмайер два раза вместе с лошастью увязал в трясине, а спустя короткое время это случилось вновь. Животное было настолько измучено, что уже не могло идти дальше. После отряд потерял при тех же обстоятельствах еще двух лошадей. Тем не менее, нужно было постоянно идти дальше.

Мучения шести дней и ночей закончились на станции Эбельях. Здесь Пфиценмайер со своими товарищами отдыхал целых два дня – из-за того, что лошади, которых перед их приходом забрал Герц, еще не вернулись и во всей широкой округе нигде нельзя было достать других.

Отдых быстро закончился и отряд снова двинулся в путь. Они достигли 19 августа 1901 берега реки Индигирки, ширина которой в тех местах достигала трех четвертей километра. Переправить лошадей и груз на другую сторону оказалось совсем не легким делом. Но все прошло без каких-либо несчастий и вскоре экспедиция начала последнюю часть своего пути, целью которого был Среднеколымск.

Трудности предыдущих дней вскоре позабылись в связи с прекрасной погодой. Каждый день светило солнце, высушивавшее весь край и дороги так, что они становились все более проходимыми. Местность была многолюдной, станций имелось много и там всегда могли предоставить сколько нужно лошадей.

При этих благоприятных обстоятельствах путь прошел

незаметно и 2 сентября Пфиценмайер со своими спутниками добрался до Среднеколымска. Итак, для преодоления расстояния в более чем 2000 верст от Верхоянска до Среднеколымска потребовалось полтора месяца! И тут нечему удивляться, это был чрезвычайно тяжелый путь, полный мучений и в то же время путь стойкой решимости и отваги.

Оказавшись в Среднеколымске, Пфиценмайер узнал, что Герц уже давно отбыл.

Начальник экспедиции, будучи в городе, не сидел без дела. Прежде всего, он начал разыскивать какие-нибудь сведения о мамонте. Кое-что удалось узнать. Так, ему стало известно, что в полицейском управлении хранится недавно купленный бивень, который, скорее всего, забрали с трупа березовского мамонта. Герц осмотрел его и выяснил, что тот весит немногим более одного пуда. Бивень по величине был свыше 1,7 м, а средняя длина окружности составила 42 см. По всей видимости, он принадлежал самцу средних размеров. Также Герцу сообщили, что у трупа уже нет кожи на голове и на ушах. Поскольку он находился довольно близко к месту находки, до которого было не более 280 верст, то решил нанять здесь помощников для работы по сохранению мамонта. С этой целью Герц собрал шестерых способных местных жителей.

Так как сбор всего необходимого для самой последней части пути и организация специальных работ потребовали еще целую неделю времени, руководитель экспедиции не мог с полным составом выехать к месту находки и послал туда казака Явловского, который первым сообщил начальству о мамонте.

Герц со своими помощниками и с окружным начальником Горном выехал из Среднеколымска лишь 29 августа 1901. После трехдневного плавания под порывистым северным ветром они добрались вечером 31 августа до Миссовой, маленького якутского поселения, расположенного на реке Колыме прямо напротив устья Березовки и удаленного от Среднеколымска на целых 320 верст. Сюда же должен был вернуться Явловский со сведениями о состоянии пути до места с трупом мамонта.

В Миссовой начальник экспедиции узнал, что вместе с казаком Явловским к мамонту отправились двое местных. Герц

нетерпеливо ждал его возвращения, которое состоялось 3 сентября. Принесенные казаком вести не были ни хорошими, ни печальными. Он рассказал, что из-за последних долгих ливней на место находки сползли большие куски земли с обрывистого берега, так что задняя часть трупа засыпана. Голова полностью обглодана волками, лисами и медведями. Еще Явловский сообщил, что положил все разбросанные вокруг трупа кости на спину мамонта, заботливо прикрыв их глиной и камнями, чтобы до прихода Герца с ними ничего не случилось. Он досадовал на то, что из-за своей болезни не смог весной прибыть к месту находки и завалить глиной всю мертвую тушу, чтобы таким образом не допустить повреждений, причиненных дождями и хищным зверьем.

Когда Герц услышал эти вести, то понял, что задерживаться в Миссовой не стоит, особенно когда первого человека, обнаружившего труп мамонта, ламута (*прим. „перев.“: ламуты – старое название эвенов*) Семена Тарабыкина как раз не было дома и никто не знал, скоро ли он вернется. Сначала начальник экспедиции намеревался дожидаться Семена, ведь ему хотелось услышать подробности о находке из первых рук. Но так как Тарабыкин отсутствовал, а ждать дольше было нельзя, Герцу пришлось довольствоваться лишь показаниями казака Явловского.

Тот рассказал, что Тарабыкин, преследуя северного оленя в августе 1900 года, наткнулся недалеко от места с мамонтом на бивень, весивший более четырех пудов. Он принадлежал явно другому животному. Тарабыкин начал искать другой и вот тогда и обнаружил упомянутый труп, на тот момент из земли высывалась только весьма хорошо сохранившаяся голова. Поскольку по поверьям ламутов мертвый мамонт насылает на нашедшего его несчастья и болезни, Семен оставил находку в покое. Но все же рассказал о ней двум своим приятелям, Михаилу Тайчину и Василию Детькову, чьи дома находились на расстоянии всего 20 верст от трупа.

Когда в конце августа в Среднеколымск пришли несколько ламутов, с ними встретился Явловский и выменял у охотников два бивня. Во время этой сделки он и узнал о находке

Тарабыкина. Образованный казак, отлично понимая всю ее важность, сразу же договорился с ламутами и в начале ноября посетил это место. Тогда он срезал с головы трупа мамонта кусок кожи, а с левого бока – пучок шерсти, потом взял немного содержимого желудка и все это вместе с обоими бивнями передал в полицию Среднеколымска окружному начальнику Горну. Тот, не теряя времени, сразу же выслал предоставленные части тела мамонта в музей Академии наук, а сам поспешил осмотреть место находки. Таким было состояние дел в середине декабря.

Увидев собственными глазами в самом деле редкостную находку, Горн письменно сообщил о ней губернатору Якутска, а тот без промедления отослал донесение в Петроград президенту Академии Наук.

Извещение от губернатора дошло до места назначения быстрее, чем посылка Горна, так получилось, что Герц не смог ее изучить, потому что уже находился в пути.

Но он знал очень много о березовском мамонте, когда 5 сентября 1901 выехал из Миссовой к месту его нахождения.

В полдень Герц вместе со своими спутниками ступил на правый берег Колымы и все начали преодолевать небольшой горный хребет, поросший лиственницами, ольхами и карликовыми березами.

Продвижение по болотистой местности происходило довольно медленно. Сильная снежная буря, разбушевавшаяся 7 сентября, неимоверно затруднила поход; лошади постоянно падали, ведь каждая несла груз трехпудовой тяжести. Но, невзирая на ненастную погоду, экспедиция в тот же день вышла к Березовке. Под свирепый вой пурги установили три палатки, разгрузившись и выпив по несколько порций горячего чая, обессиленные путники легли отдыхать.

На следующий день, после глубокого и крепкого сна, члены экспедиции были неприятно удивлены. Из-за падавшего снега Березовка разлилась так, что перейти ее не представлялось возможным; мутный и сильный поток шириной более чем в двести шагов пел без усталости и боязливому, и отважному свою предостерегающую песнь. Лишь к вечеру сумели на специально

отобранных конях переправить часть груза через реку, а утром следующего дня перевезли остаток.

Когда вся экспедиция оказалась на другом берегу, снова разыгралась снежная выюга. По этой причине до цели добрались только поздним вечером. Явловский лишь с большим трудом держался правильного пути, потому что все ориентиры исчезли в белой пелене пурги. Изнуренные путники разбили лагерь для ночного отдыха.

Так встречал этот край первую группу экспедиции, стремившейся сохранить здесь для науки тело древнего хоботного.

Пока Герц вместе с окружным начальником Горном и помощниками стоял над разрытой могилой мамонта и делал первые приготовления для постройки избы, которая должна была на время стать для всех них безопасным и уютным жилищем, Пфиценмайер со своими товарищами пребывал в Среднеколымске. Но спустя два дня они уже отправились дальше, в Миссовую. В течение трехдневного плавания группа делала лишь короткие полуденные остановки, используя это время, чтобы приготовить пищу и поесть. Даже ночью они плыли по реке с сильным течением, закутавшись с головы до пят в длинные теплые кожухи из шкур северных оленей, которые Герц оставил для них в Среднеколымске. Все это время путники наблюдали высоко в воздухе над своими головами летящие птичьи стаи, в основном лебедей и диких гусей, оставивших свои летние гнездовища где-то далеко в тундре. Этот отлет птиц на юг предвещал конец короткого северного лета.

Так оно и было на самом деле. Уже на следующий день, когда Пфиценмайер со спутниками добрался до Миссовой, начал падать снег и шел непрерывно целых три дня. Все утонуло в снежном покрове, температура по ночам падала до -8°C .

Пфиценмайер целую неделю ждал вестей от Герца. Лишь на восьмой день с Березовки вернулся окружной начальник Горн, а с ним и столь нужные лошади. Вести Горна не порадовали Пфиценмайера. И на Березовке бушевала страшная снежная буря, которая засыпала там все большими сугробами. Когда

геолог Севастьянов услышал этот рассказ Горна, то решил вернуться в Среднеколымск, потому что при столь глубоком снеге он не смог бы делать никакие геологические наблюдения. И действительно потом уехал вместе с Горном.

А Пфиценмайер с товарищами отправился к Березовке. Они с завидным упорством пробирались по заснеженной тайге. Несмотря на то, что группа находилась уже совсем недалеко от места с мамонтом, это путешествие заняло целых три дня. Они проходили краем, где большая территория тайги несколько лет тому назад стала жертвой страшного пожара. Полусгоревшие стволы деревьев громоздились друг на друге в хаотическом месиве, торча как гигантские обугленные коряги над снежным покровом или полностью скрывшись под ним, а переплетения молодой поросли сильно затрудняли путь; были места, где люди с лошадьми лишь с трудом и с огромными усилиями продирались вперед. Из-за таких почти непосильных препятствий они продвинулись за целый день всего на каких-то десять верст.

Но близость цели всего их долгого пути весьма будоражила и призывала поспешить. И вот, взобравшись на третий день на гребень невысокой горы, путники увидели внизу перед собой долину Березовки, где извивалась река с многочисленными излучинами и ее ширина в этом месте была примерно 80 м.

Глаза у всех радостно заблестели – ведь они находились у цели их долгого и полного лишений путешествия. Люди стояли и молча глядели на долину, где шумела Березовка – третий по величине приток Колымы протяженностью около 700 км.

Внезапно над краем зазвенели ликующе-веселые крики. Так члены второй группы выражали великую радость, наполнившую их сердца, когда вдали они разглядели маленькую избу и поднимающийся над ней столб синеватого дыма.

Они быстро двинулись вперед и уже спустя четверть часа Герц с Пфиценмайером пожимали друг другу руки.

После долгой разлуки экспедиция вновь собралась здесь в полном составе.

Всю усталость Пфиценмайера в один миг будто рукой сняло. Он не хотел ни отдыхать в теплой избе с горячим чаем,

ни рассказывать о тяготах своего пути, ни даже слушать про то, чего Герц уже добился здесь. Единственным его желанием было поскорее добраться до могилы мамонта.

Через неполных полчаса после встречи Пфиценмайер со своим руководителем уже отправились к месту находки.

Не было нужды в том, чтобы Герц играл роль проводника. Острый и неприятный запах мертвечины сам указывал участок земли, где много тысяч лет назад из-за стечения обстоятельств погиб этот косматый колосс. Двое отважных мужчин молча стояли над местом давней трагедии и у обоих в голове постоянно была одна и та же мысль – нужно безотлагательно приступить к делу, чтобы сохранить для науки тело древнего хоботного.

Часть работ уже была выполнена, ведь Герц, впервые увидев мамонта 11 сентября, не сидел сложа руки. Прежде всего, он выяснил, что труп лежит на левом берегу Березовки, на полукруглом растрескавшемся скате, который круто спускается к самому руслу реки, удаленному на 62 метра. Под аллювиальным слоем, сложенным из гумуса и ила, на поверхность выступала отвесная ледяная стена, кое-где в целых восемь метров толщиной. После этого беглого обследования места находки Герц уже тогда принял меры по высвобождению тела мамонта. Но эти работы только-только начались. Начальник экспедиции так радовался прибытию Пфиценмайера и его спутников потому, что хорошо знал: больше рук – больше дела, особенно в такой короткий срок. Время было весьма дорого, ведь ночные морозы заявляли о себе все отчетливей и настойчивей.

Герц снова принял пост начальника всей экспедиции с Пфиценмайером в качестве умелого и надежного помощника.

После изготовления нескольких фотографических снимков Герц начал убирать осыпь. Прежде всего, откопали голову, с которой хищные звери уже обглодали большую часть кожи. По-видимому, она не сохранилась даже на момент своего обнаружения, как можно было судить по сообщению о находке ламута Тарабыкина. Ведь Герца здесь посетили упомянутые выше приятели Семена, Тайчин и Детьков, которые видели труп

мамонта почти сразу после его обнаружения и рассказали, что у него уже тогда отсутствовал хобот, а кожа на голове сильно истлела; еще они полагали, что голова торчала из земли больше года.

Свидетельства охотников не являлись целиком достоверными и не только из-за того, что они посетили место находки всего один раз, а главным образом потому, что до того момента они вообще никогда не видели этого мамонта, к тому же Тайчин был девяностолетним стариком.

И хотя голова не сохранилась, тем не менее, исследователей ждал большой сюрприз. А именно: Герц обнаружил между зубов частички пищи. Так в этот час сбылось высказанное Майдлем желание отыскать труп мамонта не только с кожей и шерстью, но и с сохранившимися остатками его рациона. Бивни зверя отсутствовали; одного не было уже весьма давно, другой отрубили ламуты.

Полностью расчистив голову, Герц начал аккуратно удалять окружавшие труп песок и глину. На глубине 68 см наткнулись на переднюю левую ногу, ее предплечье полностью покрывала шерсть – желто-бурый подшерсток длиной от 25 до 30 миллиметров и рыжевато-коричневые шерстины длиной от 10 до 12 сантиметров. После очистки от следующей части грунта показалась и задняя правая нога, тоже вся в шерсти и местами с истлевшими кусками мышечной ткани. Запах мертвечины, распространявшийся в ходе этих работ, был настолько сильным, что участникам экспедиции время от времени приходилось делать перерывы. Даже частое мытье рук не помогало избавиться от вони – ведь по большей части приходилось обрабатывать труп именно ими.

Так продолжались работы до 18 сентября. В этот день Герц дал указание – построить зимнюю избу для членов экспедиции и соорудить охранную хижину над самим мамонтом. Со вторым заданием управились быстро, так что уже 30 сентября в домике можно было затопить очаг и тем самым уберечь труп от повторного замерзания.

В эти дни со спины мамонта убрали последнюю глину и приступили к выниманию лопаток, ребер и огромного желудка,

в котором находились остатки пищи весом в один пуд.

При отрезании конечностей показалось темно-красное мясо, кажущееся вполне свежим, только замороженным. Герц вспоминал, что они долго обговаривали идею о том, что можно бы попробовать на вкус выглядевшую аппетитно мамонтьятину; но никто так и не решился отведать настоящий бифштекс из мамонта, все предпочитали ему хорошо знакомую конину. Зато собаки с большой радостью поедали это мясо и устраивали настоящие драки за обладание вкусной пищей.

Жир под кожей был белым, без запаха, ноздреватым на вид и очень легко крошился; он образовывал непрерывный слой в целых девять сантиметров толщиной. Кровь тоже нашли и законсервировали для дальнейшего изучения, точно так же как сосуды и мышечную ткань.

Работы прекратились 11 октября 1901. Тогда в зимнюю избу отнесли последние части разрезанного мамонтового тела. В следующие дни все упаковали в полотно и кожу и подготовили к длительной транспортировке. Также обсуждалось, каким путем можно было бы поудобнее и побыстрее добраться до Среднеколымска. Во избежание неосмотрительного решения за несколько дней перед этим послали Явловского с двумя якутами, чтобы те осмотрели предстоящий путь. После возвращения казака 15 октября первая часть экспедиции двинулась в обратный путь и спустя несколько дней – вторая.

Все снова собрались в Миссовой и добирались вместе до самого Среднеколымска. Оттуда Герц попросил железнодорожное министерство предоставить ему бесплатно специальный товарный вагон от Иркутска до Петрограда с дальнейшим прицеплением его к почтовому поезду, чтобы как можно быстрее доставить находку к месту назначения. Этот запрос был выполнен, поскольку в министерстве согласились с тем, что провоз тихоходным товарным поездом весьма небезопасен для мамонта, особенно если вдруг во время поездки потеплеет.

Время пребывания в Среднеколымске Герц использовал для безупречной упаковки всех отдельных частей тела мамонта, чтобы по возможности лучше защитить его от всех неприятных

происшествий, которые могли случиться в долгом пути до Иркутска.

15 ноября из Среднеколымска выехала первая группа, возглавляемая Пфиценмайером, а 26 ноября – вторая во главе с Герцом. Он дал указание – экспедиция должна добраться до Якутска, а потом и до Иркутска как можно быстрее. Потому и ехали днем и ночью, со всей возможной скоростью. Для преодоления расстояния около 300 верст от Среднеколымска до станции Андилах использовали собачьи упряжки и лошадей. На пути от Верхоянска к Алдану, что означало более 2000 верст, лошадей заменили северными оленями, так продвижение шло быстрее. От Алдана до Якутска (около 238 верст) для провоза груза снова использовали лошадей. 24 декабря 1901 Пфиценмайер был в Якутске, Герц добрался туда лишь 6 января, потому что вторую группу задержали в дороге сильные снежные бури и вьюги.

Путь от Среднеколымска до Якутска оказался ужасен.

Во время всего долгого похода в 3000 верст экспедиция только два дня отдыхала в Верхоянске. Огромная удаленность одной станции от другой, разом грянувшие морозы суровой верхоянской зимы, когда столбик термометра опускался до -50° С, лютые снежные метели, непроходимые дороги далекого севера – все это чинило ужасные препятствия для людей, везущих редкий и тяжелый груз.

Во время этого изнурительного пути, когда группа Герца медленно, шаг за шагом двигалась вперед по глубоким снежным сугробам, начальник к своему удивлению наткнулся на небольшой сверток, который обронил идущий впереди член экспедиции и который содержал одну из важнейших частей всей находки – остатки пищи из зубов, язык, шерсть и прочее.

После короткого отдыха в Якутске экспедиция поспешила в Иркутск, все так же разделенная надвое. Хотя на этом пути уже не было таких сильных невзгод, тем не менее, немалой заботы и бережности требовали частые перегруживания ста пудов ценной поклажи на всех почтовых станциях, которых между двумя городами насчитывало 124 штуки. Однако этот огромный участок пути в 2800 верст преодолели за 16 дней, потому что

экспедиция задерживалась на станциях лишь до тех пор, пока не выдавали свежих лошадей.

Немного отдохнув в Иркутске, 6 февраля 1902 экспедиция погрузила расчлененного мамонта на поезд и после тринадцатидневного путешествия все без каких-либо происшествий прибыли в Петроград. Здесь скелет был снова составлен, а из кожи сделали чучело, придав ему именно ту позу, в которой обнаружили труп.

Зал заседаний Академии Наук был полон.

Седоволосый ученый, созвавший сюда всех, взошел на подиум. Когда утихли шум и гул голосов, в просторном зале раздался его звучный голос.

— Для меня великая радость сообщить вам о том, что наша экспедиция, посвященная сохранению березовского мамонта, благополучно завершилась. Она длилась 10 месяцев и участники ее, не считая путешествия на поезде, должны были проделать 6000 верст на санях и 3000 верст на лошадях. Причиной того, что мамонта сумели сохранить для науки в сравнительно короткие сроки, является не только средняя величина найденного самца, но и то обстоятельство, что экспедиция добралась вовремя к месту находки, пока труп еще не успел сильно замерзнуть. Стоило им опоздать всего на две недели, и из-за наступивших сильных морозов туша превратилась бы в камень. В таком случае не оставалось бы ничего другого, кроме как ждать следующего лета, что, конечно, было бы связано с огромной тратой времени и денег.

Докладчик на мгновение умолк, а когда заговорил снова, то без остановок живописал тяготы пути и ужасные невзгоды, которые пришлось вытерпеть всем участникам экспедиции, чтобы суметь выполнить возложенный на них долг. Глаза седовласого мужчины сияли, когда он торжественно провозгласил:

— Мы будем первыми, кто сможет похвалиться перед всем миром небывалой диковиной — чучелом мамонта. Кроме того, эта находка принесет много нового в науку, станет предметом истинного восхищения широких слоев общества, люди смогут

составить самое лучшее и правдивое представление о животных, когда-то в изобилии обитавших в нашем государстве. Но мне хотелось бы одного: чтобы любой посетитель музея, в удивлении стоящий перед этим древним колоссом, знал бы о том, что потребовалось очень много сделать, прежде чем он смог увидеть сей редкостный экспонат. Речь тут не только о деньгах и служении науке, предоставившей эту диковину, но и прежде всего о вдохновенном и безукоризненном выполнении долга всеми участниками экспедиции, преодолевшими все возникшие на их пути преграды. Это не было стремлением к славе, сенсации или обогащению. Нет, здесь мы видим лишь честно выполненную работу, проделанную без оглядки на сиюминутные страдания и усилия, тяготы и неудобства. Я убежден, что любой труд, производимый со столь высокими намерениями, всегда окупается сторицей! Так получилось и в этом случае. Было бы справедливо, чтобы каждый из обычных посетителей, дивящийся итогам работы и усилий тех воодушевленных и добросовестных тружеников, знал бы и их имена. Но такое сложно осуществить. Пусть же наши герои утешатся мыслью о том, что хотя люди умирают и их имена забываются, но дело их живет вечно...

Дальнейшие слова старого ученого заглушили восторженные аплодисменты присутствующих.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Мой дорогой читатель, терпеливо добравшийся до этой страницы! Я должен сказать тебе то же самое, что уже говорил читателям моих книг „Погребенная жизнь“ и „Исчезнувший мир“: события, рассказанные тебе здесь в форме повестей, отнюдь не выдуманы, а воссозданы на основании сделанных палеонтологических находок. Ведь животные, о чьей печальной или счастливой участи ты здесь прочел, существовали на самом деле. Они выглядели примерно так, как изображены, и жили именно в описанной мной среде обитания. Даже повесть про Ома не целиком выдумана, ты увидишь дальше, что я имел в виду. А уж сомневаться в героизме российских исследователей, проделавших свой путь по бесконечным сибирским землям с целью сохранения трупа мамонта, было бы просто смешно – ведь об этом так много написано и сейчас любой может увидеть его чучело в ленинградском музее.

Каждая из повестей рисует события, происшедшие в некую геологическую эпоху в каком-то малом уголке тогдашнего мира. В них запечатлены далеко не все живые существа того времени, а лишь незначительная их часть из той или иной области. Имей это в виду, дорогой читатель!

И еще одно хорошо запомни – мир вокруг не всегда был таким, каким ты сейчас его видишь. Он – результат неизмеримо долгого эволюционного процесса, который начал происходить сразу же после возникновения Земли и жизни на ней. Эволюционные предыстории невероятно длинны: одна началась не менее 2-3 миллиардов лет до н.э., другая – не менее 1¹/₂ миллиарда лет тому назад.

В течение тех неизмеримо долгих веков Земля неустанно изменяла свой облик. Исчезали старые материки и возникали новые, древние хребты превращались в едва всхолмленные равнины, а горообразующие процессы заставляли подняться высоко к облакам новые вершины. Обширные болотистые чащи становились безотрадными пустынями и пустошами, в то время

как в других местах обильные осадки и паводки создавали из унылой местности буйно поросший растениями край. От элементарнейших, простейших форм, от живых белковых комочков за несчетные века эволюции произошли сегодняшние сложные формы животных и растений вплоть до самого человека, который никем не сотворен, а является таким же продуктом развития, как и все существующие на Земле организмы.

Чтобы лучше разбираться в этой древней эволюционной истории Земли, ее разбили на отдельные отрезки времени, т.н. геологические эпохи, или эры; чем старше эпоха, тем больше миллионов лет она длится. Эры также делятся на меньшие отрезки, т.н. геологические периоды, как правило, тоже продолжавшиеся много миллионов лет. Такая классификация нам четко указывает, в какой из них животный и растительный мир достигли своего расцвета и когда появился человек. Из этих фактов мы очень ясно и уверенно видим, что жизнь не была застывшей и неизменной, а наоборот, изменялась в ходе геологических периодов, постоянно совершенствуясь и усложняясь.

Так что, дорогой читатель, имей все это в виду!

Действие первой повести „*Из глубин древности*“ происходит больше 150 миллионов лет назад около Зольнхофена и Айхштета в нынешней Баварии, в верхнем юрском периоде мезозоя. Тогда эта местность выглядела иначе: там был морской берег с многочисленными лагунами и зелеными островами из тайнобрачных и голосеменных растений, прежде всего папоротников, саговников и хвойных. Покрытосеменных (цветковых) растений тогда еще не существовало. В ту пору в здешнем море осаждался тонкий шлам, который по прошествии долгих эпох превратился во всемирно известный литографский камень. Его добывали в окрестностях Зольнхофена и Айхштета.

Но не только литографский камень отменного качества прославил два местечка в Баварии. Это сделали окаменелости, найденные при его добывании и вызвавшие изумление не только у рабочих, но и у специалистов. Помимо чисто морских

обитателей (различных кораллов, медуз, моллюсков, головоногих, рыб, ракообразных, ящеров и черепах) здесь обнаружили и много останков сухопутных животных, унесенных в воду ветром или же смытых с берега волнами. Но к наиважнейшим и интереснейшим находкам из всех, которые вообще были здесь сделаны, относятся многочисленные скелеты крылатых ящеров родов *Pterodactylus* и *Rhamphorhynchus*, скелет мелкого динозавра рода *Compsognathus* и, наконец, два скелета древнейших первоптиц родов *Archaeopteryx* и *Archaeornis*.

Крылатые ящеры, когда-то жившие там в стаях, относятся к самым удивительнейшим из когда-либо существовавших созданий. Это были отлично приспособленные к полету рептилии. Они имели полые кости, а передние конечности превратились в летательный аппарат. Здесь обитали преимущественно две их категории: птеродактили и рамфоринхи. Величина птеродактилей изменялась в зависимости от видовой принадлежности; самые мелкие были размером с воробья, самые крупные – с ястреба. Кожу имели сморщенную, без чешуи. Питались они в основном мелкими рыбешками, чаще всего из рода *Leptolepis*. По-видимому, птеродактили жили стаями и были дневными хищниками. Рамфоринхи отличались от них длинным хвостом, более длинными и узкими крыльями и большим черепом. Останками зольнхофенских и айхштетских летающих ящеров можно полюбоваться почти во всех больших палеонтологических коллекциях. Зато хорошо сохранившийся скелет маленького хищного динозавра рода *Compsognathus*, во взрослом состоянии бывшего размером всего лишь с кошку, оказался уникальной находкой. Его обнаружили в Яхенхаузене, к востоку от Айхштета.

Однако наиважнейшими находками являются оба скелета первоптиц. Их история любопытна. Кости первой из них, относящейся к роду археоптерикс, обнаружили в 1861 году в Зольнхофене. Владельцем останков удивительного существа, похожего на пернатое пресмыкающееся, стал зольнхофенский доктор Эрнест Хаберлейн. Поскольку он не был ни

просвещенным человеком, ни коллекционером, но зато обладал хорошим коммерческим чутьем, то сразу же предложил продать археоптерикса. И хотел за него весьма немало! Он запросил за окаменелость 14000 марок и именно за эту цену продал ее лондонскому музею. В Лондоне эти редкостные останки подробно изучил сэр Ричард Оуэн и назвал существо *Archaeopteryx lithographica macrura*, т.е. „первоптица литографская длиннохвостая“.

Немецкие палеонтологи пребывали в горе – редкостная единичная находка была навеки потеряна для отечественной науки. Поэтому их сильно взволновало пришедшее 16 лет спустя известие о том, что в Айхштете нашли другой скелет первоптицы, гораздо лучший и в большей сохранности, чем первый. Тем временем сын доктора Хаберлейна разыскал новые останки первоптицы и, как сделал его отец, тут же собирался их продать. Ничуть не смущаясь, он назначил цену за первоптицу в комплекте с кучей обычных и испорченных окаменелостей в размере 36000 марок. Сумма эта по тогдашним временам была огромной. И, конечно, эта первоптица однажды „улетела“ бы из Германии, если бы в последний момент ее не купил по сниженной цене в 20000 марок В. фон Сименс, который за те же деньги продал ее прусскому двору. Оттуда окаменелость передали для исследований и хранения в Берлинский музей, где Дэймс подробно описал ее и дал ей имя *Archaeopteryx siemensii*. Однако позже югославский палеонтолог Бронислав Петрониевич доказал, что берлинская первоптица относится к иному роду, нежели лондонская, и потому обозначил ее новым родовым названием *Archaeornis*, используемым и поныне.

В истории естественных наук находки этих верхнеюрских первоптиц сыграли значительную роль. Я должен также заметить, что время обнаружения первой из них (1861) совпало с первым выступлением Чарльза Дарвина, ведь как раз за два года до этого события он опубликовал свой знаменитый труд „О происхождении видов“ (1859), которым заложил первые прочные и документированные основы учения об эволюции. Нужно припомнить и тот факт, что ученые того времени не осмелились сразу принять эту точку зрения. Большинство из них

растерянно выжидало, некоторые вообще отвергли новую теорию. Лишь малая часть тогдашних естествоведов осознала, что этой книгой Дарвин создал новые и правильные устои для мышления и исследований в области естествознания.

И в это время научной неуверенности и выжидания в 1861 году пришло поразительное известие о том, что в верхнеюрских известняках Зольнхофена были обнаружены удивительные останки животного, подобного рептилии, но имеющего перья и крылья как у птицы. Однако никто не стал рассматривать найденную окаменелость с точки зрения нового учения Дарвина, а между тем она являлась лучшим его подтверждением. Для приверженцев дарвиновой теории останки первоптицы из Зольнхофена представляли собой явное доказательство признанного и поддерживаемого ими учения, ведь они видели в этом некую переходную форму от рептилий к птицам; сожалели только о том, что столь важное в эволюционном плане создание попало в руки ученых в неполном виде – без головы и шеи.

Противники эволюционной теории о развитии простейших форм жизни в более сложные и совершенные, всегда с полным правом отрицавшие значение находки из Зольнхофена в качестве переходного звена между рептилиями и птицами, разом умолкли, когда 16 лет позже была обнаружена айхштетская первоптица. В этот раз останки хорошо сохранились – вместе с головой и шеей, кости лежали в положенных местах и прекрасно различимые распущенные перья неопровержимо указывали на птичьи черты этого загадочного создания. Тогда же возник и слух, что, дескать, зольнхофенский экземпляр был искусно изготовлен с помощью специальных инструментов и потом дорого продан как удачная палеонтологическая подделка.

Значение этих верхнеюрских первоптиц уже многократно разъяснялось. Совокупность признаков скелета заставляет нас отнести их к птицам, но одновременно ряд других особенностей показывает необычайно низкую эволюционную ступень в рамках указанного класса позвоночных. Хотя палеонтологи еще задолго до этого предполагали, что птицы произошли от пресмыкающихся, но лишь эти находки предоставили неоспоримое доказательство данной гипотезы. О путях,

которыми эволюция направляла наиболее вероятные группы сухопутных рептилий с конца палеозоя и с самого начала мезозоя, чтобы создать из них археоптерикса и археорниса, до сих пор очень мало известно. Зубастые первоптицы величиной чуть больше голубя обитали в цикадовых и араукариевых рощах вблизи прибрежных лагун. А как они жили и в соседстве с какими созданиями, ты узнал из моего рассказа, дорогой читатель.

Прежде чем закончить свое примечание к повести „*Из глубин древности*“, хотелось бы ознакомить тебя, дорогой читатель, с еще одним интересным фактом. Я лишь мимоходом упомянул кистеперых рыб рода *Undina*. Да, это название промелькнуло в повести совсем незаметно, оно не могло разъяснить тебе их роль в процессе возникновения более развитых классов позвоночных, также ты не узнал об удивительном, поистине сенсационном зоологическом открытии, взбудоражившем не только специалистов, но и широкую общественность. Поэтому, пользуясь случаем, я расскажу тебе о кистеперых рыбах вообще и немного о недавней сенсации.

В том, что земноводные произошли от рыб, у прогрессивных палеонтологов давно не было никаких сомнений. Однако если раньше роль предков первых наземных четвероногих, т.е. панцирноголовых протоамфибий, или стегоцефалов (*Stegocephalia*) отводилась двоякодышащим рыбам (*Dipnoi*), то теперь мы знаем, что они – потомки кистеперых, или целакантовых рыб (*Crossopterygii*), это неоспоримо доказывает в первую очередь скелетное строение их черепа и конечностей. Поэтому на страницах эволюционной летописи им отводится невероятно важное и примечательное место. Развитие этих рыб происходило в древних морях; последний ископаемый представитель известен из отложений мелового периода.

Тем не менее, до недавних пор зоологи относили к кистеперым и два рода пресноводных африканских рыб *Polypterus* и *Calamichthys*, но по поводу этого родства всегда возникали весьма большие сомнения. Исследования

выдающегося советского ученого Л. С. Берга внесли, наконец, в проблематику классификации этих животных желанную ясность. Оба рода пресноводных африканских рыб относятся сегодня к семейству многоперовых (*Polypteridae*), правдоподобней всего его родство с лучеперыми, в то время как с кистеперыми у них нет никакого близкого сходства. Хотя *Polypterus* и *Calamichthys* все же имеют некие общие черты с кистеперыми (и, само собой, с двоякодышащими) рыбами, это следует рассматривать всего лишь как внешнее подобие, но не как знак близкого родства. Тщательное и критическое изучение Л. С. Бергом двух африканских родов разом и навсегда исключило их из числа кистеперых. Так и получилось, что эту группу рыб с тех пор было принято рассматривать как давно вымершую.

Потому-то по-настоящему огромной научной сенсацией стали первые сообщения о поимке живой кистеперой рыбы, хотя исследования Берга предполагали вымирание их последних представителей в морях мелового периода, т.е. по крайней мере от 80 до 60 миллионов лет назад. Вот об истории обнаружения этих живых реликтов, дорогой читатель, я и хочу тебе поведать. Но это не просто занимательный рассказ, ты также будешь удивлен упорству ученого, который на пути к поставленной цели не испугался трудностей, не обращал внимания на неудачи и не заботился о времени, чтобы добиться желаемого результата.

Это произошло 22 декабря 1938, когда в Индийском океане возле юго-восточного побережья Африки напротив устья реки Чалумна местный рыбак поймал странное существо. Вытаскивая из глубины свою сеть, он увидел, что в ней мечется рыба длиной более 1½ м, совершенно ему незнакомая. Была она синего цвета со стальным отливом и имела сильные зубатые челюсти, которыми постоянно угрожающе щелкала. Рыбаку не оставалось ничего другого, как убить выглядевшее опасным и весившее почти центнер создание. Для науки было великой удачей то, что этот простой человек не выбросил незнакомую ему и, следовательно, бесполезную рыбу обратно в море, а взял ее с собой на материк в качестве странной диковины. Когда рыбак на своей барке привез странный улов на пристань в Ист-Лондоне,

поднялся настоящий ажиотаж, ведь такого еще никто никогда не видел.

И тогда кто-то сделал разумную вещь: поднял телефонную трубку, набрал номер и когда на другом конце провода отозвалась Куртене-Латимер, заведующая ист-лондонским музеем, сообщил, что один из рыбаков привез с собой большую и странную, никому не известную рыбу. Заведующая музеем без промедления тотчас же отправилась к пристани. Оказавшись там и удивившись странному улову, она сразу же поняла, что речь идет о действительно неизвестной рыбе необычного вида. Несмотря на то, что заведующая изо всех сил старалась сохранить находку для музея, что ей, в конце концов, удалось, все же страшный зной южноафриканского лета поспособствовал быстрому разложению, так что, в конце концов, получилось уберечь только кожу неведомого создания.

Заведующая музеем хотела по возможности опознать незнакомую рыбу, но быстро поняла, что ей не хватает для этого ни достаточного опыта, ни специальной литературы в библиотеке. Поэтому она обратилась за советом к профессору Дж. Л. Б. Смигу, который работал в музее Грейамстауна, удаленном от Ист-Лондона на 120 км, и который был отличным знатоком рыб южно-африканских водоемов. Он уже по присланному рисунку понял, что этот улов был поистине редкостным и на бумаге изображен некий представитель кистеперых из семейства *Coelacanthidae*, которые предположительно вымерли в меловом периоде. Позже, подробно осмотрев находку, профессор убедился в том, что не ошибся и назвал ее *Latimeria chalumnae*, а при сравнении выяснил, что латимерия весьма похожа на род *Undina* из юрского периода.

Сообщение Смита об открытии живой кистеперой рыбы из семейства *Coelacanthidae* разлетелось по всему свету и завладело умами не только специалистов, но и самых разных людей. Во всех научных журналах и на ученых собраниях разгорелись жаркие дебаты об этой неожиданной диковинной находке. Это было действительно открытием „живой окаменелости“, ведь *Coelacanthidae*, чьи первые представители

известны из пермских морей, а последние – из меловых, оказались не вымершей и до сих пор существующей ветвью кистеперых рыб. Это действительно стало научной сенсацией, когда из Индийского океана появилось создание, считавшееся давно принадлежащим геологическому прошлому. И ученые были чрезвычайно довольны этой находкой, которая, бесспорно, знаменовала существенное обогащение их познаний и являлась по своей значимости равноценной обнаружению, скажем, живого потомка мезозойского динозавра; однако они сетовали на то, что не удалось сохранить задние мягкие части тела рыбы, исследование которых могло бы предоставить многие важные сведения, кое-что выяснить и подтвердить.

Тогда же в первый раз были предприняты усилия по поиску удивительных и замечательных латимерий. И прежде всего этим занялся профессор Смит, с целеустремленностью истинного ученого намеренный найти другие экземпляры. Поскольку у него не было финансовых средств для организации специальной экспедиции, которая могла бы обследовать воды вокруг южной Африки и Мадагаскара на предмет поимки новых кистеперых рыб, он придумал хоть и дешевый, но действенный способ для поиска. В типографии Грейамстауна профессор заказал множество листовок, на которых изображалась латимерия и описывались ее отличительные признаки. Там же указывалась и премия, достаточно большая за первые два улова. Листовки были напечатаны на английском, французском и португальском и в большом количестве распространены по всему восточному побережью Африки. Смит надеялся, что они окажутся в руках множества проживающих там рыбаков и обывателей и те помогут ему разыскать других латимерий, он твердо верил, что там, где водится одна такая рыба, наверняка найдутся и другие. Профессор начал распространять листовки и терпеливо ждать. Ждал пять лет, ждал десять лет, но все напрасно. Он уже начал было подумывать все-таки устроить экспедицию, которая бы систематично осматривала воды вдоль восточно-африканского побережья. Возможно, Смиту даже удалось бы достать денег для ее организации, но годы второй мировой войны не благоприятствовали его замыслу. Так что он по-прежнему ждал.

Миновало полных 14 лет с того дня, как заведующая музеем Кутерне-Латимер приобрела у местного рыбака на пристани Ист-Лондона пресловутую латимерию. Это было опять в декабре, но уже в 1952 году, когда профессор Смит возвращался со своей супругой из опытной экспедиции в Кении. Прибыв на Занзибар, он на некоторое время задержался там. И именно в последний день его пребывания на острове – 13 декабря – профессор повстречался с капитаном Э. Э. Хантом, который вел торговлю на Коморских островах, лежащих между Занзибаром и Мадагаскаром. Поскольку Смит и его жена утверждали, что искать рыбу нужно прежде всего в этих водах и сам капитан необычайно заинтересовался ей, миссис Смит очень подробно описала ему латимерию, а заодно и разъяснила ее значение для науки. А еще она вручила ему кучу листовок. Капитан Хант пообещал ей, что с этой минуты начнет усиленно расспрашивать про латимерию, когда снова окажется на островах. И он выполнил свое обещание.

24 декабря, одиннадцать дней спустя после разговора Ханта с миссис Смит, профессор Смит получил в Дурбане телеграмму от него. Капитан сообщал, что возле острова Анжуан, относящегося к Коморскому архипелагу, была поймана еще одна латимерия и что он раздобыл эту рыбу. Профессор решил тут же ехать к капитану Ханту. Но так как речь шла о расстоянии в 3200 км, Смит запросил военный самолет непосредственно у южноафриканских властей, потому что во всех других ведомствах его ходатайство было отклонено. Раздобыв себе средство перемещения, профессор вместе с пилотом отправился в путь, не устранившись бури, которая начиналась как раз перед отлетом. После благополучного приземления капитан Хант показал ему пойманную рыбу и Смит тотчас же опознал в ней еще один экземпляр выживших кистеперых. Он также выяснил, что поймал ее местный рыбак Хуссейн на глубине 80 м и в 400 м от берега, где находится его родная деревня Домини на острове Анжуан. Сперва Хуссейн не уделил добыче особого внимания, хотя ему пришлось с ней повозиться – затащить в лодку, потом долго умирять, пока, наконец, не удалось убить ее ударом весла по голове. И лишь

утром следующего дня, когда он привез продавать свой улов, один из приятелей сообщил Хуссейну, что он поймал ту самую рыбу, которая изображена на недавно розданных всем листовках.

Это заявление вызвало на рынке чуть ли не панику. Все бросились к Хуссейну, чтобы собственными глазами взглянуть на рыбу, которая, прежде всего, привлекала назначенной за нее большой ценой. Об улове узнал и капитан Хант. Он сразу же встретился с Хуссейном, выплатил ему положенную награду и таким образом заполучил рыбу, тут же подав об этом весть профессору Смигу. После детального изучения нового экземпляра ученый распознал в нем другой вид и род, который назвал *Malania anjouanae*. Этот представитель кистеперых был 1,38 м в длину и весил 55 кг.

Осталось напоследок добавить, что после обнаружения *Malania*, очень похожей на латимерию или даже относящейся к тому же самому виду, за следующие три года возле Коморских островов удалось поймать еще 7 штук этих удивительных кистеперых рыб. Это ясно доказывает, что семейство *Coelacanthidae* избежало полного вымирания и как редкостный реликт древних эпох сохранилось до наших дней.

Действие второй повести, „Драконья долина“, происходит снова в мезозое, но уже на территории сегодняшней Северной Америки. Геологический период в конце этой эры – верхний мел (верхнемеловой), стал последним этапом существования чудовищных динозавров, хищных и травоядных. С его завершением эти дикийвинные рептилии, бывшие в течение всего мезозоя самыми большими живыми существами тогдашних континентов, навсегда исчезли с поверхности Земли. Но именно в верхнемеловом периоде, перед самым исчезновением, на территории современных Соединенных Штатов Америки и Канады появились наиболее удивительные их виды, которые не в состоянии вообразить самая буйная человеческая фантазия. Однако все эти чудовища (*Gorgosaurus*, *Palaeoscincus*, *Scolosaurus*, *Monoclonius*, *Struthiomimus*, *Corythosaurus*, *Styracosaurus*, *Parasaurolophus*) существовали на самом деле, о

чем можно судить по сохранившимся скелетам. Их извлечение из песчаниковых скал в сегодняшних отдаленных и пустынных областях стоило много труда и денег. Действие повести, иллюстрирующей эпизоды из жизни этих чудовищных рептилий, разворачивалось не менее 75 миллионов лет тому назад!

Третья повесть, „*Гибельное озеро*“ приводит нас в Южную Америку, в Патагонию. Здесь мне добавить особо нечего, ты ведь знаешь, почему погибла скариттия. Могу лишь сказать, что исследователем, обнаружившим ее останки в Ринкон де Скаритт, был американский палеонтолог Симпсон. Он нашел там несколько скелетов, лучший из которых, принадлежавший *Scarittia canquelensis*, выставлен в Американском музее естественной истории в Нью-Йорке. На основании результатов исследований, собранных после той выдающейся находки, Симпсон выдвинул гипотезу о массовой гибели скариттий и о том, что обнаруженное им место стало общей могилой. Он считает, что там лежат еще сотни скелетов, ждущих своего извлечения. И как ты уже знаешь, дорогой читатель, продолжительность времени, минувшего с момента гибели скариттии, можно оценить в 25 миллионов лет.

А еще в повести упомянуты Збрашовские арагонитовые пещеры. Думаю, что не будет лишним рассказать тебе, дорогой читатель, немного больше об этом древнем природном памятнике, уникальном не только для нашей Родины, но и для всей Европы. Произошло это во время Рождества в 1912 году, когда люди в маленьком селении Збрашове возле Границе-на-Мораве с изумлением наблюдали небывалую картину: на сильном морозе из узкой расщелины в известняковом карьере поднимался столб горячего пара высотой около 10 метров. Новость об этом удивительном явлении быстро разнеслась по деревушке, услышал ее и Йозеф Хромий – тогдашний староста, про которого всей округе было известно, что он в результате частной учебы приобрел изрядный запас знаний по природоведению. Посетив карьер, от сразу же понял, что дело тут не в пробуждающейся вулканической активности, как

настаивали перепуганные люди, а в том, что поднимающийся из недр девонских известняков столб пара представляет собой поток теплого воздуха изнутри, сконденсировавшегося на морозе. Это открытие порадовало старосту, ведь после долгих и напрасных поисков он наконец-то стоял перед проемом, через который мог спуститься под землю в лабиринт пещер, существование которых уже давно предполагал.

С первыми исследовательскими работами Йозеф Хромий начал уже в январе 1913 года. Вместе со своим братом Ченекон они начали расширять расселину и когда наконец смогли протиснуться через нее, то собрали все веревки, какие нашлись, связали их и спустились в неведомую подземную полость. При этом произошло несчастье – их примитивный трос оборвался. Хорошо еще, что случилось это в самом конце спуска, в двух метрах над полом одного из пещерных залов. При падении карбидные лампы исследователей разбились и они лежали в непроглядной и гнетущей тьме на каменной поверхности, боясь пошевелиться, чтобы не скатиться по наклонному откосу в неведомые глубины.

Лишь много позже они узнали, вблизи какого гиблого места оказались. Ведь мужчины свалились как раз на край целиком заполненного опасным углекислым газом углубления – того самого, куда сегодня ведут каменные ступеньки. Двое исследователей радовались тому, что не получили никаких ранений за исключением нескольких царапин. Но спустя недолгое время их начал одолевать страх из-за невозможности самим выбраться наружу, потому что расселина, по которой спускались, была извилистой, а когда они падали, то слышали, как следом сыпались камни. Оставалась одна лишь надежда на сына Станислава, который остался наверху и с которым договорились так: если к восьми часам Йозеф с братом не выберутся наружу, то он должен вытащить трос и идти за помощью. Такая предусмотрительность окупилась сполна. Когда к назначенному сроку так никто и не появился, Станислав вытянул веревку, увидел, что она оборвана и тут же побежал за помощью. И спасателям удалось поднять обоих исследователей.

Этот первый драматический спуск не только не удержал Йозефа Хромого от дальнейших изысканий, но и, как можно сказать сегодня, побудил его посвятить весь остаток жизни (с использованием всего своего состояния) изучению и благоустройству системы збравских пещер. Благодаря заслугам этого простого, но самозабвенно воодушевленного мужчины, его дочери Марии, Й. Сигла и других его многолетних соратников в Моравии возник природный памятник необыкновенной редкости, с многих точек зрения более выдающийся, чем знаменитая красота этого края. Но он появился не просто так, а стал доступен в результате бескорыстной работы по обустройству, и нет сегодня такого туриста, посетившего лесистые Бескиды и при этом не подошедшего к подножью той самой горы, чтобы заглянуть в Збравские арагонитовые пещеры. Однако не только путешественники, но и многие гости курортных мест – больные или просто отдыхающие там – подивились красоте подземных просторов.

Збравские арагонитовые пещеры находятся в тесном соседстве с курортом Теплице, расположенном на реке Бечве возле Границе по маршруту Пршеров – Моравская Острава. Войти туда можно, сделав несколько шагов за здание водолечебницы и за капеллу св. Перегринана. От нее по склону серпантинном вьется путь, ведущий к старому карьере, из расщелины которого поднимался когда-то тот сгустившийся пар. Со скалистой вершины открывается прекрасный вид на долину реки Бечва и город Границе. Здесь мы оказываемся на маленьком островке сильно растрескавшихся девонских известняков. Эти расщелины, возникшие когда-то в третичном периоде, направлены на северо-запад и юго-восток и определяют не только формирование ходов и обширных залов под землей, но и возникновение Границкой пропасти, называемой также „Кматорвой дырой“ и „Макушкой“, находящейся напротив пещер на другом берегу реки. Сама пещерная сеть сегодня весьма обширна. Длина коридоров (помимо самых больших ответвлений) составляет свыше 300 метров. Не считая короткого спуска по удобным ступеням,

прогулка по пещерам не представляет никакого труда, потому что практически постоянно идешь по бетонным дорожкам на горизонтальном дне. В самое последнее время также обустроили новый выход, чтобы посетителям не нужно было возвращаться к входу, как происходило раньше. Теперь, выйдя наружу, они оказываются прямо над колоннадой водолечебницы на берегу реки Бечвы.

Збрашовские пещеры сильно отличаются от всех других пещер. Настоящие сталактиты можно увидеть там лишь в немногих местах, зато проявления природных сил делают их намного более интересными и запоминающимися. Тут и газовые озера, и гейзеровые сталагмиты, и кристаллические друзы арагонита. Поскольку мы находимся здесь в зоне мощного горного прохода, Моравских Ворот, то пустоты эти проникают глубоко в недра земли. Оттуда-то наверх и поднимаются потоки теплого воздуха вместе с двуокисью углерода. Они нагревают и насыщают газом воды, циркулирующие под землей. А те уже пробивают себе дорогу в растворимых веществах горных пород и появляются на поверхности в виде теплых минеральных источников, прямо на которых построен курорт Теплице-над-Бечвой.

В других местах углекислый газ и теплый пар выделяются сами по себе; так, например, они пузыряются в воде самой Бечвы, попадают в озерцо на дне пропасти „Макушки“ и по многочисленным трещинам проникают в подземные просторы. Поскольку двуокись углерода тяжелее воздуха, газ этот скапливается в углублениях пещеры, связанных с основным горизонтальным путем идущими под углом проходами. Они ведут к газовым озерам, чья поверхность связана с барометрическим давлением – если оно повышается, уровень озера понижается и наоборот. Температура на их дне составляет около 20° С (а средняя температура пещер около 15° С). К углекислому газу там примешиваются сероводород и мышьяковистый водород, так что эта смесь не только непригодна для дыхания, но и ядовита и препятствует доступу в такие места без кислородного дыхательного аппарата.

Мимо двух больших газовых озер проходит каждый

посетитель пещеры; одно находится в т.н. „Туннеле“ (к его поверхности ведут упоминавшиеся в повести каменные ступени), другое – в т.н. „Пещере смерти“. Гейзеровые сталагмиты в этих местах являются окаменевшими свидетелями некогда весьма высокой активности источников и газов. Их нельзя считать настоящими, потому что они образованы не каплюющей, а текущей водой. Сталагмиты эти выглядят как конусы порой до 1 м высотой, с кратерообразной полостью по всей длине. Выросты на скальном и глинистом дне пещер возникли потому, что быстро текущая, насыщенная углекислым газом минеральная вода осаждала вокруг источника растворенный известняк, который сначала смешивался с глиной, а уже потом оседал в чистом виде. На дне „Туннеля“ есть искусно установленная группа гейзеровых сталагмитов, тем самым очень наглядно показывается их происхождение и появление в ходе природных процессов.

Великой достопримечательностью збращовских пещер является арагонит – ромбовидно кристаллизовавшийся обычный известняк. Он покрывает стены друзами красивой формы, самая прекрасная из которых находится в коридоре под названием „У Ежика“. Мировую редкость также представляет собой огромное образование, находящееся на потолке в „Юрковом зале“ – т.н. „Занавес“. Он весь покрыт игольчатыми друзами, преломляющими свет в невообразимо прекрасной игре блестящих вспышек. Именно высокая температура позволила возникнуть здесь кристаллам арагонита, которые нет смысла искать в других наших пещерах.

Если ты, дорогой читатель, еще не знаком с красотой збращовского подземного царства, столь отличающегося от других, где ты уже побывал, то не забудь во время проезда по граничному краю заглянуть в Теплице-над-Бечвою. Ты увидишь там такие чудеса, которые не найти больше нигде!

События четвертой повести **„Битва чудовищ“** разворачиваются в раннем третичном периоде – в верхнем эоцене на территории Египта, где именно в те времена начали свой эволюционный путь хоботные. Их последние нынешние

представители – это слоны. А те древние верхнеэоценовые хоботные вообще на них не походили. Они, скорее, внешне напоминали тапиров, были примерно той же величины и вели сходный с тапирами или карликовыми бегемотами образ жизни. Палеонтологи назвали этих предков всех хоботных меритериями.

По сравнению с любыми своими потомками меритерии имели самый полный набор зубов; в каждой половине верхней челюсти находились три коренных зуба-моляра, три премоляра, клык и три резца, а в нижней – три коренных, три премоляра и два резца. Такому жевательному аппарату современные слоны могут только позавидовать! Зубы те были еще весьма простыми, с бугорчатыми коронками. Второй верхний и второй нижний резцы уже превратились в маленькие бивни, что стало главной причиной, по которой меритериев признали родоначальниками отряда хоботных. Должно было миновать неизмеримо долгое количество лет и произойти множество изменений, чтобы в ходе эволюции на смену тапиропоподобному зверю явился величественный облик современного слона.

В ту же самую эпоху на территории сегодняшнего Египта вместе с меритериями обитали и другие удивительные существа, чьи останки впервые обнаружил Биднелл в 1900 году и которые в 1906 году подробно описал Эндрюс, назвав животное *Arsinoitherium zitelli*. Это были громадные, свыше 3 метров в длину копытные, о чьем происхождении и поныне известно лишь немного. Весьма удивительно то, что эти колоссы древних времен находятся в весьма близком родстве с даманами, которые сегодня представляют собой небольшой отряд копытных размером всего с кролика, но в третичном периоде выглядели по-другому, их видов тогда насчитывалось гораздо больше и они играли важную роль в эволюционном процессе.

С тех пор, как меритерии и арсинойтерии населяли Египет, прошло очень много времени – не менее 35 миллионов лет!

Пятая повесть „**Пернатый великан**“ вновь возвращает нас в Южную Америку, опять в Патагонию, где в начале позднего

третичного периода в миоцене обитали гигантские, неспособные летать птицы рода фороракос. Они были хищниками с крючковидно загнутым клювом. Родиной фороракосов считают внутренние области Антарктиды, которая в те далекие времена не была такой негостеприимной как сейчас. Эти пернатые хищники, внушавшие страх и ужас всем прочим обитавшим в тех местах животным, могли бы послужить отличным подобием сказочной птицы Рух, с которой они, конечно же, не имели ничего общего.

Вместе с гигантскими птицами в тогдашней Патагонии обитали дикихвиные копытные вымерших отрядов аstrapотериев (*Astrapotherium*), токсодонов (*Adinotherium*) и литоптерн (*Theosodon*). Кроме этих интересных травоядных, не имеющих аналогов среди современных животных, там же жили и сумчатые хищники, прежде всего протилацины и боргиены.

С того момента, как фороракос невольно спас теозодона-самку с детенышем от нападения протилацинов, миновало не менее 15 миллионов лет!

- - - - -

Шестая повесть „*Предательская тропинка*“ возвращает нас из далеких стран домой, в Чехию, в огромную котловину возле Рудных гор, которая в позднем третичном периоде выглядела совсем иначе, чем сегодня.

Тогда там еще был теплый субтропический климат, а в безграничных лиственных лесах привольно росли различные виды дубов, буков, кленов, орехов, сумаха, вязов, платанов, каштанов и других деревьев, которые сейчас встречаются в южной Европе и в Закавказье. Хвойные чащи образовывали сосны, секвойи, тисы, глиптостробусы и прочие. Тропические виды, например, пальмы, уже отступили к югу, в те времена там можно было обнаружить лишь последние их остатки. Во многих местах располагались озера, пруды и топи с обширными торфяниками, давшие начало сегодняшним буроугольным бассейнам, а заодно и экономическому буму во всем этом регионе.

В той великой рудногорской котловине обитало тогда множество удивительных животных, некоторые из которых

стали главными, а другие – второстепенными участниками повести, многие тамошние виды я вообще не упомянул. Одними из представителей этой разнообразной фауны являлись, например, амфиционы – древние хищники, похожие сразу и на собаку, и на медведя, величиной примерно с сегодняшнего крупного волка. Они неустанно преследовали всех тех животных, для добычи которых им хватало силы и мощи. Жертвами их главным образом становились протосвињи родов *Hyotherium* и *Choerotherium*, пугливые тапиры рода *Palaeotapirus* и первые оленевые (*Palaeomeryx* и *Dicroceros*). Постоянной угрозой для всех этих травоядных был и симицион – напоминающий шакала хищник, но гораздо больших размеров. Обитали здесь и другие животные: могучие мастодонты и дейнотерии, рогатые и безрогие носороги, различные проточерепахи и протокрокодилы.

Про двух тамошних созданий я хотел бы тебе кое-что рассказать. Первым из них является гигантская, свыше метра длиной саламандра, описанная как *Andrias bohemicus*. История обнаружения этой огромной амфибии весьма любопытна. Первые остатки скелета были найдены в верхнемиоценовых известняках возле Эннингена в Бадене. Они попали в руки Иоганну Якобу Шейхцеру, ученому лекарю из Цюриха. Вот он-то и описал в 1726 году эту находку как „homo diluvii testis“, т.е. „человек – свидетель потопа“, а к описанию сделал цитированное много раз примечание:

*„Betrübtet Beingerüst von einem alten Sünder,
erweiche Sinn und Herz der neuen Bosheitskinder!“*

Это двустилишие несколько раз было переведено на чешский неизвестными авторами:

„Унылый скелет грешника старого, смягчи камень и сердце мира нашего!“

„Сей грешник из древности, остоу костлявый, пусть сердце и мысль новым людям направит.“

„Печальный скелет убогого грешника, смягчи сердце и ум нынешних потомков людских!“

Этот „homo diluvii testis“ долго служил научным

доказательством всемирного потопа и уничтожением всего живого. И лишь в 1881 году известный французский палеонтолог Жорж Кювье заявил после изучения останков в хаарлемском музее, что „старый грешник“ – не что иное, как скелет гигантской саламандры, которую он назвал *Andrias scheuchzeri*. Занятно то, что семейство этих огромных амфибий было классифицировано палеонтологами по окаменелостям раньше, чем нашли его существующих ныне представителей.

А вымершая саламандра вида *Andrias bohemicus* обитала на территории Чехии, в реках Рудных гор. Ее мертвое тело было унесено водой вниз, к их подножию, где на месте сегодняшних Брешнян было, скорее всего, большое озеро, в его придонный ил труп погрузился на долгие времена. Когда позже водоем исчез и наносные отложения превратились в камень, в нем застыл и скелет гигантской саламандры. В затвердевшем иле возле Брешнян еще и сегодня можно наткнуться на того самого „безбожного грешника, ничтожного свидетеля потопа“.

Но самым удивительным зверем тех краев был все-таки макротерий, чей обнаруженный под Сансаном недалеко от Симора во Франции полный скелет впервые описал Ларте. Именно эта находка прояснила детали диковинного телосложения животного, потому что наличие лишь отдельных костей приводило палеонтологов в недоумение, ведь своими конечностями существо напоминало неполнозубых, а зубами – копытных. Столь странная комбинация казалась просто невозможной, пока, наконец, не выяснилось, что это именно так – макротерий был когтистым родичем непарнокопытных, что даже на сегодняшний день противоречит общепринятым представлениям. Однако теперь известны уже несколько таких животных, которых относят к особой группе халикотериев (*Chalicotheriidae*). И строение тела у макротерия тоже было интересным: передняя часть – мощная, а задняя – приземистая, словно недоразвитая.

Как же изменился за прошедшие эпохи рудногорский край! Но и теперь он прекрасен и полон природных богатств – как на поверхности земли, так и под ней, где образовался уголь из стволов деревьев, росших во времена нашей повести – 10

миллионов лет назад.

Следуя событиям седьмой повести, „*Каменная могила*“, мы оказываемся в Северной Америке, где в 1928 году в расположенном в Нью-Мексико округе Донья-Ана, неподалеку от техасского Эль-Пасо в лавовой трещине обнаружили полный скелет неполнозубого млекопитающего рода *Nothrotherium*.

Была ли причиной падения нотротерия в базальтовую расселину атака смилодона или другого хищника, доподлинно неизвестно. Это могло случиться и по собственной невнимательности животного. Но совершенно точно, что нотротерий именно упал в трещину, он не мог искать там укрытие. Ее ширина на поверхности около 3 метров, отвесная стена уходит на глубину в 35 метров. Любой зверь, оказавшийся над трещиной, непременно должен был туда свалиться.

Этого давным-давно погибшего нотротерия обнаружили на глубине 30 метров. Поскольку после падения его тело защищал от вредоносных влияний широкий скальный выступ, занимавший значительную часть пространства внутри трещины, тело исключительно хорошо сохранилось. Скелет оказался полным, а все кости еще были соединены связками и сухожилиями. Также сохранились куски кожи и тканей, как и мощные когти на лапах. Труп животного в сухом воздухе из-за постоянной температуры подвергся природной мумификации, что для палеонтологов является наиболее желанным способом сохранения, ведь в этом случае доступны не только твердые части (кости, зубы и тому подобное), но и роговые когти, кожа, ткани и другие мягкие части тела.

Научным обследованием этих останков занимался профессор Ричард С. Лалл, директор Йельского музея естественной истории Пибоди в Нью-Хейвене. На основании сохранившегося помета он выяснил, что стало последней пищей несчастного неполнозубого, с момента смерти которого миновало более чем 500000 лет.

Восьмая повесть „*Смерть Ома*“ приводит нас в знаменитую на весь мир своей красотой Моравию, в стойбище

охотников на мамонтов, которые в раннем (ориньякском) периоде верхнего палеолита жили там в некоторых местах (самые известные из них – Моравский Карст, Пршедмости возле Пршерова и Вестонцы) и оставили после себя многочисленные следы деятельности на бывших стоянках.

К написанию этой истории меня подтолкнула одна редкостная находка, обнаруженная в Моравском Карсте, а ее появление имело в то время безмерно огромное значение для успехов в исследованиях доисторического человека. Послушай же об этом, дорогой читатель!

Еще примерно в 1880 году было немало ученых, утверждавших, что человек не существовал в одно время с мамонтами, с пещерными медведями, львами и гиенами, с древними турами и другими плейстоценовыми (дильювиальными) животными. Не будем удивляться, ведь тогда вообще не верили в то, что встречавшиеся в пещерах гравюры и рисунки – настоящие произведения искусства охотников на мамонтов и северных оленей; лишь голоса немногих пытались перевернуть эти старые неверные представления, но все их доводы отскакивали от университетских кафедр и скамей залов заседаний как горох от стенки.

Одним из тех, кто решительно отвергал идею сосуществования человека с плейстоценовыми животными, был и профессор зоологии из Копенгагена Я. Стенstrup. Он даже посетил известную стоянку Пршедмости возле Пршерова и потом заявил, что пршедмостинские кроманьонцы не охотились на мамонтов, а всего лишь воспользовались находкой какого-то их кладбища, т.е. местом, где погибло огромное стадо. И хотя такое утверждение было просто неприемлемым, для опровержения еще не имелось прямого доказательства. Но время его появления близилось.

Известный моравский исследователь, часто называемый „отцом моравской предыстории“, доктор медицины Йиндржих Ванкель нашел в слоупской пещере череп медведя с тяжелой, но зажившей раной на темени, которая вне всяких сомнений была нанесена каменным оружием древнего человека. В кости торчал обломанный наконечник. Древний охотник, атакуя пещерного

медведя, нанес оружием из яшмы настолько глубокую рану, что оно застряло и сломалось. Медведь смог выжить. Его рана хорошо зарубцевалась, но яшмовый наконечник он носил в черепе до самой смерти. После того, как зверь издох в той пещере и мягкие ткани его тела разложились, кусок камня выпал из зажившей кости. находка поспособствовала окончательному исчезновению ложных теорий о том, что человек не сосуществовал с животными плейстоцена. Череп Ванкель демонстрировал на всемирной выставке в Чикаго, где был награжден почетною медалью. То есть приключения Ома не полностью выдуманы мной.

И лев, который с любопытством разглядывал стойбище охотников, тоже тогда обитал в наших краях. Все тот же Ванкель обнаружил в одной из пещер его прекрасно сохранившийся полный скелет, он сейчас выставлен в венском Музее естествознания.

То, что колдуны-шаманы были важными членами племени, отгонявшими от него своими чарами любое зло, достаточно известно. То, что они надевали особые наряды при проведении колдовства, запечатлели в своих рисунках первобытные художники. Обряд, проведенный шаманом перед отправлением мужчин на охоту, реконструирован на основании находок, сделанных профессором Карелом Абсолоном на месте стоянки в Вестонице в южной Моравии.

Так ли произошло на самом деле все то, о чем ты прочитал, я не знаю; но подробности не столь важны как основные факты повествования и вот тут я придерживался правды. Период времени, пролетевшего с момента гибели Ома, никак не короче 30000 лет!

А что мне осталось добавить, дорогой читатель, к последней повести „*За мамонтом*“? Ты уже знаешь, что история эта произошла на бескрайних снежно-ледовых просторах Сибири, где в мерзлой почве порой попадаются трупы мамонтов и шерстистых носорогов.

Первые сообщения о таких находках появились уже давно, их сделал Избрант Идес, который в 1710 году (*прим. „перев.“: дата*

неверна, Идес умер в 1708 году, а его путешествие в составе русского посольства происходило в 1692-1695 годах) путешествовал в Китай через Сибирь. С ним тогда был проводник, который уже давно зарабатывал на жизнь поисками ископаемых слонов и потому многое знал об их трупах. Он рассказал Идесу, что когда-то нашел череп мамонта, весь красный от крови и еще с остатками кожи. Зато исполинская нога оказалась почти неповрежденной и он отвез ее в Туруханск. Когда Идес после своего возвращения поведал об этом, мало кто верил ему.

Только знаменитые находки в 1799 и в 1806 годах рассеяли такое недоверие. Послушай же, дорогой читатель, эти занимательные истории!

В 1799 году тунгусский старейшина Осип Шумахов в своих скитаниях в поисках мамонтовой кости добрался до самого берега Ледовитого океана и разглядел на высоком берегу в устье реки Лены в ледяной массе некий темный предмет, который он все никак не мог распознать. Придя туда наступившим летом, охотник так и не понял, с чем имеет дело. И только на третий год выяснил, что это труп огромного мамонта, чей бок и один из бивней высывались из льда.

Шумахов рассказал семье о случившемся, но особой радости от этого никто не испытал, поскольку между тунгусами было распространено поверье, что нашедшего мамонта всегда ожидают только несчастья. По странному стечению обстоятельств Шумахов после этого сильно заболел и целых два года не навещал это место. Но желание заполучить красивые бивни оказалось у северянина сильнее страха перед старыми поверьями. И вот мы снова встречаемся с Шумаховым в марте 1804 года возле трупа мамонта, который между тем уже целиком лежал на песчаном откосе. Охотник, не долго думая, отрубил бивни и быстро покинул это место. Позже он выменял их на продукты ценой в 50 старых рублей.

Когда в 1806 году ботаник Адамс посетил город Якутск и узнал о трупе мамонта, то немедленно отправился к месту находки. Труп он нашел в сильно поврежденном состоянии – якуты кормили мамонтиной собак, а медведи, лисы и волки утоляли ей свой голод. Скелет же был почти полным, за

исключением одной передней ноги. Голову покрывала кожа, хорошо сохранилась ушная раковина, заросшая шерстью; уцелели также глаза и мозг. Однако хобот отсутствовал. На той стороне тела, на которой лежал труп, хорошо сохранилась кожа, покрытая длинной и густой шерстью. Найденные останки Адамс в том же году отправил в бывший Петроград, где они до сих пор хранятся в музее. Оба отсутствовавших бивня он позже приобрел в Якутске. Судя по всему, ученого обманули при этой покупке, потому что по своей ширине они не соответствовали торчавшим из челюсти остаткам.

Произошедшее убедило тогда всех неверящих и сомневающихся в том, что в Сибири действительно можно найти трупы мамонтов. После этой знаменательной находки было сделано много других, самой известной из которых стала та, о которой рассказано в последней повести. С того момента, как наш мамонт свалился в реку, прошло по меньшей мере 15000 лет!

Описание жизни животных и охотников на мамонтов – результат бесчисленных исследований ученых в самых разных областях. Рассказать про все в подробностях невозможно из-за огромного объема информации и необходимости использования слишком многих научных терминов. Прошу тебя, дорогой читатель, не сомневаться в том, что написанное мной – правда!

И еще на одно хочу обратить твое внимание: если захочешь подробней почитать о животных, которые появлялись в отдельных повестях, найди соответствующие главы о них в моих книгах „Чудеса древности“, „Летающие ящеры и древние птицы“, „По путям развития жизни“ и „Предыстория жизни“, а о древних людях сможешь больше узнать из книг „Жизнь древнего человека“ и „Охотники на пещерных медведей“.

Книгу, которую ты держишь в руках, иллюстрировал мой друг, член Академии художеств Зденек Буриан. Все рисунки он сделал под моим руководством после изучения соответствующего материала в виде костных останков и образцов. Так что иллюстрации правильные с научной точки

зрения.

Точно так же как автор вместе с художником старались как можно наглядней и увлекательней передать тебе, дорогой читатель, несколько образов из жизни в стародавних исчезнувших мирах, так и целью издательства стало то, чтобы тебе в руки попала эта превосходно оформленная книга. Получилось ли это у нас — судить тебе. Нас бы очень порадовало, если ты остался доволен ей.

